АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. Д. ТЯГАЙ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КОРЕЕ 1893-1895 г.г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. Д. ТЯГАЙ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КОРЕЕ 1893-1895 г.г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1953

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. В. ЛЕЗИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Героический корейский народ обладает богатыми революционными традициями и славным историческим прошлым. На протяжении многовековой истории Кореи основное место принадлежит мужественной борьбе корейского народа против феодального гнета и иноземных поработителей.

Корейский народ неоднократно с оружием в руках героически отстаивал свою свободу и национальную независимость. Монгольские, маньчжурские, японские, американские и другие захватчики не раз пытались поработить свободолюбивый корейский народ, захватить его родную землю.

Трудовой народ Кореи и поныне свято чтит память своих национальных героев, беззаветно отдавших свои жизни за спасение отечества, за свой народ.

Вождь корейского народа Ким Ир Сен призывал корейский народ в его священной борьбе против американских империалистов следовать примеру своих славных предков — полководцев Ли Сун Сина, Ыльти Мун Дэка, Кан Гам Чана и других,— которые беззаветно защищали Корею от иностранных захватчиков [1].

---

[1] См. Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1951, стр. 33. Ли Сун Син — корейский флотоводец, разгромивший японских захватчиков в XVI в.; Ыльти Мун Дэк — корейский полководец, организовавший разгром иностранных поработителей в VII в.; Кан Гам Чан — корейский полководец и политический деятель, организатор борьбы против нашествия киданей на Корею в XI в.

В славном героическом прошлом корейского народа одной из ярких страниц является крестьянское восстание 1893—1895 гг.

Это восстание, охватившее всю страну, было крупнейшим антифеодальным и антиимпериалистическим выступлением народных масс Кореи.

История мужественной борьбы корейского народа грубо фальсифицирована в псевдонаучных писаниях буржуазных японских, американских, английских и других апологетов империализма. Буржуазные фальсификаторы истории, нарочито искажая и подтасовывая факты, стремились скрыть или преуменьшить мощный размах революционной борьбы корейского народа против своих собственных и иностранных угнетателей. В официальной американской документации [1], в работах буржуазных историков: английских и американских — Хальберта, Маккензи, Харрингтона, Трита, Лонгфорда, японских — Сидэхара Хироси, Синобу Сэйсабуро, Кикути Кэндзё и других, вся героическая борьба трудового народа Кореи сводится к чисто религиозному выступлению, руководимому сектой тонхак (восточное учение).

Буржуазные востоковеды либо описывали восстание как чисто религиозное движение и тем самым фальсифицировали самую сущность его, либо, стараясь представить корейский народ неспособным к решительным революционным действиям, они изображали восстание как инспирированное японскими капиталистами движение.

Буржуазные авторы стремились затушевать различие между религиозной сектой с ее реакционным руководством и широкими крестьянскими массами, вступившими на путь революционной борьбы. Они умалчивали о том, что главари секты тонхак звали народ к «смирению и самосовершенствованию», что они хотели перевести революционную борьбу народа на путь мирных петиций к правительству. Фальсификаторы истории не пишут и о том, что мощный шквал народного движения перехлестнул рамки, намеченные руководителями секты тонхак, что в Корее началась подлинно революционная крестьянская война. В ходе этого восстания революционизиро-

---

[1] «Papers relating to the foreign relations of the United States». Publication of the Department of State. Вашингтон, 1894, 1895, 1896.

вались лозунги повстанцев, расширялась массовая база, росли организованность, сплоченность крестьянских отрядов, нарастали революционные силы.

Буржуазные авторы дают искаженное представление и о продолжительности восстания, относя конец его к маю — июню 1894 г. Но факты опровергают эти лживые измышления. Крестьянское восстание достигло своего наивысшего подъема в июле — декабре 1894 г., т. е. в период японо-китайской войны и оккупации Кореи японскими войсками, приобретая характер освободительной борьбы против японских интервентов, борьбы за независимость своей родины. Крестьянская война продолжалась в Корее и в 1895 г.

Объединенные корейские правительственные и японские войска, оснащенные оружием из американских и английских арсеналов, сумели разгромить основные силы крестьянского движения, представленные его армией. Но они были бессильны заставить корейский народ прекратить борьбу, были бессильны подавить повсеместное партизанское движение, носящее название Армии справедливости — Ыйбён.

В период крестьянского восстания и японо-китайской войны японские захватчики пытались под видом проведения «реформ» в Корее превратить ее в свою колонию. В своих захватнических планах колонизаторы опирались на поддержку американских и английских империалистов [1].

Ким Ир Сен отмечал, что «англо-американские империалисты — смертельные враги корейского народа — оказывали прямую поддержку японскому империализму в деле захвата Кореи» [2].

Однако в конце XIX в. захватнические планы японских милитаристов и поддерживающих их американских империалистов были сорваны благодаря решительному сопротивлению свободолюбивого корейского народа, мужественно отстаивавшего свое право на независимость.

---

[1] В книге затрагиваются лишь те вопросы международных отношений на Дальнем Востоке, освещение которых необходимо для понимания событий корейской истории изучаемого времени.

[2] Ким Ир Сен. Сталинские идеи вдохновляют народы, борющиеся за свою свободу и независимость. «Правда», 11 марта 1953 г.

Эти внушительные уроки истории были забыты американскими империалистами, когда они вновь попытались превратить Корею в свою колонию и военно-стратегическую базу на Востоке, а корейский народ — в своих колониальных рабов.

25 июня 1950 г. американский империализм начал кровавую авантюру против корейского народа.

Более трех лет героический корейский народ с помощью доблестных китайских народных добровольцев с беспримерным мужеством и стойкостью отражал натиск войск американских империалистов. Героическая борьба корейского народа вызвала сочувствие и поддержку всего прогрессивного человечества, всего лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом. Эта борьба стала знаменем освободительного движения народов угнетенных и зависимых стран. Сознание справедливости своей борьбы придало корейскому народу и китайским народным добровольцам непреоборимую силу. Корейский народ, тесно сплоченный вокруг Трудовой партии и своего правительства, преодолел все трудности войны и одержал великую победу.

ВВЕДЕНИЕ[1]

Корея[2] ко второй половине XIX в. представляла собой типичную феодальную страну периода разложения феодализма. Основой феодализма в Корее, как и повсюду, являлась феодальная собственность на землю. Верховным собственником земли считалось феодальное государство.

Однако только часть земли находилась в руках государства. Крестьяне, ее обрабатывающие, были фактически государственными крепостными. Часть этих земель с прикрепленными к ним крестьянами передавалась во временное владение как плата чиновникам центральных и провинциальных учреждений[3].

---

[1] Настоящая глава не ставит целью исследование социально-экономического строя Кореи в целом. Во введении дается лишь краткий обзор состояния феодальной Кореи перед крестьянским восстанием 1893—1895 гг.

[2] С 1637 г. королевство Корея находилось в вассальной зависимости от маньчжурской династии, которая вскоре приступила к утверждению своего господства в Китае (1644—1911). В 1637 г., после маньчжурского нашествия в Корею, корейский король заключил договор, по которому признавал себя вассалом маньчжурского императора. Корейское правительство не имело права вступать в сношения с иностранными государствами без согласия маньчжурского правительства и обязано было ежегодно выплачивать ему тяжелую дань — 100 лан (8 фунтов) золота, 1 тыс. лан серебра, 10 тыс. мешков риса, 2 тыс. кусков шелка, 10 тыс. кусков хлопчатобумажных тканей, 300 кусков льняного полотна, 500 кусков полотна из конопли, 10 тыс. свитков бумаги и т. д. Уплата тяжелой дани непосильным бременем ложилась на плечи корейских крестьян и ремесленников.

[3] Губернатор получал 50 кёль земли, начальник округа — 40 кёль. Доход губернатора Пхеньянской провинции составлял 10 тыс. мешков риса (см. Свод законов Кореи, опубликованный в 1785 г. под названием «Тэден Тхонпхён». Русский перевод сделан П. А. Дмитревским и издан в виде примечаний к книге «Записки японского переводчика Отано Кигоро».— «Записки по общей географии имп. Русского географического общества», т. XII, ч. IV, СПб., 1884, стр. 186. В дальнейшем: П. Дмитревский. Указ. соч.).

Корейский король являлся не только главой государства, но и крупнейшим землевладельцем. Королевский род и высшая аристократия одновременно являлись и крупными помещиками-феодалами, во владении которых находились колоссальные земельные массивы. Лучшие государственные земли, доходы с которых шли на содержание королевской семьи, были приписаны к дворцовому ведомству [1]. Кроме того, имелись специальные поля, доходы с которых поступали на жертвоприношения, охрану королевских кладбищ и т. д. Все доходы с так называемых королевских земель поступали в дворцовое управление, и, таким образом, королевская семья и многочисленные королевские родственники собирали натуральные налоги огромных размеров.

Хотя основную массу земельного фонда Кореи составляли так называемые государственные земли, были и феодальные держания, находящиеся во владении монастырей и янбаней [2]. К началу XIX в. некогда могущественные буддийские монастыри и храмы уже утратили свое политическое значение, а вместе с ним и часть земельных владений. Во второй половине XIX в. насчитывалось около 1500 буддийских монастырей. Наиболее крупные монастыри, находившиеся в провинции Кёнсандо, владели более чем по 1000 кёль земли каждый [3].

Частновладельческие поместья корейских феодалов возникали из земель, некогда подаренных королем особо отличившимся чиновникам. Еще в 1470 г. законом было закреплено право дворянства на вечное владение этими дарственными землями [4].

---

[1] На содержание родственников короля отводилось 1000 кёль земли, после смерти короля — 500 кёль. На содержание дворцов каждой из четырех главных жен короля — по 1000 кёль. Дочерям и сыновьям от первой жены — по 850 кёль, от наложниц — 800 кёль. См. П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 192.

Кёль — основная мера земельной площади, служившая одновременно единицей обложения поземельной податью.

Кёль первоначально означал и земельную меру и количество урожая. 1 кёль (или мок) урожая состоял из 100 пу (пу — ноша), 1 пу состоял из 10 сок (снопов), содержащих по 10 пха (горстей). Кёль, представлявший земельную площадь, с которой собирается это количество риса, был величиной непостоянной для различных по качеству полей. Если исходить из существующего деления полей на шесть качественных разрядов, то 1 пха риса собирается с 1 кв. метра (чок) земельной площади, поэтому кёль земли первого разряда состоял примерно из 10 тыс. кв. метров, т. е. около 1 га.

[2] Янбань — корейский дворянин.

[3] П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 77—78.

[4] Издавна для награждений особо отличившихся чиновников существовал специальный земельный фонд. По наградным листам I степени чиновники получали право на владение 150 кёль земли, II степени — 80 кёль, III степени — 60 кёль и т. д. До опубликования закона 1470 г. наградные земли переходили из поколения в поколение и только, если не было наследников, передавались в казну (П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 77—78).

Ко второй половине XIX в. феодальное государство являлось лишь номинальным собственником земли, так как большая часть государственных земель находилась в частном владении отдельных феодалов.

Эксплуатация крестьян являлась основным источником дохода феодального государства, и поэтому оно зорко следило за поступлением доходов с земли. Еще в середине XV в. было установлено шесть разрядов земель, различающихся по степени плодородия почвы, возможности ирригации, по характеру рельефа и месту расположения земли. Однако установление той или иной категории поля происходило в условиях самоуправства и произвола со стороны местных властей. Кроме установленных категорий полей, имелись и поля, обработка которых началась сравнительно недавно. Эти поля не были обозначены в записях правителя уезда, и официально первые три года с них можно было не платить налогов правительству. На четвертый год правительственная комиссия выезжала на место для обследования, измеряла и устанавливала размер земельной подати. Местные чиновники облагали новые поля непосильными налогами и зачастую не сообщали в правительственные органы об их существовании. Доходы с этих полей полностью поступали в карманы чиновников. Кроме комиссий по обследованию новых полей, каждые 20 лет крупный сановник со специальным штатом чиновников должен был выезжать из Сеула для пересмотра налога с каждого поля. Формально правительственная комиссия ставила целью пересмотреть размер земельной ренты, так как плодородность земли по различным причинам могла измениться. Действительной же целью посылки правительственной комиссии было увеличение этой ренты под любым предлогом.

15 сентября каждого года правители уездов сообщали губернаторам, а те в свою очередь правительству о положении с урожаем в текущем году. Если предполагался хороший урожай, то с каждого кёль взимали налог в размере 20 ду [1] зерна. Если урожай был хуже, то кёль устанавливался в 18 ду и еще ниже.

Провинциальные власти требовали, чтобы каждое поле, превышавшее 5 кёль земли, имело номер для занесения в податные списки. Натуральные, а иногда денежные налоги с населения деревни собирал староста деревни и передавал их начальнику округа. Затем их сдавали в провинциальное управление. Последнее должно было переслать налоги в Сеул [2].

---

[1] 1 сок (сноп) = 15 ду.

[2] В 1884 г. было создано транспортное бюро с двумя инспекторами, ответственными за сбор и доставку зерна. Один из инспекторов сопровождал рис из провинций Чолладо и Чунчондо, а другой из Кёнсандо в Сеул.

В ведении специальных королевских чиновников был надзор за состоянием ирригационной системы. Однако улучшение орошения никогда не интересовало королевское правительство, функции которого сводились к выколачиванию максимальных налогов с крестьян.

Всей землей в Корее владел господствующий класс феодалов. Непосредственными производителями, обрабатывающими землю, были крестьяне.

К XIX в. уже ясно обозначился распад системы государственной собственности, рост частновладельческих земель. В корейской деревне стал преобладать безземельный крестьянин — арендатор помещичьей земли.

Корейские помещики сами обычно не вели хозяйства и жили в столице или провинциальных центрах [1]. Изменения в аграрном строе XIX в. вызвали дальнейшее ухудшение тяжелого положения корейских крестьян. Сокращение государственных земель привело к обезземеливанию и разорению крестьян, сидевших на этих землях. Лишенные своих наделов крестьяне стали арендаторами земли у помещиков. Крестьянин попадал в полную зависимость от феодала, и феодальная эксплуатация ничем не ограничивалась. Арендная плата составляла фактически более половины всего урожая, а не установленную общегосударственную норму [2]. Постепенная замена поземельного натурального налога деньгами создавала в течение XIX в. новые трудности для арендаторов [3].

Замена натуральных повинностей денежным налогом способствовала процессу имущественного расслоения крестьянства.

Острая нужда в земле усугубляла и без того тяжелое положение тружеников корейских полей. Освоение новых земель

---

[1] По данным отчетов японских земельных обследований начала XX в., в провинциях Чолладо, Кёнсандо, Чунчондо, Канвондо на одно-два хозяйства крестьян, имеющих свой надел, приходилось около 10 хозяйств арендаторов. Следовательно, 80—90% крестьян состояло из арендаторов, обрабатывающих на кабальных условиях помещичью землю, и только 10% крестьян имело свой надел (см. Хан Гир Ен. Исследование о развитии юридической системы в Корее. «Вопросы истории», № 5, Пхеньян, 1949, стр. 26. Цит. по статье М. Н. Пак. К характеристике социально-экономических отношений в Корее в конце XIX в.— «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952, стр. 155).

[2] В XV в. была установлена общегосударственная система взимания феодальной ренты в размере 30 ду риса с одного кёль земли поливных полей или 30 ду проса с неполивных.

[3] Как свидетельствовало Уложение законов 1785 г., в некоторых случаях арендная плата натурой заменялась деньгами. Уложение законов указывало: «...провинции Хуан-хей (Хванхэдо.— *Г. Т.*) в четырех горных областях налог на вечное время заменяется деньгами, вместо 1 мешка гороха 2,5 ланы, 1 мешка риса берется 5 лан, 1 мешка проса — 4 ланы... С полей, приписанных к военному ведомству, подать натурой также заменялась деньгами» (П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 218).

без разрешения правительственных чиновников строжайше запрещалось. Крестьяне, потерявшие свой надел и оказавшиеся не в состоянии платить арендную плату, бежали в горные районы[1]. Они выжигали на пустырях кустарники и обрабатывали землю. Урожая с этих полей не хватало даже на полуголодное существование. Правительство строжайше преследовало разработку этих так называемых «огненных полей».

Крестьяне, обосновавшиеся в горных районах (хвачжонмины), подвергались преследованиям королевских чиновников. Сборщики налогов проникали в труднопроходимые горные районы и облагали хвачжонминов налогом. Кроме поземельного, с них взыскивали и дополнительные налоги бобами, чумизой, грубым полотном и т. д.

Техника обработки земли была до крайности примитивна. Крестьянин работал заступом и лопатой, редко на полях встречались плуг и соха. Вол был редкостью в хозяйстве арендатора.

Платя огромную земельную ренту помещику или феодальному государству, крестьяне старались использовать даже крыши своих фанз, чтобы получить лишнюю пригоршню зерна.

Русский офицер Альфтан, посетивший Корею в 1895 г., писал: «...не легко добывается хлеб насущный в Корее... воочию убеждаешься в силе нужды в Корее и трудолюбии корейца. Запахиваются такие крутизны, взобраться на которые кажется просто немыслимым, а не то, чтобы их обрабатывать»[2].

Корейские крестьяне были задавлены непосильным бременем государственных налогов. Кроме поземельного ренты-налога, который являлся основным источником дохода феодального королевства, они были обязаны выполнять различные повинности (пусе). Помимо основных налогов, корейское крестьянство подвергалось ограблению путем введения всевозможных дополнительных податей и сборов. Количество налогов, взимаемых с корейских крестьян, настолько было велико,

---

[1] Русский путешественник Вебель, давая интересное описание Кореи 90-х годов XIX в., указывал, что в районе Косан провинции Хамгёндо приходилось на 3500 человек 1450 десятин пахотной земли. В каждом крестьянском дворе было 10 едоков. На каждый двор приходилось примерно 4 десятины пахотной земли. Кроме этих крестьян-бедняков, ведущих самостоятельное хозяйство, было множество крестьянских семей (в местностях, прилегающих с севера к Косану, Вебель насчитывал 300 таких семейств количеством в 2100 человек), которые вели хозяйство на «огненных полях» (С. М. Вебель. Поездка в Северную Корею в 1889 г.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 41, СПб., 1890, стр. 162—164. В дальнейшем: «Сборник материалов по Азии»).

[2] «Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.» «Сборник материалов по Азии», вып. 69, СПб., 1896, стр. 27.

что их невозможно перечислить в кратком очерке [1]. Рассмотрим лишь важнейшие. К числу таких относился самсуми, установленный еще в 1592 г. во время нашествия японских захватчиков. Этот налог предназначался якобы для содержания войск — артиллерии, лучников и отрядов рукопашного боя. В конце XVIII в. самсуми стал обычным поземельным налогом. Он взимался в размере 2 ду и 2 сын [2] риса с каждого кёль поливных полей, 2 ду и 2 сын другими злаками с каждого кёль неполивных полей. Большое распространение получил и налог тэдонми, возникший в XVII в., когда был введен закон о замене поставок изделий домашней промышленности зерном. Феодальное правительство теперь покупало необходимые товары. Этим налогом облагались все поля. Тэдонми взимался рисом от 12 до 16 ду с каждого кёль поливного или неполивного поля [3]. В конце XVI в. возник новый налог кунбопхо, представлявший выкуп за освобождение от воинской повинности. Официально военнообязанный, внесший 2 куска хлопчатобумажной ткани, освобождался от военной повинности. На деле же этот налог стал неиссякаемым источником грабежа неимущих крестьян со стороны королевских чиновников. В 1751 г. был издан «закон об уравнении повинностей», по которому налог кунбопхо сокращался вдвое. Однако одновременно правительство ввело новый налог кёльчак, который равнялся половине кунбопхо. Кёльчак взимался с каждого кёль земли и равнялся 5 нян [4]. Кроме того, правительство на каждый кёль земли установило дополнительный поземельный налог в размере 2 чжон [5] и 5 пхун. Таким образом, отмена кунбопхо привела к еще большему усилению налогового гнета.

В 1871 г. был установлен подворный налог хопхочжон, вместо упраздненного полностью кунбопхо. Каждый крестьянский двор обязан был уплачивать в казну в среднем 2 нян. С крестьян взимался соляной налог — за добывание соли — 4 мешка с котла сваренной соли, налог за рубку леса [6], за охоту на лесного зверя, на морских животных. Местный на-

---

[1] Подробный обзор всех форм налогов, податей и повинностей, которыми облагались крестьяне, дается в книге «История освободительной борьбы корейского народа» («Чосон минчжок хэбан тучженса»), в гл. I, проф. Пэк Нам Уна «Корея во второй половине XIX в.» Изд. Университета им. Ким Ир Сена, Пхеньян, 1949 (на корейск. яз.).

[2] 10 сын = 15 ду.

[3] Тэдонми был введен в 1608 г. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 15—18.

[4] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 15—18. Нян — денежная единица = 100 пхун (медная монета).

[5] Чжон = 10 пхун.

[6] Все леса считались собственностью короля. За рубку леса вносился налог в размере 3% стоимости срубленного леса.

чальник округа зорко следил за внесением налога за право охоты и рыбной ловли [1].

Трудно найти отрасль хозяйства корейского крестьянина, не облагавшуюся специальным сбором в королевскую казну. Ничто не ускользало от алчного взора королевских сборщиков: лодочный промысел, перевозка по рекам товаров, содержание печей для обжигания извести, пользование точильными камнями, разведение деревьев для выработки бумаги, разведение лакового дерева, табака, ловля съедобных водорослей и т. д. За выращивание лекарственного корня жен-шеня, который считался монополией короля, полагалось вносить особую повышенную плату [2]. Даже далеко не полное перечисление налогов, уплачивавшихся корейскими крестьянами, является достаточным свидетельством их ужасающего положения.

Кроме перечисленных видов налогов, существовали многие другие, самые разнообразные формы ограбления народных масс. Так, если в деревнях останавливались королевские чиновники или учреждались почтовые станции, то содержание их относили целиком на счет крестьян этой деревни. Правда, существовало правительственное распоряжение, что в таких случаях, когда в деревне имеется почтовая станция, крестьяне освобождаются от налогов на ее содержание. Но это распоряжение оставалось лишь на бумаге, и создание почтовых станций или каких-либо других учреждений ложилось бременем на плечи населения деревень.

Крестьяне привлекались также к разнообразным формам трудовых казенных повинностей. К ним относились бесплатные работы по сооружению городских стен, постройке дорог, мостов и т. д. Эти тяжелые повинности на много дней отрывали крестьян от сельскохозяйственных работ. Трудовые повинности подобного рода могли быть заменены внесением определенной денежной суммы, пропорционально числу взрослых мужчин в семье [3].

Совершенно ясно, что задавленный неисчислимыми прямыми и косвенными поборами крестьянин не имел возможности

---

[1] Крестьяне обязаны были продавать меха местному начальнику округа, который в свою очередь должен был отправлять их в Сеул. Однако начальник округа, как правило, не уплачивал стоимости шкур и отбирал их бесплатно Величина налога с рыбной ловли устанавливалась с учетом размера сетки рыболова, числа рыбаков в лодке. Насчитывалось 10 градаций размера сетки, числа рыбаков и ящиков улова рыбы. За места для рыбной ловли взимали особую плату. На юго-западе за хорошее место уплачивали 300 штук рыбы, за среднее — 150, худшее — 75 (см. «Описание Кореи», т. 2, Изд. Мин. финансов, СПб., 1900, стр. 440, 443, 447; Поджио. Очерки Кореи. СПб., 1898, стр. 74).

[2] См. «Описание Кореи», т. 2, стр. 447.

[3] Поджио. Очерки Кореи, стр. 75.

уплатить нужную сумму и поэтому королевские чиновники могли в любое время года послать его на казенные работы.

Дворцовые земли, а также земли, приписанные к военным учреждениям, не только были освобождены от государственных налоговых повинностей, но и пользовались особым иммунитетным правом — мутхоменсе. На основании этого крестьянские поля, отданные под покровительство королевских дворцов или столичных военных учреждений, освобождались от налогов. Часто крестьяне, доведенные до отчаяния неприкрытым грабежом феодалов, приписывали свой участок земли к дворцовым или военным землям. Однако их ждало тяжелое разочарование. Наглые вымогательства королевских чиновников продолжались и на этих землях. Чиновники требовали от крестьян зерна, риса, денег, полотна [1].

Феодальный гнет усугублялся эксплуатацией народных масс торгово-ростовщическим капиталом. Корея являлась особенно ярким примером того, что «ростовщический капитал тем сильнее развивается в стране, чем больше производство в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью» [2].

Корейский крестьянин, скованный путами феодальной зависимости от помещика и бесчисленными правительственными поборами, неминуемо оказывался в долгу и у ростовщика. В Корее функции ростовщика выполняло как само королевское правительство и его чиновники, так и помещики.

Правительство еще в XV в. пускало в ростовщический оборот свои запасы зерна. Зерно, хранившееся в общественных складах, раздавалось весной крестьянам, а осенью или зимой они должны были вернуть ссуду с высокими процентами. Эти ростовщические операции государства получили название системы хвангок, т. е. возвратное зерно. В 1454 г. в хвангок было превращено все зерно, которое выделялось из поземельного налога на содержание войска. Постепенно чиновники, разбогатевшие на операциях с хвангок, пускали в оборот все новые и новые запасы зерна. Размеры ограбления крестьянских масс путем ростовщических операций с хвангок с каждым годом возрастали. Так, если в 1726 г. общая сумма хвангок не превышала 416 900 сок, то в 1807 г. она достигла более 9 995 500 сок [3]. Правительство создало специальную систему учреждений, которые занимались операциями по ссуде зерна населению. Важнейшими из них были: налоговое управление, палата финансов, военная палата, палата наказаний, военные

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», гл. I.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. II, стр. 160.
[3] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 46. Сок — объемная мера зерна = 160 кг.

управления. Кроме того, ссудными операциями занимались управления городов Кэсон, Канхва, Кванжу, управления губернаторов провинций, начальника войск, флота, управления округов и уездов, дворцовые управления [1]. Операции по зерновым ссудам превращались в подлинный грабеж населения. В спекуляции зерном участвовал весь громадный чиновничий аппарат от центральных до провинциальных городских властей. Зачастую крестьянина принудительно заставляли брать ссуду, после чего он уже не мог вырваться из цепких пут королевских чиновников. Эта «помощь» неминуемо приводила к разорению крестьянина и превращению его в вечного должника.

Широчайшее распространение системы хвангок, наглый грабеж и издевательства, чинимые королевскими чиновниками над крестьянами при получении ссуды, приводили к еще большему обострению классовых противоречий и вызывали негодование крестьянских масс.

* * *

К середине XIX в. товарное производство в Корее достигло некоторого развития. Крестьянин вывозил на рынок часть производимых в его хозяйстве товаров.

Корейский крестьянин каждую зиму занимался домашним ремеслом — плел цыновки, шляпы, делал сандалии, деревянные ботинки, ширмы, корзинки и всевозможные деревянные изделия. Он также являлся плотником, кузнецом, столяром, каменщиком. Жена его ткала на примитивном станке и шила одежду. Все сырье, добываемое крестьянином, перерабатывалось в его же хозяйстве, и лишь часть сбывалась на рынок. Почти во всех деревнях существовали мелкие местные рынки. На этих крохотных рынках крестьяне обменивались продуктами с бродячими ремесленниками. Корейская деревня постоянно посещалась торговцами-разносчиками и скупщиками крестьянских товаров.

В. И. Ленин писал, что трудно представить докапиталистическую деревню «без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков» [2].

Крестьянин продавал купцу-скупщику как сельскохозяйственное сырье, так и изделия своих домашних промыслов.

Корейские ремесленники были приписаны к определенным государственным учреждениям. Ремесленники, приписанные к центральным правительственным учреждениям, назывались «столичными мастерами». Эти учреждения возглавлялись Палатой общественных работ. К провинциальным учреждениям

---

[1] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 47—52.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 333.

были приписаны так называемые «внешние мастера». Среди «столичных мастеров» насчитывалось до 130 профессий ремесленников. Среди них были: кузнецы, литейщики, печники, башмачники, бумагоделы, мастера по выделке золотой мишуры, зеркал, обработке жемчуга и т. д. В провинциях, кроме прикрепленных ремесленников, были «свободные мастера», специализировавшиеся на выработке изделий из сырья, которое имелось только в этом районе.

Ремесленники, приписанные к определенным учреждениям, фактически находились на положении крепостных. Центральные власти распределяли мастеров каждой специальности по учреждениям и определяли их число. К 1866 г. число государственных ремесленников только в провинциальных центрах достигло 5451 чел. Немногим меньше государственных ремесленников было в столице.

Однако в конце XIX в. развитие товарно-денежных отношений привело к постепенному сокращению числа государственных ремесленников. Свободные ремесленники, работающие в отраслях, достигших сравнительно высокой техники производства, объединялись в различные цехи (ке) [1]. Так, были цехи по выработке полотняных, бумажных и фарфоровых изделий. Цехи ежегодно платили в казну определенную плату за монополию на производство товаров. Особенно много свободных мастеров, объединенных в цехи, появилось в провинциях, за счет сокращения «внешних мастеров». Правительство теперь вынуждено было заставлять свободных ремесленников работать либо в принудительном порядке, либо за денежную плату. В цехах корейских ремесленников мастер являлся полновластным хозяином и эксплуататором своих подмастерьев и учеников. Более зажиточные мастера становились скупщиками и ростовщиками.

Кроме ремесленников, объединенных в цехи или приписанных к государственным учреждениям, имелись еще и бродячие мастера-одиночки — горшечники, гончары, кузнецы. Они не работали постоянно на одном месте, а в поисках заработков ходили по деревням, предлагая свои услуги местным жителям. Горшечники обычно останавливались в тех местностях, где имелись хорошая глина и дрова для обжигания горшков. Найдя деревню с соответствующими условиями, горшечник наскоро сколачивал временное пристанище, выкладывал обжигательную печь и принимался за работу. В этих гончарнях изготовлялась грубая, но прочная глиняная посуда — огромных размеров горшки для хранения воды, пшеницы, риса и т. п. Когда горшечник удовлетворял спрос местных крестьян, он

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 20—21.

отправлялся дальше в поисках работы. Подобным же образом протекала работа кузнецов, литейщиков и других ремесленников [1].

Жесточайшие формы феодальной эксплуатации крестьянства, непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, запрещение передвижения и переселения крестьянства,— все эти условия не давали возможности крестьянину улучшать свое хозяйство, производить продукты сверх прожиточного минимума; они сковывали развитие производительных сил и вели «к громадной задержке всего общественного развития» [2].

Феодальный гнет в сельском хозяйстве в совокупности с закрепощением части ремесленников (государственных) и тягчайшим обложением «свободных мастеров», работающих по найму и на рынок, тормозил развитие корейской промышленности и ремесла.

Но все же товарное хозяйство развивалось. На это указывает наличие во второй половине XIX в. районов, специализировавшихся по выработке определенного сырья и товаров. Так, наиболее значительными центрами по производству различных сортов холста были Хансан, Сёсан, Имчён; по выделке особого сорта тонкого холста — Хоэрён, Кёнсон; по выработке шелкового полотна — Енбён, Сунчон, Начжу; узорных и белых матов — Посон, Канхва, вееров — Танян, Начжу, Чжёнчжу; белого и цветного фарфора — Кванчжу и Корён; бронзовой посуды — Ансон, Куре, Кэсон, железных изделий — Енбён и т. д. [3]

Такое разделение труда между отдельными районами способствовало развитию торговли, росту производства на рынок.

---

[1] А. И. Звягинцев. Поездка в Северную Корею, «Известия имп. Русского географического общества», т. XXXVI, вып. V, СПб., 1900, стр. 512.

В донесениях русских, посетивших Корею в 80—90-х годах XIX в., встречаются сведения о корейских «заводах» и «фабриках», которые скорее всего представляли, видимо, простую кооперацию, так как в источниках нет данных о разделении труда. Так, имелась бумажная фабрика в Сеуле, гончарная и горшечная мастерская в 45 верстах к юго-западу от г. Тхончон. Альфтан замечает, что на всем севере Кореи это единственный «завод» глиняной посуды и притом очень низкого качества. Близ больших городов (Сеул, Пхеньян и др.) расположились многочисленные кирпичные мастерские, выделывающие из-за недостатка топлива кирпич-сырец. А. Г. Лубенцов приводит описание корейского чугунолитейного «завода» по производству котлов, расположенного на севере Пхеньянской провинции. Прочность котлов высоко оценивалась русскими путешественниками (А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. Хабаровск, 1897, стр. 123—124).

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 280.

[3] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 20—21.

Всю торговлю в Корее можно разделить на два вида: странствующую (хэнсан) и оседлую (цвасан).

Странствующие торговцы торговали вразнос по деревням и рынкам, а оседлые сосредоточивались в городах. Городская торговля вначале целиком находилась в ведении феодального государства. Правительство сдавало купцам, обслуживающим правительственные учреждения, торговые здания. Шесть крупных торговых домов в Сеуле сохранились вплоть до последней четверти XIX в. Каждый из этих торговых домов получал от государства монополию на торговлю определенным видом товаров (тонким шелком, бумагой, рыбными изделиями, башмаками, хлопчатобумажными тканями). Каждая торговая фирма зорко следила, чтобы никто не нарушил ее монопольных прав.

Нарушитель подвергался строгому наказанию в специально созданном управлении по надзору за городской торговлей.

За предоставление монополии в торговле правительство облагало купцов феодальными повинностями. Они обязаны были платить особые налоги на содержание войска, поставлять правительству военные материалы и нести военную службу. Торговцы часто объединялись в купеческие гильдии, стремясь путем взаимопомощи оградить себя от произвола королевских властей.

Наиболее многочисленной была гильдия странствующих купцов — попусанов, или посанов и пусанов. Посане — странствующие торговцы, которые на спине носили узлы с шелком, холстом, бронзовой посудой и различными ремесленными изделиями домашнего обихода. Они ходили по деревням, но в основном именно они торговали на местных рынках [1].

Пусане носили свои товары на особых рамах (чжиге). Они торговали посудой, рыбой, солью, морскими продуктами и прочими предметами [2]. В руках попусанов была сосредоточена вся розничная торговля в Корее.

Уже с раннего утра к рынку стекались из деревень крестьяне, неся товары для продажи: соломенные башмаки, шляпы и т. д. Из города приходили странствующие торговцы с тяжелыми вьюками. Они обходили все рынки этого района. Их вьюки были набиты бумагой различных сортов, пуговицами, кисетами для табака, гребнями, шелком, зеркальцами и т. д. [3]

---

[1] Еще в XVI в. правительство установило специальные рыночные дни. С этой целью вся страна была разделена на особые районы и в каждом районе выбрано 5 пунктов для рынков. Рынки были поочередно в этих пунктах с таким расчетом, чтобы в каждом районе ежедневно был рынок.

[2] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 22—26.

[3] «Описание Кореи», т. 2, стр. 232—234.

В особом месте на рынке располагались торговцы продовольственными товарами (рис, бобы, овощи, морские товары, рыба).

В центре Сеула находилось главное управление гильдии попусанов. Глава этого управления пользовался большим влиянием в стране [1]. Организация попусанов имела отделения почти во всех крупных городах страны. Управление осуществлялось выборными лицами. Глава местного отделения обладал неограниченной властью над членами гильдии.

Все разносчики были связаны клятвенным обещанием побратимства (хёнчжэке) и состояли членами общества попусанов (попусанхве). Вступление новых членов в общество производилось по рекомендации и с ручательством старого члена.

Эта гильдия имела определенный денежный фонд, составлявшийся из процентов от крупных торговых операций (в среднем 2—3%). Четыре раза в год устраивались собрания членов гильдии с отчетами о торговле, о доходах, расходах, и здесь же определялся процент, вносимый в общую кассу. Перед отправлением в путь странствующие торговцы сообщали в управление своей гильдии о количестве, качестве и цене товаров.

Неправильное представление отчетов строжайше преследовалось, и виновный исключался из гильдии, что было равносильно запрещению торговать во всех близлежащих районах. Взносы шли на подношения крупным чиновникам и в редких случаях на помощь семьям нуждающихся попусанов в случае болезни, смерти, рождения детей и т. д.

Судя по корейской литературе количество попусанов было очень велико [2]. Эта гильдия представляла собой многочисленную организацию, с широко разветвленной сетью отделений во всех административных центрах страны.

Важно отметить, что попусане не боялись вступать в конфликт с местными властями. Если попусане, возмущенные непомерной алчностью чиновников или другими беззакониями, не получали удовлетворительного ответа на свои требования, они всем коллективом покидали город. Город и его окрестности лишались товаров. Наступал полный застой в торговле. Зная силу и сплоченность попусанов, никто не осмеливался взять на себя доставку товаров в этот город, и местные власти вынуждены были идти на уступки.

---

[1] П. В. Россов. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906, стр. 12—13.

[2] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 25.

Центральное правительство опасалось экономического усиления попусанов и стремилось полностью контролировать их деятельность [1].

В 1882 г. были опубликованы правила, касающиеся покровительства, помощи, контроля, управления и сбора налогов с попусанов. В 1883 г. создан контрольный орган — Общее управление по поощрению торговли (Хесанконгук). В 1885 г. это управление вошло непосредственно в палату внутренних дел Кореи, из которого позднее было выделено Бюро по управлению торговлей [2].

В гильдиях были как рядовые торговцы, так и крупные — главы столичных и провинциальных отделений. Богатые купцы присваивали себе часть средств, которые поступали в виде членских взносов, и вступали в сделки с чиновниками за спиной рядовых членов гильдий. По существу они были хозяевами гильдий, основную массу членов которых составляли мелкие торговцы. Создавалась немногочисленная, но экономически сильная группировка торгово-ростовщической буржуазии.

К торговому слою относились также кэкчжу и ёгэк. Кэкчжу — содержатели трактиров в столице и в провинциях. Егэк — содержатели постоялых дворов, занимались торговлей рыбой и морскими продуктами, главным образом в провинциях. При постоялых дворах и трактирах были торговые лавки и меняльные конторы, принадлежавшие этим же купцам.

Кэкчжу и ёгэк были тесно связаны с представителями корейского дворянства — влиятельными чиновниками, которые после вторжения в страну иностранного капитала занимались компрадорской торговлей.

В середине XIX в. в Корее рынок постепенно начинал приобретать серьезное значение для сбыта продукции производства ремесленников и крестьянского ремесла, охватывая почти всю страну. Крупнейшими торговыми центрами были Сеул, Пхеньян, Тэгу, Кэсон. Хотя торговые лавки имелись только в крупных административных центрах и провинциальных городах, но во все, даже самые отдаленные, районы страны проникали попусане.

Таким образом, даже краткий обзор состояния внутренней торговли феодальной Кореи показывает развитие товарного хозяйства. Наблюдаются отдельные элементы складывающегося национального рынка, как, например, выделение районов, специализирующихся на выработке определенных товаров.

---

[1] В период правления принца-регента Тэвонгуна (1864—1874 гг.) было учреждено управление попусанов, которое ведало торговлей попусанов всех восьми провинций (см. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 26).

[2] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 26.

Внешняя торговля Кореи в период изоляции страны была ограничена очень слабыми торговыми связями с Китаем и Японией. Иностранным судам строжайше запрещалось посещать корейские порты: китайские и японские джонки могли только подходить к берегам провинции Пхенандо для ловли трепангов и провинции Хванхэдо для ловли сельдей. Рыболовам как японским, так и китайским не разрешалось выходить на берег или завязывать сношения с корейскими рыбаками, встречавшимися в море.

Несмотря на строжайшие запрещения корейских законов, контрабандная торговля с Китаем процветала. Кроме морской контрабандной торговли, корейские купцы торговали с китайскими на ярмарках близ северо-западной границы страны у города Ычжу и на северной границе у города Кёнхын. Официально корейское правительство разрешало два раза в месяц торговать с японцами в Пусане.

* * *

Привилегированным классом феодальной Кореи являлись янбани, помещики, владевшие основными земельными массивами страны. Янбани, составлявшие дворянское сословие в феодальной Корее, пользовались рядом важных сословных привилегий. Обязательная воинская повинность не распространялась на их сыновей. Янбани служили в армии лишь по желанию и занимали высокие офицерские посты. Янбань и его дом являлись неприкосновенными. Представителям других сословий не разрешалось прикасаться к янбаню, входить во двор его дома, запрещалось курить или сидеть в его присутствии. Крестьянин или ремесленник, проезжая мимо дома янбаня или встретив его, обязан был сойти с лошади и идти пешком [1].

Охраняемые феодальным законодательством янбани жестоко эксплуатировали народ.

Дворянин мог стать чиновником только после сдачи специальных государственных экзаменов и получения ученой степени. Для сдачи же экзаменов нужны были средства, так как чиновники, проводившие экзамены, брали крупные взятки. Янбани вели праздную жизнь, тратили огромные средства на свои прихоти и быстро разорялись.

Увеличение поборов с крестьян и ремесленников уже не могло восстановить богатство паразитического класса, так как народные массы давно были доведены до полного обнищания.

---

[1] См. «Дневник П. М. Делоткевича по пути пешком из Сеула в Посьет». «Сборник материалов по Азии», вып. 38, СПб., 1888, стр. 138; «Описание Кореи», т. 1, стр. 357.

Можно привести бесчисленное множество примеров грубого насилия, притеснений и оскорбления человеческого достоинства, которым подвергались ежедневно корейские трудовые массы [1].

Янбани являлись землевладельцами и несли государственную службу. Торговля, ремесла и различные промыслы признавались недостойными янбанского звания, и заниматься ими запрещалось [2].

В последней четверти XIX в. численно небольшая группа наиболее могущественных янбаней владела крупнейшими земельными поместьями, в то время как многие янбани уже разорились и утратили свои земельные владения. По закону, дворянин не имел права занимать более года крупный правительственный пост, и накопленное грабежом и насилием богатство быстро таяло. Воспитанные в высокомерном презрении к труду дворяне готовы были на любые унижения, лишь бы добиться доходной должности. Ждать места приходилось по 10—15 лет. Разорившиеся янбани жили на средства своего патрона, прислуживали ему, выполняли различные поручения, надеясь под покровительством всесильного чиновника получить должность [3].

Корейских янбаней можно разделить на три группы.

К первой группе относились все правительственные чиновники, занимавшие важные посты в столице и губерниях. Эта небольшая группа чиновников сосредоточивала в своих руках всю полноту политической власти и имела обычно крупные земельные владения.

Вторую группу составляла военщина. Положение корейского офицерства резко отличалось от положения привилегированной служилой бюрократии. Военные считались намного ниже по положению, чем правительственные чиновники, и были лишены многих почестей и внешних признаков уважения, выказываемых по отношению к крупным сановникам. Это объяснялось тем, что вследствие длительной изоляции страны и слабости ее военной организации значение армии, а вместе с ней и военщины, отходило на второй план, уступая место всесильной бюрократии.

Наиболее многочисленной была третья группа корейских янбаней — низшее провинциальное дворянство. Эти янбани из поколения в поколение передавали по наследству должности

---

[1] См. «Описание Кореи», т. 1, стр. 357; Поджио. Очерки Кореи, стр. 107.

[2] Поджио. Указ. соч., стр. 107. Дворянское звание утрачивалось, если янбань был осужден за участие в восстании, за выступление против правительства, и в случае женитьбы на вдове или рабыне дети от этого брака утрачивали дворянские привилегии.

[3] См. Ждан-Пушкин. Корея, СПб., 1875.

секретарей или помощников начальников уездов. Они имели право носить особый головной убор — знак отличия высшей аристократии, пользовались всеми внешними знаками почитания, установленными для янбаней.

Промежуточной прослойки (чжунин) между янбанями и, так называемыми «простолюдинами» была немногочисленная корейская интеллигенция — врачи, художники, астрономы, юристы, переводчики. Они пользовались дворянскими привилегиями: были освобождены от воинской повинности, от уплаты подушной подати и имели право носить янбанскую шапку.

Все остальное население Кореи относилось к «простонародью», главную массу которого составляло крестьянство.

Крестьянство было основным производительным классом корейского общества. Обработка земли была государственной повинностью крестьянина. Если крестьянин не обрабатывал арендуемый участок или свой надел и хотел заняться другим ремеслом, он подвергался тягчайшим наказаниям. Помещик, владевший землей, пользовался неограниченной властью над жизнью и собственностью крестьянина. Закон был всегда на стороне помещика, ростовщика, королевских сборщиков налогов, грабивших и обманывавших корейских крестьян.

Ремесленники и мелкие торговцы были, так же как и корейские крестьяне, фактически лишены политических прав.

По отношению к ним применялись такие же жестокие грабительские формы эксплуатации. В палате финансов и доходов хранились списки всех корейских ремесленников и мелких торговцев. Копии этих списков должны были находиться также в ведомстве общественных работ, в провинциальных и уездных управлениях [1]. Корейские ремесленники, так же как и крестьяне, вносили в государственную казну определенный налог. Кроме того, так же как и крестьяне, они платили многочисленные подати (за сбор водорослей, пользование точильными камнями и т. д.). Ремесленники могли быть призваны и на различные казенные работы. В Уложении законов 1785 г. указывалось, что от всех ремесленников взамен следующего с них числа дней казенной службы взимается установленный налог [2].

Кроме крестьянства и городской бедноты, к угнетенным массам Кореи относилось и значительное количество рабов, которые разделялись на рабов по рождению (чион) и рабов случайных, временных, т. е. продавшихся в рабство, либо проданных родителями или присужденных к рабству по суду.

---

[1] П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 232—233.
[2] Там же.

Чудовищный институт рабства, сохранившийся в Корее, дополнялся наличием так называемых «презираемых профессий», к которым относились: бродячие актеры, мясники, корзинщики, колдуны, танцовщицы, сапожники, скорняки и другие [1].

Особо унизительными занятиями считались профессии мясников, скорняков и корзинщиков. Презрительное отношение к ним развилось, вероятно, под влиянием буддизма, запрещающего убивать животных и считавшего унизительным всякую обработку их трупов и шкур. Сдирание коры с деревьев также относилось к позорным занятиям. Эти люди жили в особых селениях, на значительном расстоянии от деревень, и общение с ними запрещалось. Они были лишены права входить в дома и находиться рядом с представителями других сословий. В брак мясники, корзинщики и представители других «презираемых профессий» могли вступать только в своей среде.

* * *

И. В. Сталин указывал, что «базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития» [2] и что «всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения...» [3]

На феодальном базисе Кореи возвышалась надстройка — государство с огромным бюрократическим аппаратом, содержание которого полностью ложилось на плечи народных масс. Феодальное государство и религия активно содействовали своему базису оформиться и укрепиться. Реакционное конфуцианство, проповедовавшее беспрекословное подчинение народа феодалам, являлось орудием угнетения и эксплуатации трудовых масс Кореи.

Конфуцианство учило, что король — высшее благо, ниспосланное народу. Король — милостивый, справедливый отец, заботящийся о благополучии своих подданных. Смерть короля объявлялась величайшим несчастьем для всего народа. На 27 месяцев страна одевалась в траурные одежды. Первые пять месяцев строжайше запрещались всякие торжества (свадьбы, национальные праздники и т. д.).

Феодальное королевство располагало централизованным бюрократическим аппаратом, с помощью которого оно осу-

---

[1] «The Korean Repository», Сеул, 1898, стр. 129.

[2] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 5.

[3] Там же.

ществляло эксплуатацию народных масс. Высшими чиновниками государства были первый министр — ёнычжон и министры — цваычжон (т. е. левой руки) и уычжон (правой руки). Эти чиновники возглавляли Верховный государственный совет Ычжонбу и от имени короля управляли страной. Звания первых министров присваивались пожизненно.

Вторым по значению правительственным органом был Верховный трибунал по расследованию преступлений чиновников (Ыгымбу).

Верховный государственный совет Ычжонбу осуществлял управление страной через шесть подчиненных ему палат: 1) палату чинов, 2) палату финансов и доходов, 3) палату обрядов и церемоний, 4) палату военную, 5) палату уголовных дел и наказаний, 6) палату общественных работ.

Совершенно отсутствовала до 1876 г. палата иностранных дел и просвещения. Внешние сношения ограничивались отправкой посольств в Китай и находились в ведении палаты церемоний [1].

Через палату чинов (ричжо) проходило назначение чиновников, выдержавших государственные экзамены, на правительственные должности. Кроме того, это учреждение ведало повышением и понижением чиновников, награждением их почетными титулами и грамотами; следило за исполнением служебных обязанностей чиновниками и т. п.

Палата финансов и доходов (хочжо) являлась одним из важнейших учреждений страны. Как уже было выше указано, основой хозяйства страны было земледелие. Поэтому первейшей функцией палаты финансов был надзор за всеми пахотными землями, раскладка и сбор земельной ренты и различных податей, перепись населения для взимания налогов, надзор за правильным землепользованием. Кроме того, в обязанности этого ведомства входило наблюдение за шелководством, добычей золота и серебра, приготовление дани и подарков для маньчжурского правительства Китая и т. д.

В ведении палаты церемоний (ечжо) находились все церемониальные обряды королевского дома: похороны, свадьбы, жертвоприношения. Кроме того, ведомство отправляло дань, принимало китайских послов, т. е. выполняло функции палаты иностранных дел, оно же было ответственно за проведение государственных экзаменов и осуществляло надзор за конфуцианскими школами.

Палата наказаний (хенчжо) ведала судами, тюрьмами,

[1] Насильственное установление связей с иностранными государствами потребовало изменений и в административной структуре королевства. В 1882—1884 гг. была создана палата иностранных дел, которая заняла одно из ведущих мест.

вела расследования различных преступлений, заслуживающих смертной казни или тюремного заключения; руководила деятельностью полицейского бюро столицы и т. д.

Палата общественных работ (кончжо) выполняла самые разнообразные функции. На ее ответственности лежала организация и наблюдение за исполнением общественных работ государственной важности: постройка мостов, каналов, дорог, ремонт городских стен, надзор за всеми казенными домами, земляными работами, разработкой драгоценных металлов, угля, производство предметов, необходимых для государственных учреждений: тушь, кисти и т. д.

В период изоляции страны военная палата находилась на втором плане. Военная организация приходила в упадок. Армия была нужна господствующему классу только для подавления народных восстаний. Королевская гвардия, расквартированная в Сеуле, насчитывала 10 тыс. человек. Кроме королевской гвардии, были провинциальные войска. Во главе провинциальных войск стояли губернаторы. По закону, корейцы, не достигшие 60-летнего возраста, могли быть призваны в армию по специальным рекрутским спискам [1]. Янбани в эти списки не вносились. Обязанности рекрутов, занесенных в списки, сводились лишь к уплате военного налога. Военная служба была одним из источников ограбления народа.

В обязанности военного ведомства входило управление всеми почтовыми станциями страны.

В административном отношении вся Корея разделялась на 8 провинций и 32 округа. Города различались по степеням в зависимости от величины и значения данного округа. Во главе каждой провинции стоял губернатор (кванчхальса или камса). Обязанности городских управлений сводились к сбору поземельного и других налогов с населения подвластных деревень, отправке их в Сеул, наблюдению за состоянием каналов, плотин и т. д. Чиновники городских управлений сгоняли крестьян на всевозможные принудительные работы (строительство дорог, мостов, каналов и т. д.) и проводили торжества (по случаю рождения наследника, королевской свадьбы и т. п.), наблюдали за общественным порядком.

В феодальной Корее широкое распространение получила система тайного сыска [2]. Основной причиной создания тайного сыскного полицейского аппарата было стремление подавить выступления народных масс против гнета корейских феодалов.

---

[1] Военная служба была обязательной только для низшего сословия (крестьяне, городская беднота) и рабов (см. П. Дмитревский. Указ. соч., стр. 269). Общее число войск установить не удалось.

[2] См. Ждан-Пушкин. Корея, стр. 47.

Кроме того, дошедшие до предела злоупотребления провинциальных чиновников, которые присваивали львиную долю доходов, предназначенных для отправки в столицу, вынудили центральное правительство контролировать их деятельность [1]. Тайными агентами короля были чиновники, пользующиеся особым его доверием. Эти ревизоры путешествовали по всей стране пешком, в простом платье. Они доносили о настроениях народа и злоупотреблениях чиновников. Тайные ревизоры обладали огромными полномочиями: правом отстранять от должности всех чиновников, за исключением губернаторов, правом вынесения смертного приговора мелким чиновникам и т. д. Совершенно естественно, что в условиях феодально-бюрократического строя такого рода меры не предотвращали взяточничество, а лишь способствовали его развитию. Королевские посланцы, официально выступавшие «поборниками справедливости», брали колоссальные взятки с провинциальных чиновников и покрывали все их бесчинства [2].

Голод, нищета народных масс, насилия и бесчинства королевских чиновников и помещиков не сломили революционного духа трудовых масс корейского народа и вызывали непрекращающиеся крестьянские восстания и выступления городской бедноты.

Для борьбы с крестьянскими движениями, волнениями городской бедноты правительство создало специальный аппарат чиновников «умиротворителей» и «подавителей» народных восстаний. Так, в провинции Хамгёндо с 1886 г. постоянно находился чиновник-умиротворитель [3].

Таким образом, государственный строй феодальной Кореи был всецело подчинен выполнению его основной функции — ограбления и эксплуатации своего собственного народа.

Краткий обзор состояния феодальной Кореи XIX в. обнаруживает абсолютную неполноправность крестьян и ремесленников — основных производителей материальных ценностей в корейском обществе. Корейские крестьяне принадлежали к низшему сословию, подвергались телесным наказаниям, могли быть отданы на любые общественные работы, прикреплены к наделу [4]. Подобные производственные отношения — отношения господства и подчинения — тормозили развитие производительных сил в феодальной Корее, тормозили развитие товарно-

---

[1] См. Н. Матюнин. Об отношении Кореи к иностранным государствам. «Сборник материалов по Азии», вып. 58, СПб., 1894, стр. 6.

[2] А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи, стр. 159.

[3] W. H. Wilkinson. The Korean Government. Шанхай, 1897, стр. 22

[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 272.

денежных отношений, ибо при этой жесточайшей системе феодальной эксплуатации крестьяне и ремесленники отдавали феодалам не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта, что неизбежно сказывалось на условиях воспроизводства.

«Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве,— она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»[1]. Эта характеристика феодализма, данная И. В. Сталиным, наглядно подтверждается и на примере феодальной Кореи.

В XIX в., как и в предшествующие столетия, в Корее не прекращалась ожесточенная классовая борьба корейского народа против феодального гнета.

Наиболее крупными из крестьянских выступлений во второй половине XIX в. были восстания 1862 г. 18 февраля 1862 г. началось восстание в г. Чинчжу. 3 тыс. восставших крестьян с белыми повязками на головах, вооружившись дубинами и бамбуковыми копьями, ворвались в город. Повстанцы расправились со своими угнетателями. Они разрушили дома ненавистных чиновников, убили местного управителя, подвергли наказанию военного чиновника, обвиняемого в насилиях и вымогательствах. Волнение охватило и окрестные районы, где крестьяне расправлялись с помещиками. Правительство, пытаясь успокоить народные массы, выпустило специальное воззвание, в котором признало непосильную тяжесть налогов, многочисленные злоупотребления и противозаконные действия королевских чиновников и богатых купцов. Центральные власти перекладывали всю вину на «плохих чиновников», стараясь обелить себя. В апреле того же года выступили крестьяне уезда Иксан провинции Чолладо. Крестьяне изгнали уездного управителя, отобрали у него печать. Правительство под давлением народных масс было вынуждено удовлетворить их некоторые требования. В специальном указе подтверждалось, что поземельный налог чрезмерно высок и что при операциях с ссудным зерном происходят хищения. В том же месяце вспыхнули восстания в уезде Кэрён провинции Кёнсандо и в уезде Хампхён провинции Чолладо, где восставшие крестьяне, вооруженные копьями, с развевающимися флагами, напали на уездное управление. Местные власти были изгнаны из уезда. В уезде Кэрён повстанцы освободили из тюрьмы заключенных, убили королевских чиновников, издевавшихся над народом, уничтожили налоговые списки.

В мае 1862 г. восстали крестьяне в уезде Хвэдок провинции

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

Чунчондо. Повстанцы захватили уездное управление и заставили сложить свои полномочия местного кунсу[1]. Восстанием были охвачены также районы Кончжу, Есана, Ынчжина. Крестьяне уезда Пуан преградили путь карательному отряду, посланному центральными властями. Современные корейские историки справедливо называют 1862 г.— годом крестьянских восстаний. В течение 10 месяцев 1862 г. произошло 21 восстание. Эти выступления крестьянства охватили почти все провинции Кореи[2]. Волна крестьянских восстаний не прекращалась и в последующие годы. Жесточайшие репрессии по отношению к трудовым массам не запугали корейский народ. Народная борьба не прекращалась.

В крестьянских выступлениях всегда принимала участие и городская беднота Кореи, рабочие солеварных предприятий, шахт, мелкие ремесленники, «презираемые», рабы.

Восстания были направлены против местных феодальных угнетателей: помещиков, королевских чиновников. Они носили стихийный, локальный, неорганизованный характер. Эти крестьянские восстания были обречены на поражение, так как в феодальной Корее не было рабочего класса, способного довести борьбу народа до победы. Однако их огромное положительное значение состояло в том, что они еще больше расшатывали феодальный строй, подготавливали почву для победы новой общественной формации. Выступления трудовых масс способствовали сплочению народных сил и показывали, что объединенные усилия крестьянства и городской бедноты способны заставить правительство пойти на уступки (смена чиновников, признание непомерных налогов и т. д.). Эти восстания, несмотря на их слабость и неорганизованность, показывали, какие могучие революционные силы таятся в корейском народе.

---

[1] Кунсу — правитель города.

[2] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 57—58.

Глава I

АГРЕССИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В КОРЕЕ В 80-х И НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XIX в.

БОРЬБА ЯПОНИИ ЗА ЗАХВАТ КОРЕИ И АНТИЯПОНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ КОРЕЙСКОГО НАРОДА

С 70-х годов XIX в. начинается новый период в развитии капитализма — период перерастания капитализма в его высшую стадию — империализм.

В этот период Корея стала одним из объектов агрессии капиталистических держав на Дальнем Востоке, сопровождавшейся острой борьбой между агрессорами. Иными словами, Корея в 90-х годах XIX в. оказалась на Дальнем Востоке в центре международных отношений, т. е. яростной борьбы между капиталистическими хищниками за рынки сбыта и сырья, за подчинение и захват слабых стран сильными, ограбление колоний и полуколоний. «Корея была одной из жертв этих отношений» [1].

В последней четверти XIX в. капиталистическая Япония активизирует свою агрессию на Азиатском материке [2]. Корея являлась «удобным» военно-стратегическим плацдармом для

---

[1] Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 25 апреля 1952 г.

[2] Японские милитаристы издавна стремились превратить Корею в свою колонию и плацдарм для дальнейшей агрессии в Китай и на русский Дальний Восток. Еще в конце XVI в. японские захватчики во главе с фактическим правителем Японии Тоётоми Хидэёси попытались силой оружия покорить Корею, поработить ее народ. В апреле 1592 г. японская армия в 137 тыс. человек высадилась на юге Кореи и начала свой завоевательный поход. Правящие круги Кореи с самого начала японо-корейской войны проявили полную неспособность организовать оборону страны от захватчиков.

Однако наступление войск агрессора было остановлено корейским народом, поднявшимся на защиту отечества от иностранных колонизаторов, и прибывшими ему на помощь китайскими войсками.

осуществления этих планов. Поэтому она стала ближайшим объектом японской агрессии.

После неудачных попыток французских и американских капиталистов вторгнуться в Корею и силой оружия заставить ее подписать кабальный договор, в 1875 г. японские захватчики направили в эту страну военный корабль. 20 сентября 1875 г. японский военный корабль прибыл в корейские воды и бросил якорь у острова Канхва. Японские захватчики, бряцая оружием, потребовали установления торговых сношений с Кореей и, невзирая на отказ корейского правительства и категорические требования немедленно удалиться, нагло производили съемки в корейских водах.

Корейские солдаты после неоднократных предупреждений обстреляли японцев. Этот инцидент был использован захватчиками как предлог для отправления в Корею в 1876 г. новой военной экспедиции на двух военных кораблях и трех транспортах с 800 моряками на борту. Экспедицию возглавляли Курода Киэтака и Иноуэ Каору. Это «мирное» посольство заставило корейское правительство подписать 26 февраля 1876 г. первый кабальный неравноправный для Кореи договор.

Корейский историк Ли Чен Вон писал, что этот договор «означал серьезнейший удар по суверенитету Кореи, означал начало превращения Кореи в зависимое государство, начало утверждения японского империализма в Корее» [1].

В ст. 1 японо-корейского договора японские захватчики лицемерно заявляли, что «Корея, как независимое государство, пользуется теми же верховными правами, как и Япония».

«Для доказательства искренности дружбы между обоими государствами сношения между ними отныне будут вестись на основании равенства и вежливости» [2].

Японские колонизаторы потребовали открыть для торговли порт Пусан и через 20 месяцев еще два порта (Вонсан и

Всенародное партизанское движение (Ыйбён) против японских завоевателей стихийно вспыхнуло по всей стране. Войска японских самураев, неоднократно пополнявшиеся свежими военными силами из Японии и предпринимавшие новые наступления, были разгромлены. Осенью 1598 г. захватчики были изгнаны из Кореи.

Политика изоляции страны от сношений с иностранными государствами, которую проводило свыше двух веков корейское правительство (1637—1876 гг.), затрудняла выполнение агрессивных планов японских колонизаторов. Японские пираты в XVII, XVIII и первой половине XIX в. осуществляли беспрестанные набеги на южные берега Корейского полуострова и нападали на корейских рыбаков в море.

[1] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952, стр. 46.

[2] «Описание Кореи», т. 3, стр. 11.

Инчон) (ст. 4—5). На основании ст. 2 Япония получила право «отправлять своего посланника в столицу Кореи, где он будет допускаем к переговорам с президентом министерства церемоний по делам дипломатического характера»[1]. Фактически же японский посланник, проживавший в столице, мог беспрепятственно вмешиваться в управление страной.

Японское правительство специальным пунктом (ст. 7) оговорило право беспрепятственно производить разведку у берегов Кореи под видом их исследования. В Корею назначались особые японские чиновники, «которые будут иметь пребывание в каждом из открытых портов Кореи»[2]. Эти агенты японских капиталистов прибывали в открытые порты якобы «для защиты японских купцов, посещающих эти порты»[3]. Канхваский договор содержал обычные для неравноправных договоров статьи об экстерриториальности и неподсудности японских подданных в Корее (ст. 4—10).

Корейское правительство было лишено права контролировать торговлю японских купцов. В ст. 9 указывалось, что «торговля не будет подвергаться ни стеснениям, ни затруднениям». Таким образом, японским купцам предоставлялись все возможности для безудержного грабежа и обмана корейского народа. В договоре подчеркивалось, что «в случае обмана или отказа в уплате долга купцом... (японским.— *Г. Т.*) правительства не отвечают за уплату такого долга»[4].

В августе 1876 г. были подписаны новые правила торговли, так называемые «Дополнительные статьи к договору в Канхва», по которым товары японских купцов освобождались от таможенных пошлин. Японские денежные знаки были допущены к обращению на корейском рынке.

Так японские захватчики стремились путем неравноправных договоров превратить Корею в свою колонию[5].

После 1876 г. японские колонизаторы приступили к осуществлению своих захватнических планов в отношении Кореи. Японское правительство сразу же после заключения договора наводнило Корею разного рода агентами, которые проводили прояпонскую агитацию. В Корею в поисках легкой наживы устремились сотни японских купцов и авантюристов.

---

[1] «Описание Кореи», т. 3, стр. 11.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] После заключения японо-корейского договора капиталисты США и Европы поспешили со своей стороны навязать Корее неравноправные договоры. В 1882 г. был заключен договор с США, в 1883 г.— с Англией, в 1884 г.— с Италией и т. д.

Первостепенной задачей японских захватчиков явилось подчинение своему влиянию внешней торговли Кореи. Купцам, ведущим торговлю в Корее, японские банки и пароходные компании предоставляли значительные льготы. Пользуясь правом производить расчеты японскими деньгами, японское правительство открыло в 1882 г. в Пусане отделение своего банка. Этот банк занимался посредническими операциями и должен был способствовать выкачиванию золота из Кореи, что осуществлялось не только путем скупки золота у населения, но и неприкрытым грабежом [1].

В открытых портах были организованы агентства японских страховых компаний, которые страховали только товары, отправляемые из Кореи на японских судах. Японцы захватили все лучшие участки земли в открытых портах. В Токио было организовано специальное японское «Общество изучения и поощрения японо-корейской торговли». Цель общества заключалась в покровительстве японской торговле в Корее. Главное управление его находилось в Инчоне, отделения — в Сеуле, Пусане, Вонсане. Японское министерство земледелия и торговли назначило обществу значительную субсидию.

Японские купцы торговали в Корее преимущественно иностранными товарами. Они скупали привозимые в Японию европейские и американские изделия и с выгодой перепродавали их в Корею. «За пятилетие, с середины 1877 г. до середины 1882 г., в импорте товаров в Корее японские товары занимали в среднем только 14,3 процента, а европейские товары — 85,7 процента» [2]. При этом основную массу этих последних составляли товары английского происхождения [3].

Японская буржуазия не ограничивалась попытками подчинить своему влиянию внешнюю торговлю Кореи. Японские капиталисты добивались получения концессий, навязывали Корее кабальные займы и т. д. Их щупальцы проникали во все отрасли корейской экономики. Они создавали многочисленные проекты по постройке различных мастерских и рисообрабатывающих мельниц, начали предварительные переговоры

---

[1] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр 76.

[2] Там же, стр. 52.

[3] В 1890—1891 гг. в Инчоне, по сведениям таможенного комиссара этого порта, среди товаров японских купцов было:

английских — 54%	американских — 2%
японских — 24%	русских
китайских — 13%	и французских — 1%
немецких — 6%	

(„Описание Кореи", т. 2, стр. 268)

с корейским правительством о получении концессий на строительство железнодорожной линии Сеул — Инчон [1].

Японские капиталисты стремились захватить в свои руки и чеканку монет в Корее. Из Токио в Сеул был прислан агент одного из японских банков для ведения переговоров об открытии нового монетного двора в Сеуле. Заем для постройки монетного двора должен был предоставить Осакский банк. Японцы спешно приступили к строительству монетного двора, но корейское правительство отказалось его использовать [2].

От зоркого глаза капиталистических хищников не ускользнул и рыбный промысел, который был весьма распространенным занятием среди корейских крестьян. Японская буржуазия старалась подчинить себе рыбную ловлю в корейских водах. 25 июля 1883 г. она навязала Корее конвенцию, по которой разрешалось японским рыболовам ловить рыбу вдоль берегов четырех корейских провинций, а корейцам — у берегов японских провинций Ивами, Идзумо, о. Цусима и др. [3] 24 ноября 1889 г. была заключена новая конвенция, устанавливающая экстерриториальность японских рыбаков в водах Кореи. Японская газета «Джапан мэйл», комментируя это соглашение, выражала уверенность, что постепенно все рыболовство в корейских водах перейдет к японцам [4].

Захватнические планы японцев в Корее осуществлялись не так быстро, как того хотели в Токио. В правительственных японских кругах считали необходимым срочно изменить «слишком медленный» курс, проводимый в Корее, и приступить к осуществлению там более радикальных мероприятий, т. е. к проведению разного рода социальных и административных «реформ», имевших целью полное подчинение Кореи Японии. Под предлогом насаждения «цивилизации» в этой стране, японские правящие круги рассчитывали беспрепятственно вмешиваться во внутренние дела корейского правительства.

Министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору был одним из вдохновителей и организаторов этих захватнических планов. Из Иокогамского банка ему была выдана крупная ссуда на основание газет в Сеуле, обучение корейских солдат и т. п. [5]

---

[1] F. H. Harrington. God Mammon and the Japanese. Dr. Horace N. Allen and Korean-American relations 1884—1905. Madison. 1944, стр. 16.

[2] «The Korean Repository», 1897, стр. 383; «Извлечение из донесений генштаба полковника Вогака». «Сборник материалов по Азии», вып. 60, 1895, стр. 4—5.

[3] См. А. Л. Нарочницкий. Японская агрессия в Корее и причины японо-китайской войны 1894—1895 гг. «Вопросы истории», № 5, 1950, стр. 63.

[4] «The Korean Repository», 1892, стр. 351.

[5] См. А. Стэд. Японцы о Японии. СПб., 1905, стр. 174—175, гл. Арига Нагао «Дипломатия».

Японские капиталисты использовали в своих колонизаторских целях и борьбу корейских дворянских клик между собой.

До 1874 г. корейским государством правил принц-регент Тэвонгун, отец тогда еще несовершеннолетнего короля Кочжона. С женитьбой молодого короля на представительнице рода Мин власть перешла в руки королевы и ее многочисленных родственников Минов. Мины захватили наиболее ответственные правительственные посты. Представители других знатных, но теперь опальных янбанских родов были лишены доходных мест и власти. В среде этих еще недавно могущественных янбаней зрело недовольство. Свое стремление к захвату власти и желание свергнуть Минов опальные янбани прикрывали громкими фразами о борьбе за проведение прогрессивных «реформ». Эту дворянскую клику[1], называвшую себя «партией реформ», возглавил Ким Ок Кюн, занимавший пост главы управления по колонизации и улучшению пустых земель и заместителя министра иностранных дел. Японские колонизаторы не замедлили воспользоваться борьбой янбанских клик и недовольством части янбаней. Им удалось быстро установить связи с кликой Ким Ок Кюна и превратить ее в свою агентуру в Корее[2].

Поддерживая и щедро субсидируя так называемую «партию реформ», или «партию прогрессистов», японские захватчики надеялись захватить власть в Корее, действуя руками предателей и изменников корейского народа. «Прогрессисты», как называли себя ставшие японскими агентами янбани, провозглашали себя борцами за проведение широких «реформ». На деле же они защищали интересы японского капитала и той части янбанства и корейской буржуазии, интересы которых были

---

[1] Королевский двор в Корее издавна представлял собою арену борьбы за власть многочисленных дворянских группировок, которые в буржуазной исторической литературе принято называть партиями.

Дворянские клики феодального королевства ни в какой мере не были оформленными организационно политическими партиями со своими программами, а являлись лишь группами дворян, связанных родственными узами. Обычно члены влиятельной дворянской фамилии составляли одну «партию». Таким образом, так называемые корейские политические «партии» были по существу узко дворянскими кликами. Все они выражали интересы лишь одного класса — янбаней, и борьба янбанских клик была борьбой за захват власти, за доходные правительственные места.

[2] Японское правительство пыталось привлечь на свою сторону и янбаней, группировавшихся вокруг королевы Мин и ориентировавшихся на правительство Китая. С этой целью японские пароходы привозили подарки королю и сановникам — пулеметы, ружья, пистолеты, патроны. В 1882 г. ко дню рождения короля Кочжона были присланы две пушки и катер (Сэйсабуро Синобу. История современной японской дипломатии. Киндай ниппон гайко си. Токио, 1942, стр. 57, на яп. яз.).

тесно связаны с иностранным капиталом. Ряды этих национальных предателей обычно пополнялись молодыми, знатными корейскими янбанями. Многие из них отправлялись в Японию для повышения образования и возвращались в Корею, готовые активно способствовать установлению японского влияния в стране, т. е. фактически превращению ее в японскую колонию.

Если в первый период деятельности клика Ким Ок Кюна не выступала еще решительно за свержение корейского правительства, а ограничивалась агитацией и мелкими закулисными интригами против него, то в начале 80-х годов, когда у нее уже установились тесные связи с японскими захватчиками, она перешла к вооруженным выступлениям против корейского правительства за установление японского господства.

Буржуазные фальсификаторы истории пытаются представить клику изменников родины, возглавлявшуюся Ким Ок Кюном, «самоотверженными борцами» за ее возрождение. Однако эта клика за все время деятельности вызывала всеобщую народную ненависть и негодование. Корейский народ с оружием в руках боролся как против японских и других иноземных колонизаторов, так и против их марионеток из числа янбаней.

Большинство лидеров прояпонской клики «прогрессистов» — Ким Ок Кюн, Пак Ён Хе, Хон Ён Сик,— занимая крупные правительственные посты, помогали японским колонизаторам захватывать концессии. Особую активность в этом отношении проявлял Ким Ок Кюн, который заключал с японцами контракты на открытие различных мастерских, специальных школ и т. д. [1]

Японские захватчики стремились насадить свою агентуру и в корейской армии, рассчитывая перейти к открытым выступлениям против правительства Минов. Подобную «работу» в армии проводил подпоручик инженерных войск Хоримото Рэйдзо [2], приехавший в Корею в 1882 г.

Серьезное внимание японское правительство уделяло и идеологической обработке корейского народа. Эту миссию возлагали на буддийских монахов, которые должны были отвлечь корейцев от конфуцианства и распространять в Корее буддизм. Несмотря на то, что корейское правительство запрещало пропаганду буддизма, буддийские монахи все же под разными предлогами проникали в Корею.

---

[1] «Korean-american Relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States», т. I, the initial period 1883—1886. Беркли и Лос-Анжелос, 1951, стр. 105—106.

[2] Сидэхара Хироси. Очерки по истории Кореи (Тёсен сива). Токио, 1933, стр. 58 (на яп. яз.).

Проникновение японских колонизаторов встречало решительное сопротивление корейского народа. Жгучая ненависть к японским агрессорам, порожденная еще кровавыми нашествиями орд Хидэёси (1592—1598 гг.), после 1876 г. вспыхнула с новой силой в корейском народе. Японские купцы и ростовщики грабили и обманывали корейских крестьян, мелких торговцев и городскую бедноту.

Английский буржуазный автор Гамильтон сообщал, что правительство Японии, претендующей на звание первоклассной державы, «допускает, чтобы японские поселения в дружеской стране являлись пятном на его репутации и наказанием для страны, приютившей японцев. Японские колонии являются сущим проклятием для каждого корейского порта. Это в одно и то же время и центры торговли и центры, где царит всякое бесчинство» [1].

Ненависть корейского народа к японским захватчикам часто выливалась в антияпонские выступления крестьянства и городской бедноты. В апреле 1879 г. произошло кровавое столкновение между корейцами и экипажем японского корабля близ Пусана. Выступления народных масс, возникавшие по различным причинам (голод, притеснения помещиков и королевских чиновников), как правило, принимали антияпонский характер. Так было и в восстании 23 июля 1882 г., которое началось в период засухи — предвестника неминуемого голода.

«Реорганизация» армии, которую якобы проводили японцы, повлекла за собою новые государственные расходы, что отразилось на материальном положении солдат. Восстание подняли солдаты сеульского гарнизона. Поводом явилась сперва задержка на несколько месяцев выплаты жалования, а потом выдача его рисом, который был смешан с глиной и песком. Возмущенные солдаты убили чиновника, который присвоил рис. Правительство приказало арестовать нескольких непокорных. Весть об аресте явилась сигналом к всеобщему восстанию в Сеуле. К повстанцам присоединилась городская беднота. Восставшие освободили заключенных в тюрьму солдат и расправились с ненавистными чиновниками. Часть восставших двинулась к японской миссии. В течение семи часов корейские солдаты и городская беднота осаждали здание японской миссии. Только глубокой ночью японцам удалось бежать из горящего здания. Преследуемые восставшим народом колонизаторы с позором бежали в Инчон. Там им удалось спастись на рыбацкой лодке и пересесть близ Асана на английский корабль.

---

[1] А. Гамильтон. Корея. СПб., 1904, стр. 122—123.

Король и королева Мин в панике бежали из дворца. Этим не замедлил воспользоваться отец короля, бывший регент Тэвонгун, который только и ждал момента, чтобы вновь захватить власть. Тэвонгун стал во главе дворян, называвших себя «консерваторами» и выступавших против Минов. Антииностранные лозунги этой группы янбаней предоставляли им возможность использовать народное восстание в своих целях и временно захватить власть.

Восстание 23 июля 1882 г. явилось первым крупным выступлением народных масс после проникновения в страну японских захватчиков. Восставшие выступали уже не только против феодального гнета, но и против иностранных угнетателей.

Несмотря на слабость, стихийность восстания и отсутствие руководства, повстанцы выступили как грозная сила и изгнали японских колонизаторов из Сеула.

Но японские захватчики воспользовались этими событиями для нового нажима на Корею. В августе в Сеул вернулся посланник Ханабуса в сопровождении военной эскадры и, угрожая объявить войну, потребовал компенсации за нанесенные японской миссии убытки. Японские агрессоры заставили правительство Тэвонгуна подписать новый кабальный так называемый Инчонский договор, в котором нашли отражение самые наглые требования Японии. Японское правительство потребовало уплатить контрибуцию в 500 тыс. иен и 50 тыс. иен якобы для компенсации семьям убитых японцев, наказать «виновников» событий 23 июля, восстановить за счет корейского правительства здание японской миссии. Японские захватчики добились также ряда привилегий, способствующих дальнейшей колонизации Кореи. Так, специальной статьей было оговорено для японских официальных лиц расширение зоны передвижения по стране до 100 км вокруг открытых портов и право содержать военный отряд в Сеуле. Казармы для японских солдат должны были строиться за счет корейского правительства.

В ответ на уступки Тэвонгуна японцам маньчжурское правительство предприняло срочные меры. В конце августа 1882 г. трехтысячный отряд китайских войск разместился в окрестностях Сеула. Маньчжурские сановники заманили Тэвонгуна на корабль и выслали в Китай. Власть вновь перешла в руки королевы Мин и ее родственников.

Японские агрессоры, лишившись поддержки в правительстве, перешли к прямым действиям против правительства Минов. Они намеревались захватить власть в стране с помощью прояпонской клики «прогрессистов».

После 1882 г. японские захватчики с помощью Ким Ок Кюна и Со Кван Бома — главарей прояпонской клики, сфор-

мировали якобы для реорганизации корейской армии 4 батальона корейских солдат, которые находились целиком в ведении японских инструкторов и корейских офицеров, побывавших в Японии.

Группы корейских юнкеров, прошедших в Японии военное обучение, возглавлял Со Чжэ Пхиль [1].

В начале декабря 1884 г., воспользовавшись тем, что Франция навязала войну Китаю, японские колонизаторы совместно с кликой Ким Ок Кюна выступили против Минов. 4 декабря состоялся торжественный банкет по случаю открытия почтового департамента. На банкете, где предполагалось присутствие почти всех влиятельных представителей Минов, по сигналу заговорщики собирались начать их избиение. Когда этот план сорвался, они с помощью отряда японских солдат ворвались во дворец. Король и королева стали пленниками японцев. Этой же ночью заговорщики сформировали новое правительство и распределили министерские портфели между деятелями из прояпонской клики. На утро в Сеуле вспыхнуло всеобщее народное восстание против японских захватчиков и национальных предателей. Толпы населения разрушали дома японских ставленников, убивали японцев. 6 декабря дворец окружили китайские войска.

Китайские солдаты заняли дворец. Японцы и их ставленники бежали из Сеула. С теми из них, кто не успел скрыться, население продолжало расправляться. Здания японской миссии и казарм горели.

Так бесславно закончилась новая попытка японских колонизаторов захватить власть в Корее.

Планы японских капиталистов, мечтавших превратить Корею в колонию, действуя руками национальных предателей, натолкнулись на серьезное препятствие. Корейский народ — городская беднота Сеула, солдаты-корейцы—решительно выступил против иностранных колонизаторов и с помощью китайских войск с позором изгнал захватчиков и их агентуру из Кореи.

Американский морской атташе Фулк, симпатизировавший японским агрессорам, наблюдая положение в Корее после событий 4 декабря 1884 г., писал, что «массы народа настроены столь сильно в пользу Китая и настолько они резки и ожесточены в ненависти к японцам, что трудно было бы и в целой книге записать все их проклятия против японцев и заговорщиков» [2].

Пособники японских захватчиков, изгнанные корейским народом, нашли гостеприимный приют в Японии и США.

---

[1] «Korean-american Relations. Documents...», стр. 105.

[2] F. H. Harrington. God Mammon and the Japanese..., стр. 39.

В Японии на островах Огасавара Ким Ок Кюн и Пак Ён Хё создали эмигрантско-заговорщический центр [1].

Японское правительство, недовольное провалом заговора, отправило в Корею большой военный отряд во главе с Иноуэ. Японские захватчики под угрозой объявления войны Корее потребовали от корейского правительства уплаты контрибуции в размере 600 тыс. иен, наказания виновников восстания и т. д.

Однако вмешательство России (прием корейским королем секретаря русской миссии в Токио Шпейера) заставило японцев резко умерить притязания.

В январе 1885 г. корейское правительство подписало в Сеуле новый договор. По этому договору корейское правительство обязалось: 1) официальным посланием на имя императора Японии выразить сожаление по поводу антияпонского выступления; 2) уплатить в качестве компенсаций семьям убитых и раненых японских солдат и офицеров 110 тыс. иен; 3) отвести земельные участки для постройки нового здания японской миссии и казарм, отпустив на строительство 200 тыс. иен; 4) наказать «виновников» антияпонского выступления [2].

Маньчжурское правительство Китая в ответ на усиление происков японских захватчиков в Корее стремилось укрепить свое влияние в этой стране и помешать японским планам. Особенно решительный характер приняли действия маньчжурского правительства после попытки японских колонизаторов захватить власть в 1884 г., когда сношения Кореи с иностранными державами были поставлены под контроль маньчжуров. Во главе вновь образованного в Корее ведомства иностранных дел был поставлен китайский чиновник. В 1884 г. в Корею был направлен Юань Ши-кай, который получил титул «генерального резидента, управляющего дипломатическими и торговыми делами Кореи».

После 1884 г. представитель маньчжурского правительства Юань Ши-кай стал фактическим правителем Кореи. Политика нового разидента была направлена на укрепление вассальной зависимости Кореи от маньчжурского правительства Китая [3].

---

[1] Сидэхара Хироси. Очерки по истории Кореи, стр. 413—414. Японское правительство, возлагая большие надежды на группу Ким Ок Кюна, окружило его ореолом невинно пострадавшего борца за свободу и независимость своей родины. Неоднократные требования корейского правительства о выдаче политических преступников японское правительство категорически отклоняло. Позднее Ким Ок Кюн был убит во время его поездки в Шанхай.

[2] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 71.

[3] Для упрочения влияния маньчжурского правительства Юань Ши-кай считал необходимым провести ряд мероприятий, которые он изложил в

Одновременно с укреплением политического влияния в Корее маньчжурского правительства оно стремилось потеснить японских захватчиков и в области экономической: взять под контроль транспорт, связь и внешнюю торговлю Кореи. 17 июля 1885 г. Юань Ши-кай добился разрешения на монопольное строительство корейского телеграфа. Под его давлением было расторгнуто заключенное в 1883 г. соглашение с Японией о постройке железнодорожной линии Сеул — Пусан [1].

Правящие круги Китая серьезно опасались, что их влияние будет оттеснено на второй план, если иностранные державы предоставят Корее займы. Поэтому Ли Хун-чжан [2] добивался, чтобы все соглашения о займах заключались только после одобрения их в Пекине. В то же время он поторопился предоставить Корее два займа по 100 тыс. таэлей каждый [3] через Китайскую купеческую судоходную компанию под низкий процент. Корейское правительство со своей стороны предоставило этой компании новые концессии. Кроме того, корейские телеграф и таможня были переданы в ведение маньчжурского правительства, и доходы с них шли в качестве обеспечения за заем [4]. Одновременно маньчжурское правительство значительно увеличило обороты морской и сухопутной торговли с Кореей.

В 1885 г. между Японией и Китаем после длительных переговоров был заключен так называемый Тяньцзинский договор, который должен был урегулировать японо-китайские противоречия по корейскому вопросу. По договору обе державы

специальном послании к королю. Важнейшими из них были: назначение глав палат только из числа прокитайски настроенных янбаней и отставка всех прояпонских чиновников.

Диктаторская политика маньчжурского правительства и его представителя Юань Ши-кая вызывала недовольство в правительственных корейских кругах. Деятельность резидента, который властно вмешивался во все государственные дела, натолкнулась на решительное сопротивление королевы Мин. Хотя она была сторонницей укрепления связей с Китаем и считала Китайскую империю могущественной державой, которая защитит королевство от японского проникновения, однако королева и группировавшиеся вокруг нее янбани не хотели уступать бразды правления представителю маньчжурского правительства даже перед угрозой японской опасности. Понимая, что Мины не согласятся добровольно уступить власть, Юань Ши-кай намеревался передать правление старому врагу Минов, бывшему регенту Тэвонгуну, который был бы более послушным орудием в его руках.

[1] T. Dennett. Americans in Eastern Asia. Нью-Йорк, 1941; см. также А. Стэд. Японцы о Японии. СПб., 1905, стр. 180—181, гл. Арига Нагао «Дипломатия».

[2] Ли Хун-чжан — губернатор столичной провинции Чжили — фактический правитель Китая.

[3] T. F. Tsiang. Sino-japanese diplomatic relations 1870—1894, «Chinese Social and Political Science Review», т. 19, 1934, № 3, стр. 17.

[4] «The Korean Repository», 1892, стр. 376.

обязывались вывести войска из Кореи в течение четырех месяцев, не посылать своих офицеров в качестве военных инструкторов для реорганизации корейской армии и, что самое важное, не вводить войска для подавления каких-либо «беспорядков» в стране без письменного предупреждения другой договаривающейся стороны. Посланные для подавления «беспорядков» войска по соглашению должны быть выведены немедленно после восстановления мира [1].

Тяньцзинский договор открывал новый период в развитии японо-корейских отношений. Маньчжурское правительство Китая впервые официально признавало права Японии в Корее равными со своими. Тяньцзинский договор подрывал основы китайского сюзеренитета. Это была серьезная уступка со стороны маньчжурского правительства Японии. С другой стороны, Япония официально признала некоторые права Китая в Корее.

После заключения Тяньцзинского договора японские колонизаторы еще более активизировали свою захватническую политику в Корее. Потерпев неудачи в своих попытках захватить власть в Корее, они стремились всячески подчинить себе ее экономику.

К 90-м годам XIX в. японским купцам удалось сосредоточить в своих руках значительную часть внешней торговли Кореи. Так, в Инчоне 78% всей внешней морской торговли захватили японцы. В результате деятельности японских банков, купцов, пароходных и страховых обществ торговый оборот между Японией и Кореей за 1885—1890 гг. составил 80% всего морского внешнеторгового оборота Кореи. В 1892 г. из 7 млн. долл. внешней торговли Кореи на долю Японии приходилось 4,8 млн. долл., а Китая — 2,2 млн. долл. Из 390 тыс. т вместимости всех судов, прибывших в корейские порты, тоннаж японских судов составлял 326 тыс. т, а китайских — 15 тыс. т [2].

К 1891 г., по данным русского офицера Вогака, из 184 иностранных торговых фирм в Корее 169 принадлежали японским купцам, из 1501 паровых и парусных судов (вместимостью 358 145 т), посетивших в 1891 г. корейские порты, 1355 (вместимостью 311 754 т) принадлежали японцам [3].

---

[1] См. Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других дипломатических документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 91.

[2] T. Hayashi. Korean affairs. A japanese view. «Asiatic Quarterly Review», октябрь, 1894.

[3] Донесение Вогака от 16 мая 1893 г.— «Сборник материалов по Азии», вып. 60, СПб., 1895, стр. 4.

Активизация деятельности японских захватчиков в Корее способствовала обострению японо-китайских противоречий. Маньчжурские власти прилагали все усилия, чтобы вытеснить Японию из Кореи и занять там господствующее положение.

Корейское правительство также всеми силами старалось помешать проникновению японских агрессоров. Перед угрозой японской опасности оно искало помощи и поддержки у правительства Китая. Корейское правительство стремилось вырвать внешнюю морскую торговлю из рук японских купцов.

В 1890 г. центральные власти назначили двух контролеров в Пусан и на о. Чечжюдо, которые должны были следить за всей внешней торговлей Южной Кореи. Все торговые сделки между иностранными купцами, главным образом, японцами, и корейцами, которые проходили раньше при участии многочисленных маклеров-корейцев, теперь были переданы в ведение этих контролеров. Им поступало $^{3}/_{5}$ маклерских сборов, взимавшихся при заключении сделки. Результатом нововведения явилось повышение обложения для японских торговцев на 30% [1].

Корейское правительство не ограничилось этим мероприятием. В июле 1893 г. в Пусане было учреждено страховое общество, известное под названием «Товарищество покровительственное и контрольное». Общество должно было контролировать внешнюю торговлю Пусана. Официально же задачи общества были следующие: устройство гаваней для туземных джонок, постройка складов для хранения товаров и организация комиссии по оценке иностранных товаров, доставляемых в открытые порты для продажи. Создание комиссии вызвало особое негодование японских купцов. Они никогда не соглашались с определением веса, качества и стоимости товара, которые устанавливали агенты корейского страхового общества [2].

Корейские власти в Инчоне вследствие категорического протеста японских купцов вынуждены были отказаться от попытки заставить японские суда производить погрузку и выгрузку не в самом порту, а на расстоянии 1,5 версты от него, что значительно удорожило бы стоимость погрузки и выгрузки громоздких товаров на иностранные суда.

Во внутренних районах Кореи все большее влияние приобретали китайские купцы. Все попытки японских купцов

---

[1] «Описание Кореи», т. 2, стр. 259.

[2] Там же, стр. 259—260. Суда входили и выходили из порта под надзором агентов страхового общества. Туземные суда, уходившие из Пусана в неоткрытые для ведения торговли порты, должны были иметь от общества удостоверение о количестве и качестве груза. Агенты общества брали крупные взятки с корейских и иностранных купцов.

проникнуть вглубь страны наталкивались на противодействие корейского правительства. Однако японские купцы, поддержанные всевозможными льготами и субсидиями токийского правительства, преуспевали в приморских районах.

Японская и китайская торговля в Корее

(1885—1894 гг.), тыс. долл.

Годы	Японская торговля	Китайская торговля	Годы	Японская торговля	Китайская торговля
1885	867	252	1890	2 630	1 365
1886	1 144	420	1891	2 739	1 841
1887	1 121	659	1892	2 262	1 813
1888	1 356	693	1893	1 423	1 668
1889	1 407	799	1894	3 088	1 895

Эти данные наглядно показывают, что если в 1885 г. японская торговля превосходила китайскую в три раза, то в 1894 г. ее удельный вес значительно снизился [1], причем ввоз в Корею из Китая превышал вывоз [2].

[1] См. И. И. Стрельбицкий. Дополнительные таблицы о торговле Кореи. «Сборник материалов по Азии», вып. 73, СПб., 1898, стр. 69—70.

[2] См. «Описание Кореи», т. 3, стр. 176—178. Если посмотреть цифры экспорта Китая и Японии в Корею через открытые порты за период с 1885 по 1892 гг. через Инчон, Вонсан и Пусан, то видно, что Китай в на-

Годы	Экспорт из Китая	Экспорт из Японии
	%	%
1885	19	81
1886	17	83
1887	26	74
1888	28	72
1889	32	68
1890	32	68
1891	40	60
1892	45	55

чале 90-х годов XIX в. значительно увеличил торговые обороты с Кореей (см. Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 74).

В 1891 г. правительство Минов запретило японским рыбакам ловлю рыбы около острова Чечжюдо.

По сведениям, приводимым в донесениях русского офицера Вогака, «ныне (1893 г.— *Г. Т.*) Корея готовится нанести еще один довольно чувствительный удар Японии». Корейское правительство дало субсидию в 160 тыс. долл. обществу корейских и китайских купцов. Это общество должно руководить пароходным сообщением между Кореей и главнейшими портами Востока [1].

Колонизаторская политика японских капиталистов встречала решительное противодействие трудовых масс Кореи. В стране не прекращались выступления крестьянства и городской бедноты против феодалов и японских колонизаторов. Антифеодальные и антияпонские выступления крестьянства, сопровождавшиеся убийствами помещиков, королевских чиновников, японских купцов и скупщиков товаров, неоднократно вспыхивали на о. Чечжюдо.

В 1885 г. в г. Ёчжу крестьяне окрестных деревень, доведенные до отчаяния многочисленными поборами, напали на ненавистных чиновников. Начальник округа бежал, а его помощник был убит. Такая же участь постигла местную администрацию округа Вончжу. Эпидемия холеры, начавшаяся в 1886 г., послужила толчком к народным волнениям, главным образом в южных и центральных провинциях страны.

Американский дипломат Рокхил в донесении государственному секретарю США Баярду сообщал, что розничные лавки японских торговцев совершенно разоряют местных купцов в Сеуле и что «недовольство корейцев прорвалось 25 марта (1887 г.), когда все городские лавки были закрыты по приказу глав 8 гильдий, которые управляли торговлей этого района. Большая группа торговцев пошла в тот же день к ведомству иностранных дел и просила главу его запретить японцам открывать новые лавки в городе и приказать им уйти в Ёнсан (за 3 мили от города)».

Всеобщее негодование против японских колонизаторов в эти дни достигло таких размеров, что «все иностранцы боялись ходить вечером по городу» [2]. Лишь после настояний корейского правительства купцы возобновили торговлю.

---

[1] Донесения Вогака от 16 мая 1893 г.— «Сборник материалов по Азии», вып. 60, стр. 4. По сообщению Вогака, японцы после запрещения рыболовства у о. Чечжюдо безуспешно требовали открыть Пхеньян для торговли с иностранными государствами.

[2] «Papers relating to the Foreign Relations of the United States» за 1887. Вашингтон (в дальнейшем: FRUS). Рокхил — Баярду, 5 марта 1887, стр. 225.

В 1889 г. всю страну охватил голод, который с особой силой разразился в северных провинциях. В Хамгёндо весь новый урожай на корню был уже запродан японским купцам. Волнения среди голодающего городского населения и крестьянства провинции Хамгёндо вынудили губернатора провинции Чо Бён Сика запретить вывоз бобов и предложить японским купцам продать их населению. Японцы отказались, и в результате весь урожай бобов (стоимостью в 170 тыс. иен) был не собран и сгнил на корню. Это вызвало взрыв антияпонских выступлений [1].

В январе того же года восстали несколько тысяч крестьян уезда Чжонсон провинции Канвондо. Повстанцы, возмущенные разнузданным произволом местных чиновников, ворвались в уездное управление, прогнали начальника уезда и чиновников. В 1890 г. в провинции Кёнсандо крестьяне уезда Хамчан также поднялись против своих угнетателей. Они изгнали из уезда всех наиболее ненавистных чиновников, захватили государственную печать [2].

Крестьянские восстания, волнения городской бедноты, рабов и «презираемых» до 1893 г. отличались стихийностью и разрозненностью. Особенностью выступлений народных масс этого периода явилось сочетание антифеодальных выступлений с антияпонскими; последние выражались в многочисленных стычках и стихийных нападениях народных масс на японских захватчиков. Непримиримая борьба с иностранными колонизаторами, главным образом японцами, нашла свое яркое выражение в мощном антифеодальном крестьянском революционном восстании 1893—1895 гг., известном под названием «восстания тонхаков».

* * *

Японским капиталистам, стремившимся превратить Корею в свою колонию и плацдарм для наступления на Китай, не удалось в 80-х и начале 90-х годов XIX в. осуществить эти агрессивные планы.

К началу 90-х годов XIX в. маньчжурское правительство Китая укрепило свое политическое влияние в Корее. Удельный вес Китая в экономике Кореи также возрастал. Япония же в

---

[1] H. B. Hulbert. The history of Korea, т. 2. Сеул, 1905, стр. 243. Согласно договорам, корейское правительство имело право запретить вывоз риса и зерна, если в стране предвидится неурожай. В случае запрещения вывоза зерна правительство должно было предупредить об этом за месяц. В 1889 г. корейское правительство запретило вывоз зерна. Японское правительство требовало компенсации за причиненные купцам убытки. Переговоры о возмещении убытков велись три года и закончились в 1893 г. уплатой Кореей Японии 110 тыс. иен.

[2] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 59.

этот период потерпела провал в своих попытках захватить власть в Корее. Господство японских колонизаторов в экономике страны также значительно пошатнулось. Но эти неудачи не умерили разбойничьих аппетитов агрессивного японского капитала. Реакционное японское самурайство готово было развязать открытое вооруженное столковение с Китаем, с тем, чтобы поработить Корею и отторгнуть часть китайской территории.

В обстановке борьбы продажных янбанских клик, интриг и заговоров только корейский трудовой народ решительно выступил против колонизаторской политики японских захватчиков.

Растущее сопротивление корейского народа, который ненавидел разорявших его иноземных захватчиков, явилось главным препятствием для осуществления японских планов порабощения Кореи.

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА США В КОРЕЕ В 80-х И НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XIX в.

Американские капиталисты, стремившиеся укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, еще с середины XIX в. пытались проникнуть в Корею. Ким Ир Сен писал: «агрессивная политика американских империалистов в отношении Кореи имеет длительную историю. Ее истоки относятся к середине прошлого века, когда молодой американский капитализм только вступил в общую борьбу империалистов за колонии. Уже в то время американские империалисты вынашивали планы захвата Кореи и превращения ее в свою военно-стратегическую базу для дальнейшего развертывания агрессии на Дальнем Востоке» [1].

Еще в 1845 г., вскоре после заключения кабального договора с Китаем, председатель военно-морской комиссии сената Пратт призывал на заседании конгресса предпринять «теперь же энергичную попытку к открытию Японии и Кореи для американской торговли» [2].

Однако немедленно приступить к осуществлению этих агрессивных планов правительство Соединенных Штатов Америки не имело возможности, так как готовилось к войне с Мексикой [3]. В 1858 г. американские капиталисты навязали

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

[2] J. W. Foster. American diplomacy in the Orient, Бостон — Нью-Йорк, 1926, стр. 112.

[3] См. Р. Ш. Ганелин. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866—1871), «Вестник ЛГУ», 1951, № 8, стр. 82.

Китаю второй кабальный договор и предприняли попытку проникнуть в Корею через открытый для иностранной торговли в Маньчжурии порт Инкоу [1].

В 1868 г. государственный секретарь США Вильям X. Сьюард создал план американской экспансии на Тихом океане. По этому плану намечалось включить в сферу американского влияния не только Гаваи, но и Корею [2]. Особое внимание в планах Сьюарда уделялось созданию могущественной морской империи, которая «одна дает настоящее владычество».

Тихоокеанская торговля Соединенных Штатов Америки, по словам Сьюарда, «создала необходимость в новых позициях — связях или колониях там» [3].

С целью основания новых колоний и военно-стратегических баз для дальнейшей экспансии на Дальнем Востоке в Корею в 1866 г. направилось американское судно «Генерал Шерман». Его команда, наряду с основным заданием — добиться заключения торгового договора с Кореей, рассчитывала разграбить богатые королевские гробницы близ Пхеньяна. 17 августа 1866 г. «Генерал Шерман» появился у берегов Пхеньянской провинции.

Начальник уезда посетил корабль и разъяснил прибывшим, что, по корейским законам, иностранные суда не имеют права заходить в корейские воды, и предложил им покинуть Корею. Но американцы ответили: «Кто может помешать нам подойти к Пхеньяну?». 21 августа «Генерал Шерман» по реке Тэдонган подошел к предместью Пхеньяна. Местные власти снабдили команду продовольствием и вновь категорически потребовали покинуть корейские воды [4].

Американцы арестовали посетившего корабль начальника уезда со свитой и в ответ на протесты корейских властей отказались освободить его, требуя «100 мешков риса, золото, серебро и заложников корейцев» [5]. Корейские власти пытались мирно договориться с американцами. Но никакие уговоры не действовали. «Иностранный корабль не собирался уходить. Наоборот, он грабил провизию на корейских судах, палил из

---

[1] См. Р. Ш. Ганелин. Указ. соч.

[2] T. Dennett. Theodore Roosevelt and the russo-japanese War. Нью-Йорк, 1925, стр. 103.

[3] F. R. Dulles. America in the Pacific. Нью-Йорк — Бостон, 1932, стр. 63.

[4] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее. Чосон э техан миче'ы чхим'якёкса. Пхеньян, 1951, стр. 7—10 (на корейск. яз.).

[5] «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», т. XXVIII, Сеул, 1938, стр. 30.

орудий»[1]. Американцы нагло заявляли, что «идут для того, чтобы силой принудить корейцев торговать с ними»[2].

В ответ на просьбы, уговоры и требования корейцев отпустить их представителей американцы расстреляли беззащитную толпу. Тогда народные массы по-своему расправились с непрошенными гостями. Корабль «Генерал Шерман» был подожжен. Американцы пытались спастись, но погибли в реке.

Так корейский народ оказал достойную встречу непрошенным пришельцам, пытавшимся нагло оскорбить его национальные чувства.

Агрессивные цели посылки корабля «Генерал Шерман» признают даже американские «знатоки» дальневосточной политики США этого периода. Так, Кэбл писал, что нельзя обвинять корейские власти в гибели этого корабля, так как «Генерал Шерман» был «агрессор»[3]. Этот же автор сообщал о «буйных» действиях в Корее команды корабля.

В Вашингтоне не теряя времени попытались использовать неудачу с «Генералом Шерманом» для организации нового вторжения в Корею.

Сьюард предложил Наполеону III послать совместную франко-американскую карательную экспедицию в Корею, чтобы заставить корейское правительство «принять договор, соответствующий тем, какие были заключены с Китаем и Японией»[4]. Американские и французские колонизаторы не смогли договориться. Да Сьюард и не особенно настойчиво стремился к этому. США нужно было лишь создать видимость того, что они не претендуют на монопольные действия в Корее.

В 1867 и 1868 гг. американские военные суда дважды вторгнулись в корейские воды якобы для сбора сведений о «Генерале Шермане». На деле же они надеялись собрать шпионские сведения и при этом не брезговали и прямым грабежом.

В 1867 г. американец Дженкинс, бывший переводчик консульства США в Шанхае, с благословения генерального консула США в Шанхае Джорджа Сьюарда, племянника государ-

[1] «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», стр. 20.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 63.

[4] T. Dennett. Seward's Far Eastern Policy. «American Historical Review», т. XXXVII, 1929, № 1, стр. 56—58.

В том же 1866 г. французские капиталисты снарядили военную экспедицию в Корею. Французские вооруженные силы на семи военных кораблях прибыли на о. Канхва, оттуда они намеревались двинуться в Сеул и потребовать «открытия» страны для французской торговли. Но французские интервенты были также изгнаны корейским народом.

ственного секретаря, предпринял грабительскую экспедицию в Корею, во главе которой встал немецкий авантюрист, купец Опперт. План «экспедиции» был тщательно обдуман в американском консульстве. Было решено захватить королевские саркофаги и, спекулируя на религиозных чувствах корейцев, заставить их подписать кабальный торговый договор. Но и на этот раз чужеземцы с позором были изгнаны корейским народом.

В Вашингтоне зрело решение, что только при помощи серьезной военной экспедиции можно достичь успеха в Корее. Джордж Сьюард писал в Вашингтон: «Нам будет выгодно предпринять эту попытку (навязать Корее войну.— *Г. Т.*). У нас три порта в Китае, в Печилийском заливе, часто посещаемых нашими судами. И три в Японии, на западном побережье, также доступные для нас. И как раз между ними вклинился Корейский полуостров... К северу от Кореи раскинулись владения России, для которых Амур — естественный торговый путь к Тихому океану. Здесь области Китая, Японии и Сибири с уже значительной торговлей» [1].

В 1869 г. в Соединенных Штатах сменилось правительство. Новый государственный секретарь Гамильтон Фиш одной из первоочередных задач считал организацию вооруженной интервенции в Корею, чтобы под угрозой пушек заставить корейское правительство подписать кабальный торговый договор.

По указаниям из Вашингтона, весной 1871 г. началась непосредственная подготовка к «экспедиции» в Корею. Под руководством командующего американской эскадрой в Азии Роджерса и американского посланника в Китае Лоу, крупного капиталиста и бывшего губернатора Калифорнии, был организован корейский экспедиционный флот. Лоу и Роджерс 12 мая 1871 г. прибыли в японский порт Нагасаки и здесь закончили объединение всех американских флотилий. Американцы серьезно готовились к военной интервенции в Корее. Лейтенант Сноу — участник интервенции — писал, что во время пребывания американского флота в Нагасаки проводилось военное обучение, чтобы солдаты хорошо умели стрелять, если понадобится в Корее применить военную силу [2]. 16 мая 5 военных кораблей, при 85 пушках, в сопровождении большого числа

---

[1] Джордж Сьюард — В. Сьюарду 14 сентября 1868 г. «Внешние сношения США», 3-я сессия 41-го конгресса. Вашингтон, 1871, стр. 338. Цит. по ст. Р. Ш. Ганелин. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866—1871 гг.), «Вестник ЛГУ», 1951, № 8, стр. 93.

[2] «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», стр. 73.

паровых судов с 1230 солдатами на борту, в спешном порядке направились к о. Канхва. На словах официальной целью экспедиции было получение гарантийных обязательств от корейского правительства оказывать помощь потерпевшим кораблекрушение у берегов Кореи, на деле же Роджерс должен был добиться заключения неравноправного договора и открытия портов для иностранной торговли. В случае «необходимости», как указывалось в инструкциях, Роджерс имел право применить оружие. 23 мая в заливах Асан и Намян американцы начали разведку, рассчитывая спровоцировать корейцев на войну. Корейским властям было официально заявлено, что мелкие американские суда производят расследования для того, чтобы крупные могли приблизиться к столице, если посланник сочтет это необходимым. 31 мая корейское правительство направило своих уполномоченных к командующему флотом Роджерсу с требованием оставить корейские воды. Однако Роджерс отказался их принять, мотивируя недостаточностью их полномочий. Корейских представителей принял его секретарь.

2 июня два военных корабля и четыре паровых судна под командованием капитана 1-го ранга Прейга направились «обследовать» побережье о. Канхва — крепости на подступах к Сеулу.

Встреченные огнем артиллерийских батарей крепости Квансондин корабли интервентов были вынуждены отступить. Корейское правительство неоднократно посылало американцам протесты с требованием покинуть корейские воды. «Зачем вам пересекать громадный океан, чтобы проникать в чужую страну?» — говорилось в одной из нот корейского правительства.

Оправившись после первого столкновения с корейцами, 10 июня американские военные корабли в полной боевой готовности подошли к берегам о. Канхва. Оставив без внимания протесты корейского правительства, американские интервенты продолжали быстро продвигаться по реке Хан к Сеулу и напали на порт Цодидин. Корейский историк Ли Чен Вон так описывает бой у форта Цодидин:

«Наша артиллерия, размещенная по обоим берегам реки Хан, открыла ураганный огонь. Небо заволоклось дымом. Солдаты нашей армии сражались героически. Американцы, не ожидавшие получить такой отпор, несли большие потери. Все же, несмотря на ожесточенное сопротивление корейских бойцов, американский десант, превосходящий их снаряжением и вооружением по последнему слову техники, занял форт Цодидин. Но дух корейских солдат не был сломлен,— они не сдавались американским грабителям, напавшим на нашу отчизну.

Корейские войска провели стратегическое отступление, не ослабляя боевых действий в районе передовых позиций» [1].

Этой же ночью комендант о. Канхва Ли Тян Рем повел в атаку солдат. Интервенты, застигнутые врасплох, обратились в беспорядочное бегство.

Высадив на о. Канхва десант в 650 человек, интервенты начали осаду крепости Квансондин. Гарнизон этой крепости состоял из 500 солдат, оружие у них было очень устарелое, запасы продовольствия невелики. Но, несмотря на это, в боях за оборону крепости Квансондин корейские солдаты проявили исключительный героизм. Высокий моральный дух гарнизона, благородная цель — защита отечества от иноземных интервентов — придавали силы плохо вооруженным героям Квансондина.

Они готовы были до последней капли крови сражаться за независимость своей родины. Солдаты гарнизона оказались не одиноки в этой священной борьбе. Все население окрестных районов поднялось на защиту отечества от американских агрессоров. Мужчины добровольно вступали в армию, женщины и дети подносили снаряды, пищу. Когда не хватало патронов, их заменяли камни, палки, а иногда и пригоршни песка, которые бросали в глаза неприятелю.

Корейцы не сдавались в плен; они предпочитали броситься в воду или покончить жизнь самоубийством. Сопротивление, которое оказал корейский народ, поразило американских колонизаторов.

Американский офицер Прейг писал после битвы у Квансондина: «я никогда не видел, чтобы на таком клочке земли и за такое короткое время было выпущено столько снарядов» [2].

Американцы не успевали подбирать раненых и подсчитывать убитых. Из пяти военных кораблей три были совершенно выведены из строя. Интервенты оказались бессильны сломить героическое сопротивление корейского народа. Они были бессильны удержать оккупированную крепость Квансондин и с позором бежали в Китай. В эти дни более 350 героев отдали свои жизни за независимость своей родины.

Попытка американских империалистов поработить корейский народ, превратить Корею в свою колонию окончилась бесславно и на этот раз [3].

---

[1] «Новая Корея», Пхеньян, 1951, № 6, стр. 62.

[2] Там же.

[3] Подробно об американской агрессии в Корею в 1866—1871 гг. см. Р. Ш. Ганелин. Из истории агрессии США против Кореи и Китая..., (1866—1871), «Вестник ЛГУ», 1951, № 8, стр. 81—103; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», Госполитиздат, М., 1951, стр. 22—24; «Новая Корея», 1951, № 6, стр. 60—62; «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», т. 28, 1938.

Американские капиталисты, потерпев неудачу в Корее, поддерживали агрессивные намерения Японии в отношении этой страны. Правительство США стало возлагать особые надежды на японскую агрессию, как на таран, способный в результате действия «принципа наиболее благоприятствуемой нации» проложить путь американскому капиталу в Корею и на Тайвань, а также ослабить на Дальнем Востоке позиции России и преобладающее влияние Англии[1]. Капиталисты США снабжали японских милитаристов военным снаряжением, которое последние должны были использовать против Кореи. Ли Хун-чжану сообщали из США: «Япония закупает в США 80 млн. патронов к ружьям системы «ремингтон». В Нью-Йорке снаряжаются 2 военных корабля. Говорят, что это связано с притязаниями Японии на Корею...»[2]

Благосклонное отношение США к навязанному Японией Корее первому кабальному договору объяснялось также и тем, что во время вторжения США в Корею в 1871 г. китайское правительство категорически отказалось поддержать требование американских капиталистов «открыть» Корею для иностранной торговли. Со своей стороны японское правительство положительно отнеслось к притязаниям США.

В 1882 г. американские капиталисты навязали корейскому правительству неравноправный торговый договор.

В «Истории агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», изданной отделом пропаганды ЦК Трудовой партии Кореи, указывается, что «Соединенные Штаты Америки в 1882 г. с помощью насилия и обмана заключили договор о дружбе и торговле»[3].

Ли Хун-чжан не препятствовал заключению договора между США и Кореей, рассчитывая, что проникновение американских капиталистов в эту страну явится помехой для деятельности японцев.

Переговоры о заключении договора велись в Тяньцзине между Ли Хун-чжаном и представителем США Шуффельдом. В ходе переговоров представитель американских капиталистов категорически отказался включить в договор пункт о вассальной зависимости Кореи от Китая. Но Ли Хун-чжан настаивал на включении такого пункта.

---

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», стр. 35.

[2] Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. Пер. с китайского. М., 1951, стр. 22.

[3] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее». («Чосон э техан миче'ы чхим'як ква чве'як ёкса»). Изд. Трудовой партии, Пхеньян, 1951, стр. 32 (на корейск. яз.).

После долгих споров было решено: пункт о признании вассальной зависимости в договор не включать, но одновременно с подписанием договора послать специальное письмо от корейского короля президенту Соединенных Штатов Америки с указанием на наличие вассальной зависимости от Китая [1].

Вскоре после ратификации договора американский сенат получил послание короля Кочжона, в котором указывалось, что «Страна Тёсен (Корея.— *Г. Т.*) зависима от Китая, но в области государственных внутренних и иностранных дел она всегда была суверенна. Теперь, когда правительства США и Кореи вступают в договорные отношения, сношения между двумя нациями должны развиваться на основе взаимного равенства и уважения... Так как Корея зависит от Китая, то в любой вопрос, который может возникнуть между ними в результате такой зависимости, США не должны вмешиваться» [2].

В ответ государственный департамент США, воспользовавшись тем, что в договоре не было пункта о вассальной зависимости, лицемерно заявил, что считает Корею самостоятельной страной [3].

Государственный департамент игнорировал как устные обещания, данные Шуффельдом Ли Хун-чжану, так и письмо корейского короля.

Американские капиталисты, так же как и японские, прикрывали свои агрессивные планы в отношении Кореи демагогическими фразами о борьбе за «независимость» Кореи от Китая. Политика их может служить иллюстрацией к указанию И. В. Сталина о том, что «Надо уметь отличать сущность политики империалистов, в том числе и японо-американских, от её маскировки» [4].

Апологеты американской экспансии в Восточной Азии (Трит, Деннет, Фостер и др.) в своих лженаучных писаниях развивали версии, представляющие американских колонизаторов «друзьями» корейского народа. На деле же американские монополисты стремились путем дальнейшей экономической и политической экспансии превратить Корею в свою колонию.

Захват Кореи представлялся правящим кругам США связанным с меньшими затруднениями, если бы она была самостоятельной территорией. Иначе пришлось бы иметь дело не только с Кореей, но и с Китаем. С другой стороны, США

---

[1] M. F. Nelson. Korea and the old orders in Eastern Asia, Baton Rouge, 1946, стр. 141.

[2] FRUS, т. II, 1888, стр. 255—256, цит. по книге: M. F. Nelson. Korea and old orders in Eastern Asia, стр. 145.

[3] T. Dennett. Early American policy in Korea, 1883—1887, «Political Science Quarterly», 1923, № 38, стр. 83.

[4] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 361.

считали, что закабаление и разграбление страны японскими капиталистами нисколько не мешают их собственным захватническим планам.

Правительство США считало Японию слабой азиатской страной, захватнические происки которой только подготовят почву и облегчат окончательную колонизацию, а в дальнейшем захват Кореи американскими капиталистами.

Однако японские колонизаторы не собирались уступать американским капиталистам захваченные ими в Корее экономические позиции. После проникновения американского капитала между ними началась борьба за разграбление природных богатств Кореи, за эксплуатацию корейского народа.

Политика США в Корее прикрывалась громкими фразами «о дружбе двух народов» и изображала США «старшим братом», который-де принимал на себя заботы о «младшем и слабом брате» — Корее.

Американо-корейский договор 1882 г. предоставлял американским капиталистам право бесконтрольного разграбления природных богатств Кореи под видом их «разработки» и «эксплуатации». Американские разведчики, миссионеры, предприниматели, купцы получили возможность проникать вглубь страны. Эти «путешествия» назывались в договоре торговыми и туристическими. Американским бизнесменам предоставлялось право торговать в открытых портах, покупать там землю и другую недвижимую собственность, основывать всякого рода промышленные предприятия и торговые учреждения, нанимать рабочую силу. Таким образом, американские капиталисты собирались прочно обосноваться в Корее.

«Дальновидные» колонизаторы, учитывая опыт японских захватчиков, специально предусматривали в договоре, что, если американским гражданам, их имуществу или жилищу будет угрожать опасность или они подвергнутся нападению «толпы», поджогу или другим насилиям «преступных лиц», корейские власти обязаны немедленно посылать военные силы для защиты американцев.

Американо-корейский договор содержал в себе и обычные для неравноправных договоров статьи об экстерриториальности и неподсудности. Оговорка о том, что эти статьи будут упразднены, когда судебные законы Кореи настолько изменятся, что станут сходны с судопроизводством США, фактически являлась попыткой прикрыть кабальный характер договора.

В договоре предусматривалась и подготовка в США агентуры из числа сыновей знатных янбаней под видом разрешения студентам одной из договаривающихся стран посещать другую для изучения языка, законов, искусства.

Колониальный, грабительский характер договора должен

был скрыть его 1-й пункт «о дружбе и добрых услугах», который гласил: «Если другие державы будут обращаться несправедливо или оказывать давление на одно из договаривающихся правительств, то другое правительство, будучи об этом информировано, окажет свои добрые услуги, чтобы добиться полюбовного разрешения вопроса...» [1]

Ссылаясь на этот пункт договора, апологеты американского империализма создали версию об американской политике «добрых услуг» по отношению к Корее. Всячески восхваляя политику США в Восточной Азии, Тайлер Деннет пытался доказать, что США «сделали все возможное» якобы для установления мирных отношений между Японией и Китаем в интересах Кореи [2].

С другой стороны, американские фальсификаторы истории для оправдания агрессивных действий Японии в отношении Кореи пускали обычную для захватчиков версию о перенаселенности Японии. «Япония должна иметь отдушину для возрастающего населения... с точки же зрения экономической Япония зависела от Кореи как ближайшего иностранного рынка и источника сырья» [3].

Министр иностранных дел Иноуэ в беседе с американским посланником в Японии Бингхеймом выразил удовлетворение действиями американского правительства, т. е. ратификацией договора с Кореей. Иноуэ сказал, что политика США «воспринималась императорским японским правительством как акт дружбы в отношении Японии» [4].

После заключения американо-корейского договора наступил новый период в истории американской агрессии в Корее. Корейский историк Ли Чен Вон характеризует его как период, «отличный от первого периода американской агрессии в Корее (1866—1871 гг.— *Г. Т.*), когда они (американские капиталисты.— *Г. Т.*) пытались вооруженным путем вторгнуться в страну». В 80 и 90-х годах XIX в., как и в последующие периоды, американские империалисты стремились захватить Корею, прикрываясь политикой, «провозглашающей любовь и дружбу к корейскому народу» [5].

Политическая линия дипломатических представителей США в Сеуле свидетельствовала о том, что их выступление за «независимость» Кореи было лишь завесой, прикрывающей истинные цели американских империалистов. В феврале 1883 г.

---

[1] «Описание Кореи», т. 3, стр. 35.

[2] T. Dennett. Theodore Roosevelt and the russo-japanese War, стр. 103.

[3] Там же, стр. 97.

[4] FRUS, 1883, стр. 603.

[5] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 92.

резидентом США в Корее был назначен Люциус Фут. Побывав предварительно в Токио, в сопровождении японца-переводчика 12 мая 1883 г. Фут прибыл в Корею. Американская миссия в Сеуле, вскоре же после основания, так же как и японская миссия, стала центром тайных заговоров и политических интриг против правительства Минов. Посланник Фут, обосновавшись в Сеуле, приступил к осуществлению захватнической программы американских империалистов. Одной из центральных задач Фута было создание проамериканской агентуры из числа предателей корейского народа. Опираясь на подобного рода «деятелей», Фут намеревался насаждать в Корее американское влияние. Наиболее подходящими для этой цели оказались прояпонски настроенные чиновники и прояпонская клика в Сеуле, называвшая себя «партией прогрессистов». По свидетельству самого Фута, после прибытия в Сеул американской миссии эта «партия» пополнилась за счет американцев [1].

Для выполнения широких колонизаторских планов США американские капиталисты не собирались ограничиться только лишь наличным составом миссии и членами прояпонской клики. Фут стремился расширить свою агентуру.

В мае 1883 г., вскоре после основания миссии США в Сеуле, Фут заявил корейскому королю, что его правительство «было бы счастливо принять первых корейских представителей». При этом американский посланник ссылался на § 2 американо-корейского договора, по которому обе договаривающиеся державы будут назначать своих дипломатических представителей в каждую из этих стран [2]. Фут не случайно настаивал на скорейшем отправлении корейской миссии в США. В письмах к государственному секретарю США Фредерику Фрелингсхаузену, американскому послу в Японии Бингхейму и друзьям в США Фут подробно излагал свой план. По замыслам американского дипломата, корейские представители, побывав в США, должны были возвратиться преданными слугами американского доллара. В письмах он просил подготовить специальную программу «обработки» корейских представителей. «Нужно показать им американские шахты, арсеналы, почтовые ведомства, таможни, школы и т. п.» [3] Корейские янбани попросят прислать в их страну американских советников и инструкторов, на что правительство США милостиво согласится. Далее Фут выражал уверенность, что присутствие

---

[1] «Korean-american Relations. Documents...», стр. 107.

[2] См. «Описание Кореи», т. 3, стр. 35. Текст американо-корейского договора, § 2.

[3] H. Noble. The korean mission to the United States in 1883, «Transactions of the Korean Branch of the Royal Asiatic Society», т. XVIII, 1929, стр. 4—5.

многочисленных американских советников во всех корейских ведомствах обострило бы укрепление влияния США в Корее. Кроме того, Фут рассчитывал, что посещение корейскими делегатами крупных торговых тихоокеанских портов будет способствовать развитию американо-корейской торговли. Американский автор, оценивая деятельность посланника, отмечал большие заслуги его в деле посылки этой миссии в США, а также заслуги в области расширения сферы американских торговых интересов.

16 июля 1883 г. корейская миссия отплыла в США. В состав ее вошли знатные корейские янбани: Мин Ён Ик, Хон Ён Сик, Со Кван Бом и другие. Они побывали во многих американских городах. Везде была заранее подготовлена торжественная встреча. Члены миссии были дважды приняты президентом и государственным секретарем. Заявление президента представителям Кореи, кроме обычной демагогической фразеологии и заверений в дружбе, содержало признание того, что США «желали бы направить в Корею американских советников, как военных, так и гражданских, для реорганизации корейской административной системы и армии» [1]. Это признание было облечено лицемерными рассуждениями «о самых искренних желаниях» правительства США помочь развитию корейской промышленности, сельского хозяйства и т. д.

Ли Чен Вон, разоблачая агрессивную политику американских империалистов в конце XIX в. в Корее, писал об этой речи президента: «она подтверждала, что американская экспансия в отношении слабых наций, преследующая цели захвата и грабежа, проводилась обычно под прикрытием громких фраз о дружбе, мире, помощи» [2].

Американские империалисты достигли своей цели. Некоторые члены миссии, «прогрессисты», возвратились из США проводниками интересов американского капитала [3].

В 1884 г. американские советники Денни, Лежандр, Аппенцелер и прояпонские деятели Со Чжэ Пхиль, Ли Сан Чже и другие собирались в клубе, который был заговорщическим центром. В заговоре 1884 г., который должен был установить политическую власть Японии в Корее и покончить с китайским

---

[1] H. Noble. The korean mission to the United States in 1883, стр. 11—12.

[2] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 89.

[3] В донесениях посланника Фута в госдепартамент приводится весьма любопытный список «прогрессистов» и их краткие биографические данные «List of Korean officers with titles, offices, etc.» Ноябрь 1894.

Из этого списка явствует, что из «видных» деятелей прояпонской клики Хон Ён Сик был вице-министром корейской миссии в США, Со Кван Бом — секретарем, Пён Су — членом этой миссии. «Korean — American Relations. Documents...», стр. 112—113.

влиянием, участвовали почти все сотрудники американской миссии. Русский путешественник Дадешкалиани, побывавший в этом же году в Корее, был весьма удивлен тем, что «американский посланник оказался на стороне японцев (в заговоре.— *Г. Т.*). Поневоле приходится согласиться с тем ходячим в Сеуле мнением, что американский посланник генерал Фут действовал заодно с Японией будто в видах каких-то личных коммерческих интересов» [1] .Дадешкалиани не подозревал, что американский резидент действовал не только в личных коммерческих интересах, но в первую очередь следовал инструкциям, получаемым из Вашингтона. Американский военный атташе в Корее Фулк также был тесно связан с «прогрессивной» прояпонской дворянской кликой и знал о заговоре 1884 г.

В связи с заговором газета «Дальний Восток» писала, что насколько европейцы были причастны к заговору 1884 г., «можно судить из той странной роли, которую сыграл американский поверенный в делах г. Фульк (Фульк.— *Г. Т.*)» [2].

Автор корреспонденции сообщал также, что заговорщики имели сношения с американской миссией, где они «всегда были охотно принимаемы». Американский посланник был осведомлен о ходе подготовки заговора. За два дня до назначенного заговорщиками срока Фут уехал из Сеула и возвратился уже после переворота.

Журнал, издававшийся американскими миссионерами в Корее, также подтверждал связи Фулка с «прогрессистами» и «особенно с Ким Ок Кюном, Пак Ён Хе, Со Кван Бомом, Хон Ён Сиком». Журнал также признавал, что Фулк был посвящен в заговор и «ничего не было сделано (им.— *Г. Т.*)..., чтобы предотвратить восстание». Фулк сообщил об этих событиях Футу, но последний также «ничего не предпринял, чтобы предотвратить замышляемые беспорядки» [3].

Американский посланник Фут перед заговором сообщал в Вашингтон: «политика японцев в Сеуле всегда диктовалась желанием помочь «прогрессивной» партии» [4]. И далее: «в октябре 1884 г. (т. е. за месяц до захвата власти прояпонской кликой.— *Г. Т.*)... один из лидеров «прогрессистов» опять пришел ко мне... и сказал, что для спасения короля Мин Тхэ Хо, Чо Ен Ха и четыре других влиятельных сановника, возможно, будут убиты» [5]. «26 октября... я узнал, что развязка близка и, воз-

---

[1] Дадешкалиани. Краткий очерк современного состояния Кореи. «Сборник материалов по Азии», вып. 22, СПб., 1884, стр. 116.

[2] «Дальний Восток», Владивосток, 19 июля 1895 г.

[3] «The Korean Repository», 1897, стр. 136.

[4] «Korean-american Relations. Documents...», стр. 110.

[5] Там же.

можно, произойдут кровавые события... 1 ноября я покинул Сеул, чтобы предпринять небольшое путешествие вглубь Кореи» [1].

Как американские посланник и военный атташе, так и рядовые сотрудники миссии были активными участниками кровавого заговора, замышлявшегося против правительства Минов.

Не случайно японские наймиты, предававшие интересы корейского народа и с позором изгнанные из своего отечества, нашли надежный приют не только в Японии, но и в США. Юань Ши-кай сообщал Ли Хун-чжану: «Три преступника, организовавшие мятеж прошлой зимой (1884 г.— *Г. Т.*),— Пак Ён Хе, Со Кван Бом и Хон Ён Сик бежали в разное время через Японию в США» [2].

Активными сторонниками прояпонской клики были и американские миссионеры в Корее Андервуд и Херон. Проезжая через Японию в Корею, они познакомились с лидерами разгромленной в 1884 г. прояпонской клики Ким Ок Кюном и Пак Ён Хе. Предатели корейского народа помогали американским разведчикам изучать корейский язык и снабдили их рекомендательными письмами к своим сторонникам в Корее. Андервуд и Херон восторженно отзывались о своих новых друзьях [3].

Соединенные Штаты Америки с первых же дней после заключения американо-корейского договора боролись против усиления в Корее влияния Китая, которое мешало их колонизаторской политике [4].

Фут и военный атташе Фулк резко выступали против активизации политики маньчжурского правительства. По свидетельству американского миссионера Аллена, оба дипломата аплодировали японскому «стремлению к прогрессу». С другой стороны, их презрительное отношение к Китаю выражалось во всем. Фут «предпочитал островную империю, японских дипломатов, японских слуг... Его помощник Джордж Фулк знал, любил Японию и был женат на японке» [5]. Они использовали дипломатические связи и все свое влияние, чтобы помочь прояпонским деятелям придти к власти. Совершенно очевидно, что эти заокеанские бизнесмены действовали не бескорыстно. Они получали щедрые обещания о предоставлении различных концессий и привилегий для американского капитала после прихода к власти японских марионеток.

---

[1] «Korean-american Relations. Documents...», стр. 110.

[2] Ли Хун-чжан. Собр. соч., Приложение, телеграмма Юань Ши-кая Ли Хун-чжану от 20 дня III месяца 10 года правления Гуансюя. Цит. по книге: Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, стр. 30.

[3] F. H. Harrington. God Mammon and the Japanese..., стр. 78.

[4] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», стр. 32.

[5] F. H. Harrington. God Mammon and the Japanese..., стр. 15—16.

Американо-китайский антагонизм в Корее усиливался. «Имя Фулка сделалось анафемой для китайцев», а «Аллена Юань Ши-кай считал своим врагом» [1]. Открытое восхваление американцами прояпонских элементов и поддержка недовольных правлением Минов вызвали возмущение китайского правительства. Личные связи Фулка с заговорщиками и его статьи в «Норс чайна дейли ньюс», которые славили японскую цивилизацию и призывали к расторжению связей с Китаем, заставили маньчжурское правительство потребовать отставки Фулка [2]. Американские капиталисты только в 1887 г. согласились на отставку американского дипломата, «хорошо знавшего страну» и имевшего личные связи среди прояпонски настроенных чиновников.

Деятельность американских советников при корейских палатах также должна была подорвать влияние Китая и «расширить экономическую и политическую сферу влияния США в Корее» [3]. В 1885 г. советником корейского правительства по иностранным делам был назначен американец Дени, должность генерального инспектора корейских таможен занял американец Мерилл. Дени вмешивался во все политические дела государства и призывал к борьбе за расторжение связей между Кореей и Китаем. Юань Ши-кай добился его отставки.

Американские капиталисты для осуществления своих захватнических планов в Корее наводнили страну своими разведчиками-миссионерами. Замечание В. И. Ленина о том, что миссионеры, действовавшие в Китае, «лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства» [4], целиком относится к американским миссионерам в Корее, которые помогали правительству США осуществлять колонизацию этой страны.

Президент США Теодор Рузвельт, высоко оценивая деятельность американских миссионеров в Азии, называл миссионера Аллена вдохновителем азиатской политики США [5].

Выполняя захватнические планы американских монополий, миссионеры старались обмануть народные массы Кореи заверением в том, что США якобы «несут мир, цивилизацию», «заботятся» о судьбе корейского народа. «Однако американцы вызывали только ненависть корейского народа»,— читаем в

[1] M. F. Nelson. Korea and the old orders in Eastern Asia, стр. 184.

[2] FRUS. Рокхил — Баярду. 3 января 1887 г. Цит. по M. F. Nelson. Указ. соч.

[3] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», стр. 33.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 348.

[5] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 100.

«Истории агрессии и преступлений американских империалистов в Корее» [1].

Первые три американских проповедника прибыли в Корею в 1884 г. Это были бывшие студенты теологической семинарии в Нью-Йорке — Хальберт, Гилмор и Бунклер [2].

Вслед за ними приехали многочисленные представители американской методистской, епископальной и северной пресвитерианской церквей. В 1890 г. была основана первая англиканская церковь в Сеуле. Создание протестантских церквей в разных районах страны ставило целью усилить американское влияние и расчистить путь американскому капиталу.

Правительство США, возлагая большие надежды на деятельность миссионеров в Корее, заботилось об условиях их жизни в этой стране. Пресвитериане получали жалованье: семейные 1350 американских долл. и 100 долл. в год на каждого ребенка. Одинокие мужчины получали 800 долл., а женщины — 675 долл. Кроме того, им предоставлялись казенные квартиры и специальные суммы на приобретение обстановки (женатым — 600 долл., холостым — 300 долл.). Женатые миссионеры через восемь лет, а холостые через семь лет имели право в отпуск приехать в Соединенные Штаты на один год, в течение которого за ними сохранялось жалованье в размере 800 долларов. Проезд в первом классе оплачивался государством [3].

В 1888 г. деятельность американских лазутчиков в Корее достигла таких значительных размеров, что это заставило Чо Пён Сика, главу корейской палаты иностранных дел, обратиться к американскому посланнику Динсмору с требованием ограничить эту деятельность. «Проповедывание религии и открытие школ любого рода не указано в договоре. Поэтому мы строжайше запрещаем любые школы, кроме тех, что специально разрешены нашим правительством. Мы также не разрешаем религиозные проповеди среди нашего народа. Пусть ваше превосходительство, во избежание беспорядков, дружески посоветует американцам, которые распространяют религию, согласиться с нашими требованиями» [4],— говорилось в ноте.

---

[1] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», стр. 32.

[2] A. J. Brown. The Mastery of the Far East. Нью-Йорк, 1921, стр. 79.

[3] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» «Сборник материалов по Азии», вып. 75, 1901, стр. 73.

[4] FRUS, т. I, 1888, стр. 447. Динсмор — Баярду. Сеул, 28 апреля 1888 г. Угроза запрещения деятельности американских миссионеров серьезно беспокоила государственного секретаря США Баярда. В послании Динсмору от 15 июня 1888 г. он приводит тексты франко-корейского договора, в котором разрешалась проповедь религии (Франко-корейский договор, § 9, разд. 2, 4).

Тяжелое положение корейского народа еще более ухудшилось после проникновения в страну иностранного капитала. Корейское крестьянство и городская беднота живо ощущали и все последствия приезда иностранцев, главным образом — японцев и американцев.

Вопреки распространенному в буржуазной американской литературе лживому мнению, что корейский народ «любил и уважал американских братьев», в действительности трудовые массы неоднократно по разным поводам выступали против американских колонизаторов. Так, в послании государственному секретарю США Баярду Динсмор сообщал, что «за прошедшие 10 дней в Сеуле произошли серьезные беспорядки. Иностранные резиденты в опасности. Обвинения народа, кажется, направлены в основном против американских и японских миссионеров. 18 июня я узнал, что угрожали нападением на Чонтон, где расположена американская резиденция. Туземцы, состоящие на службе у американцев, боятся выйти на улицы и... уходят с работы... Видя, что положение принимает серьезный оборот, я вызвал... из Чемульпо с корабля «Эссекс» отделение в 20 человек для охраны американцев» [1]. Одновременно с этим посланник Динсмор обратился с нотой к Чо Пён Сику — главе палаты иностранных дел. В ноте говорилось, что необходимо «принять некоторые экстренные меры, чтобы успокоить волнения, беспрестанно увеличивающиеся в Сеуле. Жизнь нашего народа в опасности, и могут произойти серьезные неприятности для иностранцев и для корейского правительства... Я прошу, чтобы была выпущена прокламация от корейского правительства, за его печатью, и вывешена в общественных местах и по всем городу...» [2]

Этот инцидент прекрасно свидетельствовал о силе ненависти к американским колонизаторам корейского трудового народа.

После заключения американо-корейского договора американский капитал устремился в Корею. В 80-х и начале 90-х годов XIX в. американские империалисты стремились добиться в Корее концессий, заключить кабальные соглашения в целях извлечения максимальных прибылей. Так, уже в декабре 1883 г. американская компания «Мидлтон и К°» добилась от корейского правительства права на эксплуатацию судоходных линий Шанхай — Инчон и Нагасаки — Пусан.

В июле 1884 г. один американский предприниматель добился разрешения на строительство стекольного завода и спичечной фабрики. В сентябре 1884 г. электрическая компания

---

[1] FRUS, т. I, 1888, стр. 448. Динсмор — Баярду. Сеул, 25 июня 1888 г.
[2] Там же, стр. 451, Динсмор — Чо Пён Сику. Сеул, 18 июля 1888 г.

«Эдисон компани» приобрела право на электрификацию королевского дворца [1].

В 1884 г. посланник Фут добился для американских торговых компаний контракта на каботажное пароходство, добычу жемчуга, рубку леса на островах у берегов Кореи, строительство порохового завода [2].

Американский капитал стремился распространить свои щупальцы на все отрасли экономики Кореи [3]. В 1883 г. «Американская торговая компания», основанная в Иокогама, заключила контракт с Корейским бюро колонизации и улучшения пустых земель, которое возглавлял Ким Ок Кюн. По контракту предатели корейского народа предоставляли предприимчивым американским дельцам право вырубать лес стоимостью до 500 тыс. долл. на острове Уллындо и продавать его в Китае и Японии. Американцы на этих операциях официально получали 10% прибыли. На деле барыш был гораздо больше. Эти махинации с корейским лесом настолько устраивали «Американскую торговую компанию», что вскоре после подписания контракта она собиралась заключить второй [4].

В 1885 г. представитель торговой фирмы США в Иокогама Джеймс Морз приступил к исследованию золотых рудников в уезде Унсан. Американские капиталисты в 1890 г. в провинции Хамгёндо начали добычу железной руды. В том же году американцы начали разработки в провинции Канвондо, уездах Хвачхын и Каннын, и в провинции Пхенандо и Хванхэдо.

Условия работы в шахтах и рудниках, на которых хозяйничали американцы, не отличались от условий в колониальных тюрьмах. Колонизаторы разработали специальный устав поведения рабочих. За малейшие провинности корейских рабочих ждали порка, лишение заработной платы.

Американские монополии, наживая колоссальные прибыли, расхищая народные богатства Кореи, вывозя золото и ценные металлы, установили на своих рудниках жестокий колониальный режим.

Правящие круги США проявляли живейший интерес к деятельности американских компаний в Корее.

В 1888 г. военный атташе Фулк посылал Баярду подробнейшие описания полезных ископаемых, их размещение по провинциям, районам и уездам. К донесениям прикладывались специальные схемы предполагаемых золотых и серебряных раз-

---

[1] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 101.

[2] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», стр. 36.

[3] См. Ли Чен Вон. Указ. соч., стр. 101.

[4] «Korean-american Relations. Documents...», стр. 121.

работок, которые могли бы стать источниками дохода американских предпринимателей. Государственный секретарь Блейн в 1888 г. «просил Аллена информировать его об успехах в заключении контрактов между гражданами США и Кореей» и хотел основать в порту Комундо каменноугольную станцию [1]. Очень обрадовало Блейна сообщение, что «американцы стремятся получить концессии на строительство железных дорог и разработку шахт» [2]. В 1890 г. советник японского правительства американец Лежандр посетил Корею, чтобы навязать королевскому правительству японский заем. Лежандр рьяно добивался согласия корейского правительства на получение займа от Японии, рассчитывая, что экономическое закабаление этой страны Японией откроет дорогу и для американского капитала [3].

Следовательно, в 80-х и начале 90-х годов XIX в. американские империалисты, будучи лишены возможности захватить Корею, рассчитывали экономически закабалить эту страну.

Не довольствуясь подчинением своему влиянию экономики Кореи, американские капиталисты мечтали об отторжении части корейской территории. Так, в 1888 г. американские морские власти намеревались захватить остров Комундо.

Однако правящие круги США, считая преждевременным возобновление прямых актов агрессии против Кореи, стремились упрочить свое влияние в этой стране.

Американские разведчики проникли и в корейскую армию. В конце 1887 г. корейское правительство заключило соглашение с Соединенными Штатами о приглашении в корейскую армию американских военных инструкторов [4]. Заключая соглашение, в Вашингтоне преследовали две цели: помешать приглашению в Корею русских или китайских военных инструкторов и подчинить армию американскому влиянию. В марте 1888 г. прибыли в Сеул и начали свою «деятельность» три американских офицера: генерал Дай, полковник Кемпбелл и майор Ли [5].

Анализ американской политики в изучаемый период со всей убедительностью показывает, что капиталисты США, потерпев

---

[1] F. H. Harrington. God Mammon and the Japanese..., стр. 135.

[2] Там же, стр. 106.

[3] Цит. по А. Л. Нарочницкий. Соединенные Штаты Америки и Японская агрессия в Китае и Корее в 1894—1895 гг., «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VII, 1950, № 3, стр. 226.

[4] FRUS, 1887—1888, стр. 437. Баярд — Динсмору 24 октября 1887 г. Баярд обусловливал, что предложения должны быть гарантированы достаточным жалованием, уплачиваемым ежемесячно военным инструкторам со времени их выезда, а также решением оплатить аванс по возвращении шефа и его двух помощников.

[5] Вебель. Поездка в Корею летом 1889 г., «Сборник материалов по Азии», вып. 41, стр. 92.

неудачи в своих попытках вооруженным путем превратить Корею в свою колонию, перешли к поддержке японской колонизаторской политики в этой стране. Одновременно они стремились насаждать свое влияние в Корее, чтобы, укрепив позиции, оттеснить японцев. Американские империалисты под маской «заботы о цивилизации» Кореи, так же как и японские захватчики, наводняли страну своими разведчиками. Они хищнически грабили природные богатства Кореи, обкрадывали корейский народ.

Личина «друзей корейского народа», лицемерные фразы о дружбе не смогли обмануть корейский народ, который не раз имел возможность убедиться в захватнических устремлениях американских империалистов и неоднократно с оружием в руках решительно против них выступал.

РУССКО-КОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 80-х И НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XIX в.

Между Россией и Кореей отношения завязались в 60-х годах XIX в., с тех пор как к России по соглашению с Китаем (1860 г.) перешел Уссурийский край. Вскоре после этого начался массовый переход корейских крестьян на русскую территорию. Кроме того, по всей русско-корейской границе велась нелегальная торговля.

Проникновение Японии и иностранных держав в Корею и стремление их установить там свое господство не могли не затрагивать интересы царской России. Борьба Японии и маньчжурского правительства за преобладание в Корее и вытекающая отсюда постоянная угроза военного конфликта непосредственно отражались на безопасности русских дальневосточных границ. Отсутствие железнодорожной связи с Дальним Востоком не давало царской России возможности обеспечить достаточную оборону этих границ. Усиление влияния маньчжурской династии в Корее и прямое присоединение ее к Китайской империи, за которой стояла Англия, а равно и установление влияния какого-либо другого враждебного России государства, способного угрожать ее границам, были одинаково опасны для России. Наиболее выгодно было для царского правительства сохранить в Корее существующее положение [1].

В 1884 г. был заключен первый русско-корейский договор. Правительство России, несмотря на грабительский, колониальный характер политики царизма в целом, в это время не могло вести на Дальнем Востоке активной политики и, в

[1] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», стр. 36—51.

частности, не предпринимало актов агрессии против слабого соседа. Оно отклонило в 1884 г. предложение корейского правительства о присылке русских инструкторов в корейскую армию, а в 1885 г.— просьбу об установлении русского протектората над Кореей. В Петербурге серьезно опасались возможности быть замешанными в конфликт с Китаем, подстрекаемым Англией к войне с Россией.

В 1884—1885 гг. наблюдалось резкое ухудшение и до этого напряженных отношений между Англией и Россией. Англо-русские противоречия в эти годы особенно обострились в Средней Азии. Превратив Афганистан в своего вассала, британское правительство рассчитывало подчинить Афганистану и соседние туркменские племена. В 1885 г. Россия была «на волосок от войны с Англией» [1].

15 апреля 1885 г. английские капиталисты воспользовались ими же созданной шумихой об агрессивности России. Английская эскадра оккупировала корейский архипелаг Комундо (провинция Чолла) с главными островами Кодо, Тондо, Седо. Английская дальневосточная эскадра, захватив эти острова, быстро превратила их в военно-морские базы, установила артиллерию, построила военные казармы, заминировала вход в залив [2]. Маньчжурское правительство Китая, наивно рассчитывая на помощь Англии в борьбе против японского проникновения, не препятствовало агрессии британских капиталистов. Категорические протесты корейского правительства английский кабинет оставлял без ответа. Однако в результате неоднократных требований правительства России английские агрессоры очистили захваченную территорию (1887 г.).

Когда в 1885 г. в Сеуле была учреждена русская дипломатическая миссия, политическая обстановка на Дальнем Востоке была очень накалена. Британские и американские дипломаты запугивали маньчжурское правительство «русской опасностью». Японские захватчики также считали Россию препятствием на пути своих колонизаторских планов.

Стремление царского правительства содействовать сохранению статус-кво в Корее совпадало с интересами правительства Минов. Королева Мин и ее родственники, правившие страной, надеялись, что Россия поможет избавлению Кореи от надвигающейся японской опасности. Русский поверенный в делах в Сеуле Вебер пользовался большим авторитетом в правительственных кругах Кореи. Симпатии Минов к России и их дружба с русским представителем беспокоили маньчжуров.

---

[1] В. И. Ленин. Тетради по империализму. 1939, стр. 620.

[2] См. Чен Ю Ген. Агрессия английских империалистов в Корее, «Новая Корея», Пхеньян, 1951, № 10.

В 1886 г. палата иностранных дел в Корее вновь официально уведомила Вебера о своем желании избавиться от вассальной зависимости от маньчжурского правительства Китая и запрашивало, может ли оно рассчитывать на поддержку русского правительства в случае декларации короля о независимости [1].

В 1885 г. Китай под давлением Англии занял позицию, явно угрожавшую дальневосточным интересам царской России. Однако в 1886 г. отношения Англии и России на Среднем Востоке несколько улучшились. Это сказалось и на позиции маньчжурского правительства. Летом 1886 г. между Россией и Китаем было подписано так называемое Хунчунское соглашение, подтверждающее прежние границы, и вскоре Ли Хун-чжан пригласил русского поверенного в делах в Китае Ладыженского, чтобы уточнить отношения обеих держав в Корее. 29 сентября 1886 г. в беседе с Ли Хун-чжаном Ладыженский заявил: Россия заинтересована в неприкосновенности Кореи. Корея расположена между тремя странами и захват ее территории любой из них вызовет недовольство двух других. Ли Хун-чжан заверил Ладыженского, что Китай не помышлял о захвате Кореи, но что русская политика вызывает у него серьезное беспокойство. В конце беседы Ли Хун-чжан предложил заключить секретное соглашение с Россией. Ладыженский согласился. 30 сентября он представил свой проект соглашения, который предусматривал: 1) сохранение существующих отношений между Кореей и Китаем и между Кореей и другими державами; 2) уважение территориальной неприкосновенности Кореи и 3) сохранение существующего режима в Корее. Любое изменение существующего положения в Корее может быть произведено только по соглашению между Китаем и Россией [2]. В соответствии с этими пунктами и было заключено словесное соглашение, в котором русское правительство подтвердило свое желание сохранить без изменения положение в Корее.

В русских правительственных кругах новое предложение корейского правительства об установлении протектората или оказании помощи в случае отказа Кореи от маньчжурского владычества было встречено с неудовольствием. «Всякое столкновение с империей богдыхана,— писал министр иностранных дел Гирс Веберу,— требовало бы с нашей стороны громадных жертв, которые ни в каком случае не были бы искуплены результатом борьбы. Положение наше на побережье Тихого океана не настолько еще обеспечено, чтобы мы могли рассчитывать здесь на какой-либо успех» [3]. Иными словами, царское

---

[1] «Красный архив», т. 52, 1932, стр. 58.

[2] T. F. Tsiang. Sino-japanese diplomatic relations..., стр. 798.

[3] А. Л. Попов. Внешняя политика самодержавия в XIX в.— «Против антиисторической концепции Покровского», т. 2, М., стр. 298.

правительство, опасаясь обострения отношений с Китаем, считало невыгодным для себя всякое столкновение с ним.

В апреле 1888 г. состоялось особое совещание Приамурского генерал-губернатора и начальника азиатского департамента Министерства иностранных дел, на котором обсуждался вопрос, «желательно ли приобретение Россией Кореи и каких можно ожидать от этого последствий». В результате всестороннего обсуждения вопроса было решено: «Приобретение Кореи не только не обещало нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия», так как с экономической стороны, «будучи страной весьма бедной, Корея не может служить для нас выгодным торговым рынком, в особенности ввиду отсутствия промышленности в наших собственных владениях на Тихом океане». Разработка предполагаемых богатых полезных ископаемых также не привлекала русское правительство, так как «эксплуатация означенных богатств потребовала бы значительных пожертвований, которые, во всяком случае, не скоро окупились бы». С точки зрения военно-стратегического плацдарма Корея теряет свое значение ввиду неудобств и затруднений, с коими была бы сопряжена ее оборона. Корея слишком удалена от центров, где мы располагаем достаточными боевыми силами, а при ограниченности средств в Приамурском военном округе всякое расширение нашей территории было бы обременительным... Наконец, завладение Кореей нарушило бы наши отношения не только к Китаю, но и к Англии, которая также имеет виды на означенную страну. Наше положение ввиду китайско-японской коалиции сделалось бы во всех отношениях крайне затруднительным» [1].

В решениях особого совещания также указывалось, что политика царского правительства направлена на выполнение условий словесного соглашения Ли Хун-чжан — Ладыженский (1886 г., Тяньцзинь). Задача России — добиться выполнения этого соглашения Китаем и не допустить превращения Кореи в китайскую провинцию. «Но так как при всем этом открытая борьба с Китаем представляется случайностью в высшей степени нежелательной..., то средства к побуждению китайцев к соблюдению означенного соглашения должны заключаться в устранении с нашей стороны,— с сохранением, конечно, нашего достоинства,— каких бы то ни было вызывающих действий и в нравственном воздействии наших представителей

---

[1] «Красный архив», т. 52, стр. 55. Правительство России в эти годы недооценивало японскую агрессию в Корее и растущие силы Японской империи. Гирс считал, что между Китаем и Японией состоялось соглашение против России, в результате которого Корея передавалась полностью Китаю (см. А. Л. Нарочницкий. Японская агрессия в Корее и Китае и причины японо-китайской войны 1894—95 гг., «Вопросы истории», 1950, № 5).

в Пекине и Сеуле на правительства, при которых они аккредитованы. Мы должны стараться поколебать в китайцах поддерживаемое в них недоброжелателями подозрение, что мы сами имеем виды на Корею, и вселить в них убеждение, что точное соблюдение Тяньцзинского соглашения нас вполне удовлетворяет»[1]. Сюзеренитет маньчжурской династии над Кореей и фактическая самостоятельность корейского правительства вполне устраивали царскую Россию, и «если бы опека Китая над Кореей ограничивалась заботами об охранении существующих между обеими странами традиционных связей, то мы не только не имели бы поводов восставать против этих вещей, но могли бы, напротив того, им сочувствовать, так как означенные связи представляются до известной степени задатком неприкосновенности Кореи, опасение войти в столкновение с Китаем будет всегда удерживать державы от посягательства на... соседа-вассала»[2].

Японская угроза захвата Кореи тогда еще не казалась серьезной, так как Китай являлся страной, располагающей не только значительными людскими ресурсами, но и крупными материальными средствами.

При обсуждении вопроса о неоднократных попытках корейского короля прибегнуть к русской помощи на совещании было решено «удерживать корейское правительство от предприятий, направленных к изменению его отношений к Китаю...», и чтобы не раздражать китайское правительство обращениями Кореи к русскому поверенному в делах. «Так как принятие корейских интересов под нашу защиту, не обещая никаких выгод, может вовлечь нас в затруднения, то корейскому правительству... надлежит советовать прибегать к содействию всех вообще иностранных представителей в Сеуле». Допускалось «вмешательство наше во внутренние дела Кореи», но подчеркивалось, что «наиболее надежное средство к обеспечению международного положения Кореи заключается в ее жизненном развитии, и на этот предмет следует преимущественно обращать внимание ее правительства»[3].

Материалы особого совещания вновь подтверждали, что царская Россия в тот период не была заинтересована в установлении протектората над Кореей, несмотря на неоднократные предложения корейского правительства. Политический курс, проводимый Вебером в Корее, основывался на решениях особого совещания.

---

[1] «Журнал особого совещания 26 апреля 1888 г.» — «Красный архив», т. 52, стр. 59.
[2] «Красный архив», т. 52, стр. 56.
[3] Там же, стр. 60—61.

В 1891 г. Россией была начата постройка Сибирской железной дороги. Известие об этом еще более разожгло антирусскую пропаганду английских и японских военных и политических деятелей. Хотя постройка Сибирской магистрали несомненно была связана с экспансионистскими планами царизма на Дальнем Востоке, но также бесспорно эта железная дорога должна была укрепить русскую дальневосточную окраину, до сих пор совершенно незащищенную, и содействовать экономическому развитию обширных областей Сибири. Железная дорога создавала возможность для царского правительства более успешно противодействовать агрессии иностранных держав на азиатском материке. С другой стороны, постройка Сибирской магистрали могла подорвать и монопольное положение Англии как «мирового извозчика» из Европы на Дальний Восток.

Вся английская, американская и японская пресса с еще бо́льшим усердием принялась раздувать слухи о подготовке русскими агрессии на азиатский материк и якобы готовящемся захвате Кореи. Агенты американского и английского капитала пытались также посеять рознь и недоверие между русским и корейским народами. Однако в конце 80-х годов уже установились дружественные связи между ними. Начало этому положили корейские переселенцы, в начале 60-х годов XIX в. заселившие Приамурскую область. Разорившиеся корейские крестьяне сотнями переходили границу. Их привлекали незаселенные плодородные земельные пространства [1]. Развитие торговых отношений также укрепляло русско-корейские отношения. Кроме торгового договора (1884 г.), в 1888 г. «для вящего скрепления взаимной дружбы между Российским и Корейским государствами и для развития торговых сношений на общей между ними границе» [2] были подписаны Правила для сухопутной торговли. К открытым для русской торговли в 1884 г. городам [3] прибавился Кёнхын. В Кёнхыне русские приобрели права свободной торговли, поселения, свободного передвижения, установления консульства и приобретения недвижимой собственности.

Многочисленные русские путешественники и иностранные миссионеры в Корее отмечали резкое различие в отношении корейских трудовых масс к русским, с одной стороны, и японцам и другим иностранцам — с другой.

Корейский народ чрезвычайно враждебно относился к японским захватчикам. В то же время наблюдалось проявление симпатий и интереса со стороны местного населения к русским

---

[1] Попов. Корейский вопрос, «Наблюдатель», СПб., 1886, № 5, стр. 68—74.

[2] «Описание Кореи», т. 3, стр. 69.

[3] Инчон, Пусан, Вонсан, Сеул, Янхвацзин.

путешественникам. «Простой народ расположен к России»,— отмечали русские путешественники [1].

В воспоминаниях о поездке в Корею Альфтана приводятся многочисленные факты о доброжелательном отношении корейцев к русским.

По прибытии русских в каждой корейской деревне всегда собиралась толпа местных жителей. «Как только мы доходили до фанзы, выбранной под ночлег, многочисленная толпа уже запружала весь двор... На каждом ночлеге мы приобретали друга-покровителя, который передавал нам последние сельские новости..., клялся в своей ненависти к японцам и в своей симпатии к русским. Эти друзья тщательно осматривали нас и не отходили уже ни на шаг» [2],— вспоминал Альфтан. О проявлении исключительного интереса к русским путешественникам со стороны корейцев свидетельствовал и Делоткевич: «едва я вошел в город, как со всех сторон поднялся крик ораси (русский.— *Г. Т.*)... и народ массою двинулся за мной, не давая никому прохода». В городе Пукчоне повторилась та же история: «улицы были буквально переполнены народом, который знал от полицейского, что сегодня вечером придет русский» [3].

Серьезный вклад в исследование северной Кореи был сделан русскими путешественниками. Их воспоминания и описания различных районов страны являются ценнейшими источниками для изучения экономики, географии, истории и социальных отношений в Корее конца XIX в.

В отличие от западноевропейских и американских путешественников, которые считали народные массы виновниками экономического упадка Кореи, русские исследователи считали причиной нищеты корейских трудовых масс общественный строй этой страны, жестокую эксплуатацию народа янбанями и японцами, старавшимися превратить Корею в свою колонию.

Российское правительство в те годы не имело реальных возможностей для осуществления империалистических акций в Корее. Поэтому оно стремилось сохранить без изменений существующее положение в этой стране и противилось превращению Кореи в колонию иностранной державы.

---

[1] Попов. Корейский вопрос, «Наблюдатель», 1886, № 5, стр. 68.

[2] Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 и январе 1896 г.— «Сборник материалов по Азии», вып. 69, 1896, стр. 47.

[3] «Дневник П. М. Делоткевича по пути пешком из Сеула в Посьет», «Сборник материалов по Азии», вып. 38, 1888, стр. 147—150.

Глава II

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В 1893—1894 гг.

В 90-х годах XIX в. Корея переживала острый кризис всей феодально-бюрократической системы.

Проникновение иностранного капитала и развитие внешней торговли на основе неравноправных договоров тяжело отразились на экономике страны. Обострились все противоречия, разъедавшие дряхлый феодальный строй Кореи.

Тяжелое положение корейских крестьян, стонавших под гнетом помещиков, королевских чиновников — сборщиков податей и налогов, корейских ростовщиков, стало совершенно невыносимым с появлением в деревне нового врага корейского крестьянина — японского купца и ростовщика.

Стремясь выкачать из Кореи максимальное количество зерна и недостающего в Японии сельскохозяйственного сырья, японские купцы опутали сетью своей агентуры все земледельческие районы. Японские купцы — или чаще их агенты — объезжали перед посевом деревни и, пользуясь безвыходным положением корейских крестьян, за ничтожную ссуду приобретали право скупки будущего урожая по чрезвычайно низким ценам.

Продав с убытком урожай японцам, крестьяне оказывались в долговой зависимости от них или от их корейских агентов и на следующий год были вынуждены запродать урожай тому же купцу. Так корейское крестьянство неизбежно попадало в долговую кабалу к японским купцам.

Представители различных японских торговых компаний скупали зерно также у янбаней и правительства.

Дешевые иностранные товары подорвали развитие крестьянских ремесел и усилили разорение ремесленников. К. Маркс отмечал: «Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же

влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии... В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее потрясение во всей стране»[1].

Это положение ярко характеризует и проникновение иностранных товаров в Корею. Насильственное навязывание Корее неравноправных договоров и создавшаяся в силу этого зависимость Кореи от капиталистических государств вызвали необходимость осуществления новых финансовых затрат. Корейское правительство пыталось найти выход из этих трудностей путем увеличения налогового гнета. С появлением на корейском рынке иностранных товаров возросли потребности помещиков и чиновников, что также ложилось дополнительным бременем на плечи того же многострадального корейского крестьянина и ремесленника. В Корее, после проникновения иностранного капитала, старое обложение, к которому прибавилось еще новое обложение, стало более обременительным и тяжелым.

Корейские дворяне теперь особенно нуждались в деньгах. Все чаще и чаще налог натурой заменялся деньгами. Одновременно, хотя и в меньшей мере, возросли и натуральные поборы, так как хлебные злаки теперь всегда можно было продать японским купцам, либо их агентам. Замена ренты и налогов натурой рентой и налогом деньгами — увеличивала зависимость крестьянина от скупщика (японского купца) или туземного ростовщика, так как, как указывал К. Маркс, «мелкое крестьянское земледелие предполагает главным образом натуральное хозяйство, при денежном хозяйстве оно гибнет»[2].

После проникновения иностранного капитала в Корею ее внешняя торговля приобретала типичные колониальные черты. В Корею ввозились главным образом хлопчатобумажные и шерстяные ткани, металлические изделия, краски, керосин, спички и т. д. Бо́льшая часть товаров, ввозимых японскими и китайскими купцами, были английскими и американскими. По словам Поджио, Япония — «единственный посредник между европейскими и североамериканскими производителями и корейцами»[3].

Из Кореи вывозили только продукты земледелия (рис, бобы, горох, пшеницу, ячмень, просо), морских промыслов, скотоводства (кожи, меха, рогатый скот) и золото.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 312.
[2] Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 495.
[3] Поджио. Очерки Кореи, стр. 352.

Если проследить изменение цифр ввоза и вывоза с 1886 по 1890 г. [1], то увидим, что эти цифры свидетельствуют об огромном росте ввоза иностранных товаров, что не могло не оказать серьезного влияния на экономику страны, где подобное количество товаров до установления торговых отношений с капиталистическими странами никогда не выбрасывалось на рынок.

С другой стороны, следует отметить рост вывоза сельскохозяйственной продукции (в семь раз за пятилетие), в то время как ни о каком избытке сельскохозяйственной продукции в Корее, где народ всегда недоедал, не могло быть и речи. Можно с уверенностью утверждать, что проникновение иностранного капитала в эту страну привело к полному нарушению установившихся в течение длительного времени экономических связей. Нет сомнения, что при господстве феодализма, при чрезвычайно бедственном и политически бесправном положении трудового народа Кореи, все выгоды от этих экономических изменений выпали на долю дворянства и нарождающейся буржуазии, а все бедствия — на долю крестьян. Дворянство и буржуазия явились главными покупателями иностранных товаров, а на крестьянство пала вся тяжесть оплаты этого ввоза как своим помещикам, так и японским капиталистам.

В связи с этим, после навязывания Корее кабальных неравноправных договоров в феодальной Корее усилились процессы разложения, упадка феодализма и обострились классовые противоречия.

Слова К. Маркса о китайской изоляции, «когда этой изоляции, при содействии Англии был положен насильственный конец», и о том, что «разложение должно было наступить так же неизбежно, как разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только она приходит в соприкосновение со свежим воздухом» [2],— могут быть полностью отнесены и к корейскому феодальному обществу после проникновения иностранного капитала.

Крестьянские восстания и выступления городской бедноты участились с проникновением в страну иностранных, главным образом японских, капиталистов. Стихийные выступления

---

[1] Цифры даны в мекс. долл.:

	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
Ввоз	2 474 185	2 815 441	3 046 443	3 367 815	4 727 839
Вывоз	504 225	804 996	877 058	1 233 841	3 550 478

(«Описание Кореи», т. 3, стр. 176)

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 313.

крестьянства и нападения городской бедноты на японских захватчиков вылились в 1893 г. в мощное крестьянское восстание, которое до основания потрясло Корейское государство.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ (1893 г.)

Южные провинции Кореи были наиболее развитыми сельскохозяйственными районами страны. Натуральное хозяйство было здесь больше всего подорвано ростом товарно-денежных отношений. В период изоляции страны, когда строжайшим образом была запрещена торговля с иностранными государствами, официально разрешалась торговля с Японией через порт Пусан. Контрабандная торговля через южные порты также не прекращалась. В 1876 г. первыми для торговли с иностранцами были открыты южные порты (Пусан, Инчон). Народные массы юга наиболее остро ощущали все последствия проникновения иностранных колонизаторов, главным образом японских капиталистов.

Классовая борьба корейского крестьянства достигала на юге особого размаха.

В 1893 г. страну охватил неурожай и, как его неминуемое следствие, голод. В голодных районах начались крестьянские выступления. Волнения охватили все южные провинции и частично центральные (Чолладо, Чунчондо, Кёнсандо, Кёнгидо, Канвондо и Хванхэдо). На движение крестьянства и городской бедноты в известной мере оказало влияние религиозное учение тонхак.

Тонхак, что означает восточное учение, зародилось во второй половине XIX в. на юге Кореи. Восточное учение возникло как движение протеста против жесточайшей эксплуатации со стороны помещиков и королевских чиновников. Без сомнения, на возникновение восточного учения огромное влияние оказало учение тайпинов, зародившееся в 50-х годах XIX в. в Китае.

Создатель тонхак Цой Чже У родился в деревне Ёнтеки, провинции Кёнсандо в бедной семье [1]. С детства он испытывал голод и нищету, видел кругом гнет и бесчинства феодалов. Проникавшие в Корею идеи тайпинов о патриархальном равенстве, о равенстве всех людей, об уравнительном распределении земли оказали большое влияние на Цоя. Он горячо воспринял эти идеи и решил посвятить свою жизнь защите угнетенных масс Кореи. Первые проповеди Цоя о равенстве, об упразднении классов привилегированных и простонародья нашли горячий отклик в широких народных массах.

---

[1] Ли Чен Вон. См. Исследование по новой истории Кореи (Чосон кындэса ёнгу), Пхеньян, 1947 (на корейск. яз.).

В крестьянских массах сохранился образ легендарного защитника всех угнетенных бесстрашного Цой Чже У. По преданию, Цой храбро защищал бедных. «Если видел человека, попавшего в беду, делал все, чтобы ему помочь; все, что он имел, раздавал бедным. Почтительное преклонение толпы росло и повсюду распространялось. Вскоре число его последователей достигло огромной цифры» [1].

Первыми последователями восточного учения были представители крестьянства южных провинций.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в Китае «движение с самого начала имело религиозную окраску; но это черта — общая всем восточным движениям» [2], и что «религиозное чувство еще до сих пор служит в этом классе (крестьянстве.— *Г. Т.*) выражением общественных или политических интересов» [3]. Подобную же точку зрения высказал В. И. Ленин, отмечая, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития» [4]. Учение тонхак и явилось религиозной оболочкой крестьянского движения, охватившего всю Корею в 1893—1895 гг.

Один из руководителей секты тонхак, Цой Хе Воль, говорил, что новая религия «является единственно правильной религией и включает в себя все лучшее, что есть в христианстве, буддизме и даосизме», и проповедует «веру в единого бога — создателя неба и земли, культ предков, взаимное уважение между отцом и сыном, покорность жены мужу, подчинение дворян королю и верность в отношении между друзьями» [5].

В восточном учении нашли отражение различные религиозные верования: учение Конфуция «О пяти житейских отношениях», буддистское учение «Об очищении сердца», ламаистский закон об очищении тела от нравственной и физической нечистоты. Из католицизма была взята идея монотеизма и название божества Чхончжью или «владыка неба». Название религии «тонхак» — восточное учение было принято в отличие от сохак — западное учение (т. е. христианство, проповедуемое миссионерами капиталистических стран).

Религиозное учение тонхак отрицало существование загробной жизни и тем самым бессмертие души. Поэтому тонхак сосредоточивал внимание на улучшении жизни человека на

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи (Киндай Тёсен римен си). Сеул, 1940, стр. 215 (на яп. яз.).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II, стр. 360.

[3] Там же, т. XVI, ч. I, стр. 496.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223.

[5] H. F. Mac Nair. Modern Chinese history; selected readings, Шанхай, 1923, стр. 519.

земле. В основе этого учения лежало учение о тождестве человека и высшего существа. Главное в новом учении: человек — основа вселенной, т. е. человек — воплощение всевышнего. Человек — единственный господин вселенной, и нет иного владыки мира, кроме человека [1].

Учение тонхак о равенстве воспринималось крестьянством, как боевой лозунг, призывающий к отобранию земли у помещиков и борьбе против беззаконий чиновников. Независимо от желания тонхаковских проповедников их беседы о равенстве оказывали революционизирующее влияние на крестьянство и городскую бедноту. Правительство, опасаясь распространения тонхак и видя его популярность среди народных масс, решило избавиться от Цой Чже У.

В 1863 г. Цой Чже У вместе с двадцатью последователями был схвачен и обвинен в проповедывании католицизма. В 1864 г. в городе Тэгу, столице Кёнсандо, по приказу центральных властей Цой Чже У был обезглавлен. Корейское правительство строжайше запретило проповедь восточного учения [2].

Однако, несмотря на строжайшее запрещение проповеди тонхак и применение всевозможных средств, чтобы заклеймить секту, преследования и казнь Цой Чже У, число последователей тонхак продолжало увеличиваться, так как тонхак внушал угнетенным крестьянам надежду на лучшую жизнь, на избавление от невыносимого чиновничье-помещичьего гнета.

Под религиозной оболочкой учения тонхак скрывался протест крестьянских масс против феодального гнета. Так же как в Китае и многих других странах Востока того времени, крестьянские восстания и в Корее происходили обычно под руководством тайного крестьянского религиозного общества. Идея равенства воспринималась крестьянством как призыв к революционной борьбе против феодального гнета.

Рост числа последователей восточного учения поражал иностранцев. Особенно много тонхаков (т. е. крестьян, исповедовавших новую религию тонхак) появилось в провинции Чолладо. Однако крестьяне-тонхаки не столько поклонялись новой религии, сколько боролись против своих эксплуататоров-помещиков и королевских чиновников. Они изгоняли угнетателей, отбирали у них землю и передавали ее крестьянам.

---

[1] Тонхак — религиозная организация, построенная по типу тайных китайских обществ. Новые члены принимались только по рекомендации старых и проходили несколько ступеней испытаний и посвящений. Фактические данные о тонхак см. в «The Korean Repository», 1896, стр. 54—60.

[2] Освобождение Кореи и первомартовское движение (Чосон хэбан ква самиль ундон). Сборник Союза корейских ученых. Сеул, 1946, стр. 68—69 (на корейск. яз.).

Крестьянские восстания происходили в различных районах и уездах, но почти всегда с одними и теми же требованиями. То, что выступления крестьянства участились и стали решительнее, заставляло японских буржуазных историков предполагать наличие среди крестьян «каких-то политических групп, которые превращались в массовую партию» [1]. Тонхаками стали называть всех крестьян, боровшихся со своими эксплуататорами.

Однако часть крестьян, которых считали тонхаками, даже не поклонялась новому учению. Называя всех боровшихся против феодального гнета и иностранного проникновения тонхаками, буржуазные фальсификаторы истории стремились умалить значение революционной, антиимпериалистической борьбы народных масс Кореи. Они стремились представить всю борьбу как движение чисто религиозное, сектантское.

Крестьянское движение росло и революционизировалось. И по мере его роста все более резко намечалось различие между руководством религиозной секты и широчайшими крестьянскими массами, вступившими на путь революционной борьбы. Отдельные представители дворянства, недовольные правлением Минов, примкнувшие к тонхак, стремились использовать недовольство крестьянских масс в своих целях. Этим временным попутчикам корейского народа удалось занять руководящее положение в религиозной секте [2]. Крестьянское движение быстро охватывало все новые и новые районы [3]. Крестьянские массы, поднявшиеся на борьбу со своими эксплуататорами, отказывались вносить арендную плату помещикам и уплачивать налоги королевским чиновникам. Они изгоняли ненавистных помещиков и чиновников, избивали их, а иногда и убивали. Хотя выступления в основном были направлены против феодального гнета, крестьяне расправлялись и с японскими купцами-спекулянтами, грабящими корейских бедняков.

Крестьянским восстанием были охвачены в провинции Хамгёндо уезды: Токвон, Хамхын, Хвэрён, Канвондо — Чольвон, Кымсон; Кёнсандо — Речан; Хванхэдо — Хванчжу, Чжун-

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 214.

[2] Лим Кван Чоль. Учебник по истории Кореи (Тёсен рекиси тохухон). Токио, 1949, стр. 214 (на яп. яз.). Точное количество членов тонхак в 1893 г. установить не удалось, большинство авторов приводит цифру в 200 тыс. (Донесение Вогака — «Сборник материалов по Азии», вып. 60, статья в «North China Herald»). Английский историк Макнейр отмечал, что кроме активных участников движения можно добавить многих, которые верят в успех движения и тайно сочувствуют восставшим. H. F. Mac Nair. Modern Chinese history, стр. 519.

[3] В это время для провинциальных чиновников был сокращен срок службы на одном месте с трех лет до одного года, а это практически означало тройное увеличение гнета для народных масс. Чиновники, купившие должности, стремились теперь втрое быстрее оправдать свои затраты усилением поборов с населения.

хва; Пхенандо — Сончон, Кангге. В ноябре 1893 г. в провинции Чолладо особенно сильные волнения крестьян отмечались в районах Чончжу Пексан и Кобу. В последнем крестьяне неоднократно поднимались на борьбу против местных властей [1].

Мощный размах революционного движения крестьянства, городской бедноты, рабов и «презираемых» серьезно испугал главарей религиозной секты тонхак. Боясь потерять влияние на народные массы, главари секты постарались обмануть их и, возглавив восстание, направить революционную активность трудового народа в выгодное для них русло. Руководство секты и глава ее Цой Хе Воль выдвинули лозунги, содержащие требования в основном чисто религиозного характера:

1) реабилитация невинно казненного создателя восточного учения Цой Чже У;

2) легализация деятельности тонхак и объявление, что тонхак и его члены должны уважаться народом.

Этими двумя пунктами главари секты намеревались отвлечь народные массы от революционных действий и свести народное движение к борьбе только за религиозные требования.

Под давлением народных масс были включены еще два пункта:

3) ограничение бесчинств чиновников, которые чрезмерными поборами разоряли народ;

4) удаление иностранцев из Кореи [2].

Эти требования в марте 1893 г. были предъявлены восставшими крестьянами сначала в провинциальное управление [3] (так как 3 и 4 пункты местным губернатором не могли быть удовлетворены), а затем и центральному правительству. 31 марта 1893 г. тонхаки избрали депутатов и отправили их в Сеул, чтобы добиться выполнения своих требований. В начале апреля прибывшие в Сеул представители тонхаков на коленях приблизились к воротам дворца, где оставались в течение нескольких дней. Тонхаки ждали, что дворцовый чиновник возьмет у них для передачи королю петицию, повторявшую требования, выставленные ранее. Кроме официальных представителей тонхаков, в столицу прибыло много других членов секты под видом участников государственных экзаменов, которые были устроены в честь дня рождения наследного принца (24 марта).

Пока представители секты ожидали решения корейского правительства, в стране не утихали крестьянские волнения.

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 117.

[2] «Извлечение из донесений генштаба полковника Вогака от 28 мая 1893 г.» «Сборник материалов по Азии», вып. 60, стр. 1.

[3] Название провинции точно не установлено. Русский журнал «Разведчик» указывает провинцию Чуйсейдо, т. е. Чунчондо (См. «Разведчик», 1894 г. 14 января).

Пребывание в Сеуле представителей тонхаков и их требование борьбы с злоупотреблениями чиновников и изгнания иностранцев в обстановке крестьянских волнений по всей стране серьезно взволновали всех иностранных представителей в Сеуле. Из дипломатических миссий в министерства иностранных дел США, Великобритании, Японии и России посыпались срочные донесения. «Пренебрежительное отношение короля к петиции может привести к революции» [1],— сообщалось из американской миссии. «Господствующее в этой стране возбуждение умов принимает все более и более крупные размеры» [2],— писали в русское министерство иностранных дел.

Корейское правительство приказало арестовать представителей тонхаков. В столичной газете появился королевский декрет. Король убеждал тонхаков забыть это вредное учение, вступить на единственно правильный путь изучения конфуцианской мудрости. Декрет заканчивался угрозами: если тонхаки не послушаются королевского наставления, король будет вынужден покарать их смертной казнью. Арест тонхаков вызвал негодование крестьянства, которое считало их своими защитниками. Около 10 тыс. повстанцев вошли в столицу, настаивая на освобождении их представителей и выполнении петиционных требований. Они угрожали открытым восстанием. По городу были расклеены плакаты и воззвания, призывающие к расправе с ненавистными чиновниками и иностранцами. На здании школы американской миссии появилось воззвание, бичующее проповедываемую иностранцами христианскую религию и обличающее королевских чиновников:

«В древности прославленные министры и советники наших славных правителей создавали семинарии и основывали школы для постепенного развития принципов милосердия и патриотизма. Повсюду, на западе и востоке, было честное управление. Теперь иноземная вера, подобно сети, обволокла нашу страну, заблуждение и ложь разрослись, подобно сорной траве. Везде преобладает плохое управление и беспорядки. Вы потомки этих министров и советников. Вы покрываете бесчестием ваших прославленных предков. Разве это не подло, разве это не отвратительное положение вещей? Величие нашей веры происходит от ее божественной широты и лучезарности. Посмеете ли вы отказаться от этой веры и перейти в распутство... следуйте великому учению! Сделайте настоящими людьми ваших соотечественников! Сожгите эти книги (христианские.— *Г. Т.*), тогда вы заживете честной жизнью» [3].

---

[1] H. F. Mac Nair. Modern Chinese history..., стр. 520.
[2] «Красный архив», т. 50—51, стр. 5—6.
[3] FRUS, 1894—1895, стр. 8.

4 апреля по городу были вновь расклеены антииностранные воззвания:

«Королевский храм предков осквернен общением с варварами. В наших договорах нет обещания основывать школы и вести пропаганду варварской религии... Ваши сердца (иностранцев.— *Г. Т.*) полны алчных стремлений к хорошим домам и легкой наживе. Вначале вы обманывали детей местных аристократов под видом обучения английскому и китайскому языкам. Но теперь вы заставляете их принять вашу религию. Разве это не подло?... С вами и не нужны разговоры. С оружием и мечом мы придем и нападем на вас седьмого в третью луну (7 апреля.— *Г. Т.*)» [1].

Эти воззвания, дышащие глубокой ненавистью, вызвали панический страх иностранных капиталистов. Газета «Чайна херальд» от 28 апреля 1893 г. сообщала, что все иностранные представители приготовились к отъезду. Маньчжурское правительство Китая в ответ на просьбу Юань Ши-кая о присылке подкреплений из Бэйянской эскадры ответило, что двум кораблям был дан приказ прибыть в корейские воды. Одновременно адмиралу Дину, командующему северокитайским флотом, было приказано держать в боевой готовности четыре судна и часть правительственных войск портартурского гарнизона. В Инчоне были задержаны готовые к отправлению английский корабль «Пикок» и немецкий «Летис» [2].

Юань Ши-кай сообщил Ли Хун-чжану о положении в Сеуле: «произойдут беспорядки, но нечего даже и думать о том, чтобы предотвратить их. Население столицы в большинстве своем недовольно правительством. Из каждых 10 человек 8 или 9 находятся во власти мятежных идей» [3].

В начале мая Юань Ши-кай официально заявил, что он принимает на себя ответственность за безопасность жизни и имущества иностранцев и выразил полную уверенность в обеспечении мира и порядка в Корее. Однако все эти меры не понадобились, так как повстанцы ушли из столицы внутрь страны, вероятно, по требованию руководства секты. В то же время в южных и центральных провинциях Кореи продолжали бушевать крестьянские восстания. Выступления крестьянства особенно серьезный характер приняли на юге Кореи на о. Чечжюдо. В некоторых районах восставшие крестьяне добились временных успехов.

В декабре 1893 г. притеснения губернатора Ким Се Гыя вызвали крупные беспорядки в городе Кэсоне. Местные власти

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 9.

[2] «North China Herald», 5 мая 1893 г.

[3] Из собр. соч. Ли Хун-чжана. Цит. по Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, стр. 35.

и японские спекулянты бегством спасались от восставшего населения. Правительство было вынуждено договориться с восставшими, удовлетворить их требования и назначить новых чиновников [1].

Восстание 1893 г. (которое можно считать первым периодом крестьянского восстания) еще мало отличалось от предшествовавших крестьянских волнений. Выступления крестьянских масс и городской бедноты были стихийны, разрозненны. В ходе восстания, наряду с лозунгами антифеодальной борьбы с врагами трудовых масс корейского народа — помещиками, феодальным правительством,— ставились и задачи борьбы с иностранными колонизаторами, главным образом японскими капиталистами. В этот период восстания особенно ярко раскрылась предательская роль руководства секты тонхак, глава которой в самый разгар движения обращался к народу, проповедуя непротивление злу, говоря, что «не в политике вера». Он призывал отказаться от революционной борьбы, запрещал использовать восточное учение для насилия [2].

По словам Цой Хе Воля, движение народных масс не только не имело ничего общего с учением тонхак, но и прямо противоречило его принципам. Цой резко выступал против массового политического движения.

Подобная позиция части руководства религиозной секты объяснялась, во-первых, тем, что в секте к руководству пробрались дворяне, недовольные правительством и желавшие использовать борьбу народа в своих личных целях; они, так же как и правительство, боялись революционной активности корейского крестьянства. Кроме того, правительство подкупало руководителей религиозной секты [3]. Несмотря на религиозные лозунги и попытки главарей секты тонхак направить революционную активность трудовых масс на путь петиций, по всей стране ширилась революционная борьба корейского народа, основную массу которого составляло крестьянство.

ВТОРОЙ ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ. ЯНВАРЬ — ИЮНЬ 1894 г.

В начале 1894 г. русский посланник в Пекине Кассини сообщал министерству иностранных дел: «Недовольство корей-

---

[1] Депеша русского посланника в Пекине Кассини министру иностранных дел от 10 марта 1894 г., «Красный архив», т. 50—51, стр. 5.

[2] См. Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 97—98.

[3] Кикути Кэндзё в своей двухтомной «Истории современной Кореи», как и в «Закулисной истории современной Кореи», указывает на прямую связь главы секты тонхак Цой Хе Воля с правительством (Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 218).

ского народа и враждебное настроение его по отношению к правительству охватывают всю страну... Мы не можем отрицать факта, что вся Корея с некоторого времени охвачена глухим, но постоянно возрастающим возбуждением, которое легко может перейти в открытые беспорядки» [1].

Новый подъем восстания в 1894 г. начался с событий в уезде Кобу провинции Чолладо. Непосредственным поводом к выступлению крестьян послужило чрезмерное обложение крестьян налогом на воду, который незаконно присваивал начальник уезда. Жесточайшие бесчинства начальника уезда Чо Бён Гапа переполнили чашу терпения крестьян, которые пытались противиться. Начальник уезда арестовал несколько крестьян. Тогда крестьяне начали разрушать водные сооружения, овладели уездными учреждениями, арсеналом. Они освободили заключенных, посадили в тюрьму Чо Бён Гапа. Во главе восстания стал Чжон Бон Чжюн.

Чжон Бон Чжюн родился в 1854 г. в деревне Янкио, уезда Кобу, провинции Чолладо. Отец его, работая делопроизводителем в уездном управлении, неоднократно был свидетелем бесчинств и грабежей, совершаемых разнузданными местными чиновниками, выступал организатором крестьянских восстаний в этом уезде. Смерть отца, казненного за попытку организации восстания, тяжело отразилась на Чжон Бон Чжюне. С юношеских лет Чжон участвовал в крестьянских восстаниях. В 1874 г. он вступил в члены тонхак. Горячо восприняв идеи учения тонхак о равенстве всех людей, Чжон Бон Чжюн все свои силы отдал борьбе за улучшение жизни народных масс. В многочисленных народных сказаниях сохранился легендарный образ Чжон Бон Чжюна — богатыря огромного роста с громовым голосом.

Возглавив восстание в уезде Кобу, Чжон Бон Чжюн создал крестьянскую армию. Штаб повстанцев находился на горе Пексан. Командование обратилось с воззванием к народу:

«Наша цель состоит в том, чтобы спасти народ от бедствия, установить твердую государственную власть в стране и отсечь головы продажным и жестоким чиновникам. Мы должны изгнать из страны иностранных захватчиков. Народные массы и низшие чиновники, которые страдали от гнета и переносили тяжелые унижения от дворян, богачей и высших чиновников (губернаторов, уездных начальников), должны подняться на борьбу против своих угнетателей... Присоединяйтесь к восставшим. Не теряйте времени сейчас, чтобы потом не жалеть» [2].

---

[1] Депеша русского посланника в Пекине Кассини — министру иностранных дел от 10 марта 1894 г., «Красный архив», т. 50—51, стр. 5.

[2] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 88.

В Пексан непрерывным потоком стекался народ: крестьяне, ремесленники, городская беднота из окрестных и отдаленных районов. Когда слухи о восстании достигли провинциальных властей, из Чончжу было отправлено войско в 2 тыс. человек при одной пушке в уезд Кобу. Командовал правительственными войсками генерал Ли Ен Дэ. Авторитет крестьянских отрядов возрастал буквально с каждым часом. Захват крестьянскими отрядами правительственного продовольственного склада с 4 тыс. сок риса и раздачу риса крестьянам голодающий народ встретил ликованием. Весть о создании крестьянской армии быстро облетела все южные и центральные провинции. «Казалось, что весь народ пришел в движение» [1],— замечал Кикути. Наскоро сорганизовав крестьянские отряды, Чжон Бон Чжюн двинул их навстречу правительственным силам. Их командующий Ли Ен Дэ был уверен в победе, считая крестьянскую армию совершенно небоеспособной. В лагере правительственных войск в ночь перед сражением пели и пьянствовали. Воспользовавшись этим, крестьянские отряды внезапно напали на правительственные части и, почти не встретив сопротивления, обратили их в беспорядочное бегство. В результате этого нападения крестьянская армия, вооруженная серпами, мотыгами и бамбуковыми копьями, оказалась обладательницей 1 пушки, 600 винтовок, мечей и запасов продовольствия (400 сок риса). По данным, приводимым Кикути, около 800 солдат правительственной армии было убито и ранено [2]. Захваченные запасы риса были розданы беднякам. Оказавшись хозяевами уезда Кобу, повстанцы освободили из тюрьмы заключенных и захватили склад с оружием. Крестьянская армия не преследовала правительственные войска. Одержав первую победу, командование обратилось с воззванием к народу, в котором всему населению предлагалось представить документы, касающиеся злоупотреблений чиновников, обиравших население путем взимания процентов с недоимок. В воззвании указывалось, что сборщики податей усугубляют бедствия народа. Королевские контролеры больше вредят населению, хотя они назначены не для этого; берут взятки, собирают особые сборы с судов в разных портах. Повсюду установлена соляная монополия. Японские купцы скупкой риса повышают цены на жизненно необходимые продукты питания. Командование крестьянской армии призывало всех крестьян, ремесленников, мелких торговцев сплотиться и общими силами спасти погибающее население.

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 223.

[2] Там же, стр. 226.

В многочисленных воззваниях повстанцы призывали к спасению народа, изгнанию иностранцев, наказанию помещиков и чиновников, установлению равноправия для «презираемого» сословия, уменьшению налогов и, основное,— к захвату земли у помещиков и передаче ее крестьянам. Это были ярко выраженные революционно-демократические требования. Революционность лозунгов при невиданном обнищании, разорении крестьянской бедноты Кореи вполне объясняется сочетанием жесточайшего гнета со стороны местных феодалов и иноземных эксплуататоров.

После первой победы над правительственными войсками число бойцов крестьянской армии значительно увеличилось. Все недовольные, все страдавшие от произвола помещиков, гнета королевских чиновников и японских купцов стекались под знамена крестьянской армии. «Сюда приходили отцы, ведя за руку детей, шли братья и сестры. Изо дня в день возрастало войско, оно насчитывало 30 тыс. человек и тянулось на протяжении 3-х ли» [1]. В рядах крестьянской армии, кроме крестьянства, составлявшего основной ее костяк, были представители городской бедноты, беглые рабы, «презираемые». К восставшему народу примкнули мелкие чиновники и даже отдельные представители крупных чиновников, которые пытались использовать движение в своих интересах. В крестьянскую армию вливались все янбани, недовольные существующим правлением [2].

В то время как изумленный серьезным поражением правительственных войск губернатор Чолладо Ким Мун Хён готовил новые силы для наступления на народные отряды, в уезде Кобу происходило формирование и обучение крестьянской армии.

Вся армия была разделена на отдельные отряды. Главнокомандующим был избран народный генерал Чжон Бон Чжюн, его помощниками Сон Хва Чжюн и Ким Ге Нам, начальником штаба Ким Док Мён. Из штаба выпускали многочисленные воззвания, призывающие вступать в армию для борьбы с крупными помещиками, чиновниками и изгонять японских захватчиков. Руководство крестьянской армии проводило различие между крупными и мелкими чиновниками; в воззваниях

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 226.

[2] Сэйсабуро Синобу. История современной японской дипломатии, стр. 75. Корреспондент газеты «Дальний Восток» сообщал: «Все чиновники 8 провинций, исключая членов фамилии Бинь (Мин.— *Г. Т.*), поддерживают инсургентов. Правительство пытается успокоить мятежников сменою правителей и их подчиненных в городах» («Дальний Восток», 19 июня 1894 г.).

указывалось, что мелкие чиновники не являются врагами угнетенных. Они такие же подневольные люди и зависят от своих начальников. На знаменах повстанцев были начертаны лозунги: «Против гнета, за спасение народа!», «За изгнание из Кореи западных варваров и японцев!» [1].

В одном из обращений к народу штаба крестьянской армии говорилось: «Сегодня в правительстве нет людей, способных спасти страну, но зато есть много чиновников, терзающих народ. Настроение народа с каждым днем меняется. Нельзя жить, не имея надежды. С каждым днем жестокости правительства усиливаются, вследствие чего не прекращается ропот недовольства... Несмотря на то, что чиновники много задолжали государству, они не думают платить налоги. Вся страна стала жертвой их расточительности, разврата и безнаказанных преступлений... Как же народ может не бедствовать при такой жадности и жестокости чиновников? Народ — это основа государства. Если основа распадается, государство неизбежно должно погибнуть... Мы, простые деревенские мужики, питающиеся от государевой земли, одевающиеся государевой одеждой, можем ли мы спокойно сидеть и взирать на гибель государства? Выражая волю страны, решение всего народа, мы подняли знамя справедливости и клянемся жизнью спасти государство, удовлетворить нужды народа и, не страшась трудностей нынешнего положения, построить священное государство равенства» [2].

По сообщению корреспондента газеты «Дальний Восток», крестьянская армия выступала тремя отрядами по 3 тыс. человек каждый, из которых один нес разведывательную службу, а два остальные составляли главный корпус и должны были наступать вместе. Командирам было строго указано никоим образом не спешить, но во всех случаях возможно сильнее укрепляться на стоянках. По сведениям той же газеты, крестьянская армия провозглашала четыре основных принципа: «1) кровь не должна проливаться беспричинно; 2) безопасность страны и восстановление общественного спокойствия должны поддерживаться на основах законности и отцепочитания; 3) необходимо принять меры к изгнанию чужеземцев и восстановлению святых доктрин; 4) нужно низложить лиц, державших в своих руках власть, и восстановить порядок и спокойствие страны возвращением к заветам святых» [3].

Губернатор провинции Чолладо Ким Мун Хён, видя важную роль Чжон Бон Чжюна как руководителя крестьянских масс,

---

[1] Ли Чен Вон. Исследования по новой истории Кореи, стр. 88.

[2] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 118—119.

[3] «Дальний Восток», 10 июня 1894 г.

в первую очередь стремился организовать убийство вождя повстанцев.

7 апреля в районе Пексан уезда Кобу произошли бои между правительственными войсками и крестьянской армией. Бои окончились победой крестьянских отрядов, и к 10 апреля повстанцы овладели еще тремя уездами: Иып, Хампхён, Чансон.

Корейское правительство после известия о поражении местных правительственных войск направило в районы восстания подкрепления из столичных войск во главе с чиновником Хон Ге Хуном. Из порта Инчон через порт Кунсан в Чончжу прибыли свежие военные силы.

15 апреля Хон Ге Хун принял руководство над всеми войсками и объявил новый набор в армию. 20 апреля началось наступление правительственных войск в направлении к уезду Чансон. Под напором лучше вооруженных и обученных сил противника крестьянская армия вынуждена была отступить. Народные отряды оставили Хомдок, Мучжон, Ренами, захватив с собой оружие, продовольствие и боеприпасы [1]. После этого Хон Ге Хун считал свою задачу по разгрому крестьянской армии выполненной и возвратился с победными песнями в Чончжу. В это время командование крестьянской армии использовало отход правительственных войск для подготовки сил к дальнейшему наступлению.

Крестьянская армия разделилась на две группы: одна двинулась к Намдану, другая — к Чончжу. Крестьянские отряды ежедневно пополнялись свежими силами. Командование комплектовало новые отряды.

В период формирования и продвижения основных сил крестьянской армии к центру провинции Чолладо Чончжу по всей стране продолжало нарастать крестьянское движение. Все южные, центральные и даже частично северные провинции к концу апреля были охвачены восстанием. Если на юге, в провинции Чолладо, в восстании уже намечались элементы организованности: крестьянская армия и ее штаб осуществляли руководство движением в Чолладо, то в центральных и северных провинциях крестьянская борьба проходила совершенно стихийно и носила локальный характер. Создавались отдельные партизанские отряды, не связанные друг с другом. Волнения не затихали, постоянно вспыхивая в различных районах. Отдельные победы повстанцев, изгнание помещиков и чиновников, занятие деревень, уездов носили временный характер, и очень скоро местные власти вновь захватывали власть. В южных же районах в деревнях создавалось подобие крестьянского комитета (пхо).

---

[1] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 123.

Члены пхо расправлялись с местными феодалами и чиновниками, громили правительственные учреждения. Были убиты главы городов Намвон, Сунчон и ряда других. Накопившаяся в течение длительного времени ненависть крестьянства к помещикам, чиновникам и японским купцам вылилась наружу. В уезде Намвон провинции Чолладо повстанцы убивали японских купцов-спекулянтов, отбирали у них и уничтожали книги записей долгов корейских крестьян. В южных районах, по волостям и уездам, повстанцы обращались к населению с воззванием: «Мы трудимся, но вечно голодны. Мы ткем ткани, но раздеты. Нашим дворянам, помещикам помогают чужеземцы. Смерть японцам!»

Вожди народных масс все зло видели только в плохих помещиках и чиновниках. Они продолжали верить, что «хороший король» ничего не знает о бесчинствах чиновников и помещиков. Они наивно пытались объяснить ему истинное положение дел. В обращениях к королю говорилось: «Наш король добр, полон любви, сострадания и бог свидетель его честности. Если бы около него находились честные и деятельные министры, мы были бы так же счастливы, как наши предки при предшествовавших династиях. Мы не можем понять образа действия настоящих министров. Они не только небрежно выполняют свои обязанности, но и обкрадывают государственную казну. Они не дают доходить ни мудрости короля до нас, ни нашим желаниям до трона. Когда в бедствии мы обращаемся к ним, они отвечают нам, что мы порочны, невежественны и бесчестны, и возвращают нам наши прошения. Около трона нет ни одного честного чиновника, а что касается министров, то они стали невежественными. Вследствие этих обстоятельств народ возмутился и возмущение растет с каждым днем... Со всех сторон раздается требование мщения. Отношения между высшими и низшими классами утратили тот характер, который они должны иметь. Народ повсюду бедствует. Министры думают только о себе, о том, чтобы разбогатеть и разжиреть. Экзамены (чиновничьи.— *Г. Т.*) служат только источником дохода. Должности продаются на рынке. Вместо того, чтобы наполнять королевскую казну, они наполняют свои карманы. Мы простые неученые крестьяне, но мы не можем быть спокойными зрителями этого опасного положения. Мы, восставшие, соединились под знаменем патриотизма и поклялись пожертвовать нашими жизнями и нашим имуществом, чтобы помочь его величеству королю содействовать благосостоянию его подданных» [1].

---

[1] Цит. по книге: А. М. Сувиров. Корея, СПб., 1904, стр. 60—62.

24 апреля крестьянская армия возобновила наступление в уездах Чансон и Хванён. К этому времени она представляла собой уже более организованные и обученные, хотя и примитивно, отряды[1]. Бои в уездах Чансон и Хванён окончились поражением правительственных войск. Крестьянская армия захватила большие трофеи: 3 артиллерийских орудия и много другого вооружения, и, усилив свои отряды этим трофейным вооружением, вновь перешла в наступление. Двигаясь из района Чансон, повстанцы готовились начать осаду г. Чончжу, центра провинции Чолладо, превращенного в крепость. Крестьянские отряды начали упорную осаду города, но войска Хон Ге Хуна не отступали. 27 апреля начались бои у западных ворот Чончжу, одновременно с юга наступали крестьянские отряды под командованием Ким Ге Нама. По приказу губернатора Ким Мун Хёна все население города было мобилизовано на оборону. Но несмотря на это, 28 апреля в город ворвались передовые части крестьянской армии. Городская беднота целиком поддерживала победителей. Из казенных складов бойцы крестьянской армии роздали беднякам продовольствие.

Во время похода крестьянской армии население окрестных деревень и городов всячески помогало ее продвижению. В марте 1894 г. женщины из местностей, прилегающих к крепости Мохан, которая находилась в руках королевских войск, по ночам подкрадывались к крепости, наполняли стволы пушек водой и этим выводили их из строя. Офицеры и солдаты правительственных войск относили это за счет магической силы тонхаковских заклинаний и в панике отступали[2].

Центральные власти неоднократно отдавали приказы об обязательной поставке населением продовольствия для правительственных войск. Но эти приказы оставались только на бумаге. В крестьянскую же армию население все время добровольно поставляло продовольствие.

Ответственные за поражение в битве за Чончжу губернатор Чолладо Ким Мун Хён и начальник уезда Кобу Чо Бён Гап были подвергнуты правительством наказанию. В провинцию был назначен новый губернатор Ким Хак Чин. Хон Ге Хун и Ким Хак Чин вновь начали стягивать силы для подавления восстания. Был сформирован специальный карательный батальон из солдат крепости Канхва и направлен к Чончжу.

---

[1] Обычно во главе отряда ехали военачальники. Над отрядом развевалось многоцветное знамя: черное, белое, желтое, с лозунгом: «Навеки принесенная судьбой великая идея». На плечах бойцов были погоны с двумя иероглифами «таинственный знак». На груди девиз: «Единое стремление и обещание долгом». Отряд сопровождал оркестр из барабанщиков и цимбалистов.

[2] См. Лин Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 90.

Начался артиллерийский обстрел города правительственными войсками. На окраинах возникли пожары. Сгорело свыше полутора тысяч домов. Однако, несмотря на мобилизацию всех сил, правительственным войскам не удалось добиться успеха. Объединение повстанческих отрядов под командованием Ким Ге Нама в районах Сунчон и Намвон укрепило силы восставшего народа.

По сообщению японской газеты «Джапан Газетте», появление правительственных войск, «вместо ожидавшейся паники в лагере инсургентов, только подлило масла в огонь и увеличило их численность... правительство к своему изумлению увидало, что между инсургентами поддерживается строгая дисциплина... Напротив, в королевском отряде было уже свыше ста дезертиров, и войско оказывается совершенно деморализованным» [1].

Все это вызывало беспокойство в правительственных кругах. Ходили тревожные слухи о готовящемся походе крестьянской армии на Сеул. Видя, что события принимают угрожающий оборот, иностранцы начали поспешно готовиться к отъезду из столицы. В городе вновь появились воззвания, призывающие всех «правильно мыслящих» людей объединиться в походе на Сеул для изгнания плохих чиновников и иностранцев. Победа повстанцев в боях с правительственными войсками подтверждала реальность опасности. Сотни японцев покидали столицу и бежали в Инчон. В мае американский посланник созвал в столицу всех американских миссионеров, живших в Корее. Смятение охватило дипломатических представителей в Сеуле. В секретном сообщении от 8 мая 1894 г. Юань Ши-кай сообщал Ли Хун-чжану, что Япония «послала уже военное судно для защиты своих купцов и подданных», и просил прислать военный китайский корабль [2].

Занятие центра Чолладо, Чончжу, и продвижение передовых отрядов крестьянской армии к Сеулу вызвало серьезное волнение в правительстве. Кроме того, крестьянские отряды начали окружение правительственных войск в районе горы Вансан с юга Чончжу и вскоре отрезали их от продовольственных баз. Лишенные продовольствия правительственные войска оказались в очень тяжелом положении. Во дворце было созвано срочное совещание, на котором решили попытаться заключить перемирие с крестьянской армией. Правительство хотело использовать время для мобилизации всех сил и разгрома крестьянской армии, и, кроме того, оно опасалось, чтобы восстание не послужило поводом к вторжению японских частей. В штаб повстанцев было направлено обращение правительства, где

---

[1] «Дальний Восток», 19 июня 1894 г.
[2] «Красный архив», т. 50—51, стр. 7.

указывалось, что «губернатор Чолладо Ким Мун Хён ушел в отставку, а начальник уезда Кобу Чо Бён Гап наказан, поэтому весь народ должен успокоиться»[1].

В штаб крестьянской армии был послан королевский чиновник Ом Се Ён, который обратился к крестьянским властям с воззванием, стараясь использовать патриотические и религиозные чувства крестьянства. В воззвании правительства говорилось: 1) если обе армии будут продолжать военные действия, то, не говоря уже об убытках, принесенных городу Чончжу, будут уничтожены все религиозные реликвии царствующей династии; 2) в районе Асана ожидается прибытие китайских войск. На днях прибудут японские войска. Возможно, что между японскими и китайскими частями начнутся военные действия.

Правительство сумело добиться заключения соглашения, спекулируя на патриотических чувствах повстанцев. Со своей стороны оно подписало все пункты перемирия, выдвинутые повстанцами:

1) прекратить преследование повстанцев, последователей учения тонхак, поддерживать общественный порядок на основе сотрудничества между правительством и тонхаками;

2) расследовать преступления, совершенные алчными чиновниками, и строго наказать последних;

3) строго наказать богачей;

4) наказать «безнравственных» конфуцианцев и дворян;

5) сжечь все списки рабов и слуг;

6) запретить унизительное обращение с семью категориями представителей низшего сословия, отменить обязательное ношение пэкчжонами[2] особого головного убора;

7) разрешить молодым вдовам вторично выходить замуж;

8) упразднить всякие косвенные налоги, обременяющие население;

9) отменить сословный порядок назначения правительственных чиновников; выдвигать на должности в зависимости от способностей;

10) строго наказать лиц, поддерживающих тайную связь с японцами;

11) упразднить все виды задолженности как частным лицам, так и государству;

12) распределить землю равномерно между всеми[3].

После заключения перемирия 8 мая Чжон Бон Чжюн отдал приказ об оставлении Чончжу, и крестьянская армия отступила

---

[1] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 125.

[2] Пэкчжоны — скотобои, мясники.

[3] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 126.

в район Сунчона и Намвона. В 53 уездах Чолладо были созданы особые комитеты чжикапсо («органы по исполнению программы»). Во главе чжикапсо стоял председатель и несколько членов. Все чиновники данного района обязаны были помогать им в исполнении пунктов перемирия.

Таким образом, военные действия крестьянской армии были временно прекращены. Однако крестьянские волнения продолжали бушевать в южных, центральных и частично северных провинциях страны.

Заключение перемирия с королевским правительством безусловно было тактической ошибкой руководства крестьянской армии, сдавшего позиции и отступавшего из Чончжу в момент подъема восстания.

Руководители повстанцев наивно поверили, что их классовые враги — феодалы-помещики — способны равномерно распределить землю между всеми, уничтожить классовые перегородки и т. д. В этом сказалась ограниченность, утопичность требований крестьянского движения, лишенного настоящего революционного руководства.

Крестьяне, выступавшие за «хорошего царя», верили, что король удовлетворит их требования. Но действительность опровергла утопические иллюзии крестьянских масс.

Правительственные войска вскоре начали новое наступление на отступившую из Чончжу крестьянскую армию. Однако оправившаяся после первых ударов крестьянская армия также вскоре перешла в наступление [1].

Такова картина событий по данным современной корейской исторической литературы. Эти материалы еще не полностью освещают ход крестьянского восстания летом 1894 г., нарочито извращенного в своих агрессивных целях иностранной буржуазной историографией. Тем не менее они проливают свет на главные события этого важного в истории Кореи периода, который, несомненно, требует дальнейших исследований.

Крестьянское движение продолжалось и летом 1894 г. Резидент США в Корее в донесении от 1 июня 1894 г. сообщал, что «восставшие ежедневно увеличивают свои силы. Правительство совершенно беспомощно и не в состоянии навести порядок; возможно, будет необходимо послать корабль в Чемульпо (Инчон.— *Г. Т.*) для защиты американских интересов и для того, чтобы сделать безопасным пребывание в Корее. Я могу добавить, что за прошедшие несколько дней британцы, французы и японцы послали корабли в Чемульпо» [2]. Кассини сообщал, что известия из Кореи принимали решительно угрожающее

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 126

[2] FRUS, 1894—1895, стр. 19.

значение[1]. Пока корейское правительство тщетно старалось изыскать средства для подавления восстания, а капиталистические державы собирались послать военные корабли, восстание охватывало все новые и новые провинции: Кёнгидо, часть Канвондо, Хванхэдо; даже главный город провинции Хванхэдо, Хэчжу, некоторое время находился в руках восставших. В провинции Чолладо восставшие занимали 23 уезда, в провинции Чунчондо — 8 уездов, в провинции Кёнгидо — 4 уезда, в провинции Канвондо — 3 уезда, в провинции Хванхэдо — 5 уездов. Население повсюду с горячим сочувствием относилось к победоносному движению крестьянской армии и помогало ей одерживать победы.

Газета «Дальний Восток» писала о крестьянских отрядах, что они так «быстры в своих продвижениях, что сегодня показываются на одной границе провинции, а завтра появляются уже на противоположной стороне ее и положительно неуловимы для правительственных войск»[2].

Второй период крестьянского восстания в Корее (январь — июнь 1894 г.) характеризуется новым подъемом революционной борьбы народных масс. Это был значительный шаг вперед в истории борьбы корейского крестьянства. Хотя восстание в целом было стихийным, в нем уже проявились элементы организованности: создание крестьянской армии и ее штаба на юге, обучение крестьянских отрядов народными генералами. Принятия своих требований (отобрание земли у помещиков, изгнание чиновников, освобождение рабов и «презираемых», изгнание японских захватчиков из страны) повстанцы добивались путем революционной борьбы. В занятых корейским крестьянством районах крестьянские комитеты брали власть в свои руки, изгоняли и уничтожали ненавистных помещиков и чиновников.

Иностранцы отмечали, что повстанцы отбирали имущество только у богачей и что они воспрещают «всякое насилие над безоружными, грабежи и вымогательство и предписывают идти лишь против чиновников, избегать напрасного кровопролития и уважать частную собственность»[3].

Огромное положительное значение для этого периода восстания имело то, что во главе его стояло революционное руководство народных масс. Восстанием и созданием крестьянской армии руководили представители неимущих слоев населения Кореи — Чжон Бон Чжюн, Ким Ге Нам и другие. Главарям религиозной секты не удалось оттеснить их от руководства и

---

[1] «Красный архив», т. 50—51, стр. 7. Донесение Кассини министру иностранных дел от 5 июня (24 мая).

[2] «Дальний Восток», 10 июня 1894 г.

[3] «Красный архив», т. 50—51, стр. 11—12.

ограничить восстание петиционными рамками. Только в некоторых районах центральных провинций глава секты Цой Хе Воль и Сон Бён Хи частично сумели повлиять на ход движения. Революционный штаб восстания, руководивший борьбой крестьянских масс на юге, добился серьезных побед. В ходе восстания в религиозной секте произошел окончательный раскол руководства на реакционную группу во главе с Цой Хе Волем (так называемая северная группа) и революционную (южная группа).

Разногласия и раскол секты на две группы (северную и южную) явились выражением острой классовой борьбы, происходившей в секте. Если северная группа состояла из янбаней и крестьян-богатеев — временных попутчиков движения, то южная группа представляла широкие слои крестьянства, бедных чиновников, мелких ремесленников.

«Северяне» пытались опорочить «южан», стоявших во главе восставшего народа, изолировать их от народных масс.

В период революционной борьбы корейского крестьянства главари тонхак не прекращали своей предательской деятельности. Они готовили поход против крестьянской армии, руководимой Чжон Бон Чжюном. Сон Бён Хи, один из главарей секты, представитель «северян», призывал к борьбе против Чжон Бон Чжюна. Цой Хе Воль, Сон Бён Хи и другие главари секты пытались подорвать в народе доверие к их военачальникам, лишить крестьянские массы уверенности в победе и подчинить их своему влиянию.

Но революционно настроенное крестьянство не верило больше главарям тонхак и массами вливалось в крестьянскую армию, стихийно поднималось на борьбу со своими угнетателями.

В самый разгар боев в провинциях Чолладо и Кёнсандо Цой Хе Воль писал Чжон Бон Чжюну: «Если ты хочешь отомстить за смерть отца, надо быть почтительным. Если хочешь спасти тяжелое положение народа, надо быть добрым. Почтительность проясняет человеческие отношения. Если доброта распространится, то можно добиться прав народа. В учении сказано: не разглашай тайный замысел, нечего торопиться. Это завет нашего учителя. Для нас судьба не пришла, не пришло время. Нечего двигаться без надобности. Надо больше изучать истину и не противиться голосу неба». Это ясно показывает настроение реакционной части руководства тонхак. Сон Бён Хи, боясь революционных выступлений народа, убеждал массы, что открытое революционное выступление есть не что иное, как обнародование тайного замысла, который должен претвориться в жизнь при помощи неба, но не через революционную борьбу. Эти представители дворянства стремились использовать крестьянское движение в своих интересах. Современный корейский

ученый Ли Чен Вон называет их «дворянской фрондой, примкнувшей к крестьянскому движению» [1].

Крестьянские выступления вызывали страх у реакционных главарей секты. Однако, видя, что невозможно воспрепятствовать развертыванию крестьянской борьбы, они вынуждены были примкнуть к восстанию. После неудачных попыток проповедями убедить крестьянство отойти от восстания глава секты Цой Хе Воль вынужден был лицемерно заявить, что он примыкает к восставшим.

Но предательские действия реакционной северной группы не смогли ослабить революционную борьбу. Крестьянские массы на собственном опыте (1893 г.) убедились, что петиционная борьба не дает никаких результатов, и перестали верить обещаниям главарей секты.

Характерной особенностью второго периода крестьянской борьбы является также то, что в восстании участвовали все угнетенные массы, потому что лозунги крестьянских масс и их борьба против чиновников, помещиков и иностранных колонизаторов отвечали жизненным интересам городской бедноты, рабов и «презираемых». Таким образом, крестьянское восстание было борьбой всего трудового народа Кореи, основную массу которого составляло крестьянство. Это восстание являлось истинно народным движением.

С другой стороны, мощный размах народного восстания вызвал объединение сил реакции. В исторической литературе встречаются упоминания, что богатые купцы, недовольные существующим правительством, замышляли заговор против Минов [2].

Народное движение, направленное против всех угнетателей трудящихся масс Кореи, заставило представителей дворянства и крупных купцов забыть распри. Главы купеческих гильдий и ремесленных цехов не жалели средств на подавление восстания. Так, правительство получило от гильдии купцов, торгующих шляпами, 1 млн. кеш (450 долл.), от гильдии купцов, торгующих бумагой и травяными изделиями, по 500 тыс. кеш и т. д. [3]

В этот период восстания, так же как и на первом этапе, основным лозунгом повстанцев была борьба против феодального гнета помещиков и чиновников, но наряду с этим уже более решительно ставились задачи национально-освободительной борьбы.

---

[1] Ли Чен Вон. Исследования по новой истории Кореи, стр. 82.

[2] См. Н. Norman. The Peoples and politics of the Far East. Нью-Йорк, 1895, стр. 3; А. Л. Нарочницкий. Англия, Россия и корейский вопрос летом 1894 г., «Исторические записки АН СССР», 1947, № 24, стр. 161, примеч. 3.

[3] «The Korean Repository», 1895, стр. 79. См. также Лим Кван Чоль. Учебник по истории Кореи, стр. 212.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1894 г. И БОРЬБА МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И МАНЬЧЖУРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КИТАЯ ЗА ВЛАСТЬ В КОРЕЕ

На дальнейший ход крестьянского восстания в Корее огромное влияние оказала происходившая в 70—90-х годах борьба между Японией и маньчжурским правительством Китая за власть в Корее. Японское правительство с 1876 г. последовательно проводило подготовку захвата Кореи. Экономика страны к 1894 г. была в значительной степени подчинена японскому капиталу, но все попытки захвата политической власти заканчивались полным провалом. Поэтому японское правительство при поощрении и поддержке США стремилось развязать войну с Китаем, чтобы добиться господства в Корее.

Японская военщина планомерно готовилась к войне. Ежегодно увеличивая бюджетные расходы на военные нужды, к 1894 г. японские захватчики уже располагали крупным военно-морским флотом, значительно была усилена и сухопутная армия.

Японские агрессоры стремились использовать крестьянское восстание в Корее в своих колонизаторских целях.

9 апреля японские офицеры генерального штаба во главе с заместителем начальника штаба Каваками были отправлены в Китай и Корею для изучения положения дел. Представитель японского генерального штаба Итидзи имел специальное задание — изучить крестьянское движение [1].

27 мая Каваками, вернувшись из Кореи, имел специальную беседу с Хираока — представителем Гэнёся (японского общества шпионско-террористического типа). В результате совещания японским генштабом было принято решение «об использовании тонхаков» [2].

---

[1] Синобу. Дипломатия Муцу (Муцу гайко), стр. 163 (на яп. яз.).

[2] Японские капиталисты пытались использовать крестьянское восстание в Корее для осуществления своих захватнических планов в отношении этой страны. Колонизаторские планы японские милитаристы скрывали под видом сочувствия к угнетенным крестьянским массам Кореи. Так, газета «Майнити Симбун» в июле 1894 г. писала: «Мы хотим помочь тонхакам... мы не говорим о помощи оружием и продовольствием. Мы хотим помочь силою справедливости и добродетели... Тонхаки оказались неверными по отношению к корейским чиновникам, но они преданы корейскому народу» (Синобу. Дипломатия Муцу, стр. 40).

26 июня 1894 г. отряд, сформированный из членов Гэнёся, отплыл из Японии в Корею для активной шпионско-диверсионной работы.

По данным, приводимым Ли Чен Воном, можно сделать вывод, что японские агенты были связаны с Сон Бён Хи и другими представителями реакционной так называемой северной группы. После поражения восстания эти деятели нашли гостеприимное убежище в Японии. Вся дальнейшая деятельность Сон Бён Хи и его единомышленников также подтверждает это предположение. См. Ли Чен Вон. Исследования по новой истории Кореи, стр. 86—88; П. Россов. Национальное самосознание корейцев, стр. 35—36.

По-иному расценивали корейские события правящие круги Китая. Китайский резидент Юань Ши-кай настойчиво советовал корейскому королю просить его правительство прислать солдат для подавления восстания, опасаясь, что японцы отправят свои войска в Корею. Одновременно он слал тревожные донесения Ли Хун-чжану, требуя присылки войск. Юань Ши-кай писал: «Европейцы находятся накануне истребления. Все проживающие в Сеуле иностранцы объяты страхом. Японцы и днем ходят с мечами... двор в нерешительности и никаких мер не принимает» [1].

Маньчжурское правительство Китая было склонно оказать помощь в подавлении крестьянской армии. Ли Хун-чжан телеграфировал адмиралу Дину: «Нам известно, что иностранцы собираются вызвать военные корабли и этим защитить себя от опасности. Китай несет ответственность за подавление восстания, ввиду чего прошу немедленно вызвать несколько кораблей, чтобы предотвратить непредвиденные инциденты и тем самым рассеять подозрение всех государств. Это тем более удобно, что иностранцы надеются на подавление восстания именно Китаем. Прошу Вас немедленно дать приказ по флоту об отправлении двух кораблей в Чемульпо и взять на себя ответственность по подавлению тонхаков» [2].

21 мая во дворце было созвано экстренное совещание. Корейские сановники должны были обсудить создавшееся в стране положение. По мнению большинства, единственным выходом было приглашение солдат маньчжурского правительства. Совещание приняло решение — просить это правительство прислать войска [3].

6 июня из Китая было отправлено 1500 солдат, а 9-го они высадились в Асане [4].

7 июня, согласно Тяньцзинскому договору, китайский посланник сообщил в Токио об отправке войск в Корею. Но японский кабинет не ждал предупреждения Китая. Японские милитаристы поспешили принять решение об отправке войск в Корею до высадки там войск маньчжурского правительства и до официального извещения об этом.

Еще 2 июня в Токио было получено сообщение от временного поверенного в делах в Сеуле Сугимура о том, что корейский король просил прислать китайские войска [5]. 3 июня

---

[1] Ван Юнь-шен. История японо-китайской дипломатии за 60 лет (Ниси гайко рокудзюнэнси). Токио, 1933, стр. 66 (на яп. яз.).

[2] Там же, стр. 67.

[3] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 246.

[4] FRUS, 1894, стр. 20.

[5] «Биография Ито», Ито Хиробуми дэн, т. 3, стр. 54—55 (на яп. яз.).

кабинет принял решение об отправке в Корею смешанной бригады [1].

7 июня в Инчоне высадилось 400 солдат во главе с поспешно возвратившимся из отпуска японским посланником Отори. 10 июня прибыло сюда 1500, а к 16 июня в Корее уже насчитывалось 4500 японских солдат [2]. Командовал японскими вооруженными силами генерал-лейтенант Осима. Через несколько дней в корейских портах стояло восемь крупных японских военных кораблей и две канонерки. В ответ на запрос корейской палаты иностранных дел о причине ввода войск Отори заявил, что так как «Корея не в состоянии успокоить мятежников, то она просила помощи у Китая. Япония же сама должна защитить японцев, проживающих в Корее» [3].

Китайское правительство, пытаясь найти мирный выход из создавшегося положения, обратилось к Японии со следующим заявлением: «Охрана зависимого государства путем посылки наших войск соответствует постоянным обычаям нашей страны. Поэтому по распоряжению его величества и согласно его желанию, генералу Е Чжи-чао, командующему чжилийскими войсками, было приказано немедленно двинуться в Чолладо и Чунчондо, провинции Кореи, для подавления беспорядков». Китайское правительство подчеркивало, что войска были направлены, «чтобы восстановить мир в зависимом от нас государстве и рассеять беспокойство подданных всех наций, проживающих в Корее» [4]. Как только эта задача будет выполнена, войска немедленно будут эвакуированы.

В ответе от 7 июня японское правительство сообщало, что, «хотя слова зависимое государство появились в Вашей ноте, императорское правительство никогда не признавало Корею зависимым государством от Китая» [5].

Тогда же японский представитель в Пекине сообщил в цзунлиямынь (управление внешними сношениями Китая), что «в связи с происходящими в Корее беспорядками, которые приняли грубые формы, необходимо присутствие там японских войск и что императорское правительство намерено послать группу японских войск в эту страну (Корею.— *Г. Т.*)» [6].

---

[1] Термин смешанная бригада был удобен для японских захватчиков, так как в такую бригаду можно было включить любое количество войск. Извлечение из донесений генштаба полковника Вогака 2/14 июня и 14/26 июля. «Сборник материалов по Азии», вып. 60, стр. 36.

[2] Ван Юнь-шен. История японо-китайской дипломатии за 60 лет, стр. 74.

[3] Там же.

[4] H. Norman. The Peoples and politics..., стр. 362—363. Норман не указывает дату отправления депеши из Китая.

[5] Там же.

[6] Там же.

Китай пытался дипломатическими мерами ограничить хотя бы число японских войск, отправляемых в Корею. С этой целью 9 июня цзунлиямынь ответило, что так как «единственная цель посылки войска Вашей страной, очевидно, для охраны миссии, консульств и торговцев в Корее, то, следовательно, не обязательна для Вашей страны отправка большого количества войск», и поэтому китайское правительство предлагало Японии «не вводить более войска внутрь Кореи, дабы не вызвать беспорядков в народе». Далее Китай выражал опасение, что присутствие солдат двух стран может повести к непредвиденным инцидентам [1].

20 июня из Токио прибыл ответ, в котором сообщалось: «...что касается числа войск, то японское правительство в этом вопросе намерено поступить по собственному усмотрению». Японские войска, заявлялось в ноте, будут посланы туда, где их присутствие окажется действительно необходимым. Войска дисциплинированны, и японское правительство полагает, что конфликта с китайскими военными силами не последует [2].

Корейское правительство было серьезно взволновано неожиданными последствиями, которые вызвало приглашение маньчжурских войск. Уже к 10 июня (когда прибыли японские солдаты) корейская палата иностранных дел официально сообщила: «волнение уменьшается, и в Сеуле нет опасности». Секретарь русской миссии в Сеуле Керберг в донесении в министерство иностранных дел замечал, что корейское правительство сделало это сообщение, вероятно, опасаясь, чтобы другие представители не вызвали сюда матросов [3].

В начале июня вновь последовало извещение корейского правительства иностранным представителям, что «волнение *кончено*» [4] (курсив мой.— *Г. Т.*).

Секретарь русской миссии Керберг, ежедневно посылавший своему правительству подробные сообщения о положении в Корее, был чрезвычайно удивлен этим неожиданным заявлением корейского правительства, что «волнение кончено». Керберг недоверчиво отнесся к этому заявлению, справедливо связывая его с прибытием японских войск.

Внезапное сообщение корейского правительства о подавлении восстания вызвало удивление и газеты «Дальний Восток», которая, комментируя это известие, писала: «...корейское правительство умышленно пускает в народ ложные известия об успехах.

---

[1] H. Norman. The Peoples and politics..., стр. 364.

[2] Там же.

[3] «Красный архив», т. 50—51, стр. 15.

[4] Донесение Керберга 11 июня (30 мая) 1894 г. «Красный архив», т. 50—51, стр. 15.

Точно так же, например, оно опубликовало ранее совершенно ложный бюллетень, что мятежники были разбиты 14 (26) мая и что восстание в Чолладо будет окончательно подавлено. Этим оно имело в виду не только успокоить население, но и удержать иностранные (читай японские.— *Г. Т.*) войска от вмешательства в дела Кореи» [1].

Недоумение по этому поводу высказывал и китайский историк Лян Ци-чао в своей «Политической истории Китая за последние 40 лет: «Было все-таки что-то неясное в этом деле. До посылки войск Юань Ши-кай несколько раз телеграфировал о беспорядках и чрезвычайной опасности положения, указывая на то, что сеульское правительство не в силах само водворить порядок, а затем, когда корейский король обратился официально за содействием, поступая, конечно, по наущению Юань Ши-кая, то каким образом случилось, что 10-го числа 5-го месяца (10 июня.— *Г. Т.*) последовало уже сообщение о восстановлении полного спокойствия, после того, как только 1-го числа 5-го месяца (1 июня.— *Г. Т.*) войска были лишь отправлены, и, находясь в это время на пути, даже и в лицо не видели мятежников» [2].

21 июня всем представителям иностранных держав в Сеуле была разослана специальная нота главы корейской палаты иностранных дел, который сообщал: «Я, по желанию его величества, должен передать иностранным представителям о существующем положении дел в королевстве. Сейчас войска двух наций, именно Китая и Японии, занимают корейскую землю, первые — по приглашению... вторые — без приглашения и вопреки протестам корейского правительства, но, как сообщили мне, вследствие беспокойства за безопасность их подданных резидентов. Для присутствия войск обеих держав здесь нет больше необходимости. Китайское правительство отказывается отозвать свои войска с корейской территории до тех пор, пока Япония не выведет свои. Но Япония отказывается отозвать свои войска первой. Я обращаю внимание иностранных представителей и их правительств, что присутствие такого большого количества японских вооруженных сил на территории Кореи противоречит национальному закону. Я уполномочен его величеством просить иностранных представителей, которые осведомлены о фактическом положении дел, чтобы они использовали свою дружескую помощь (о которой говорилось в договоре) и тем самым помогли бы оздоровлению создавшегося положения» [3].

---

[1] «Дальний Восток», 10 июля 1894 г.

[2] Лян Ци-чао. Ли Хун-чжан или политическая история Китая за последние 40 лет. СПб., 1905, стр. 144.

[3] FRUS, 1894. Цит. по H. F. Mac Nair. Modern Chinese history..., стр. 523—524.

Одновременно с нотой было послано извещение корейского правительства Юань Ши-каю, в котором сообщалось, что если раньше оно просило прислать солдат для подавления повстанцев, то «теперь они разбиты... Узнав о прибытии помощи, остатки армии... (крестьянской.— *Г. Т.*) разбежались... Мы приказали войскам покончить с проявлениями беспорядков, которые на сегодня еще имеются... *То, что Вы одержали победу без боя, является поистине выдающимся.* Мы больше не хотим утруждать Вашу армию... можем выловить их (повстанцев.— *Г. Т.*) своими силами. Я думаю, что нам не следует возлагать на солдат Вашей страны эту последнюю услугу. Еще существует опасность, и нам необходимо быть более бдительными. Япония испытывает подозрения в связи с появлением Ваших солдат, и несколько дней тому назад она совершенно неожиданно двинула войска. *Видимо, они намерены эвакуировать свои войска только в случае увода Ваших.* По слухам, из Японии прибудет еще несколько тысяч войск. Если же в центрах нашей страны разместятся войска сильного противника, испытывающего неприязнь к нам, это... *приведет к беспорядкам... Я просил бы Вас избавить наше государство от несчастья»* [1].

Существующая в буржуазной литературе версия, что крестьянские отряды рассеялись сразу же после появления маньчжурских войск, скорее всего возникла на основании заявления корейского правительства от 21 июня и письма корейского короля к Юань Ши-каю. Между тем эти документы никак не могут служить доказательством того, что крестьянское восстание было действительно подавлено. Буржуазная историческая литература, пресса того времени и свидетельства современников [2] не дают никаких конкретных данных о нанесении в эти месяцы (летом 1894 г.) хотя бы одного поражения крестьянской армии правительственными войсками или что крестьянская армия рассеялась. Письмо короля показывает лишь, что корейское правительство, испугавшись прибытия японских войск и пытаясь лишить японское правительство повода для дальнейшего пребывания его войск в Корее, стремилось изобразить дело так, будто прибытие маньчжурских войск привело к поражению повстанческих отрядов. Отсюда мало вразумительные формулировки «повстанцы исчезли» или «Вы одержали побе-

---

[1] Ван Юнь-шен. История японо-китайской дипломатии за 60 лет, стр. 75 (курсив мой.— *Г. Т.*).

[2] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, т. 2; его же. Закулисная история современной Кореи. Hulbert. The history of Korea, т. 2. The Korean Repository, 1895. Foreign relations of the United States 1894—1895. «История освободительной борьбы корейского народа». Ли Чен Вон. Исследования по новой истории Кореи. Русская пресса: «Дальний Восток», «Новое время», «Неделя» и др.

ду без боя». Высадка японских моряков и солдат, японские военные корабли, стоящие в Инчоне, и торговые суда с боеприпасами усиливали опасения корейского правительства. Корейское правительство, зная глубину ненависти корейского народа к японским захватчикам, понимало, что ввод японских войск на корейскую территорию приведет к еще большему взрыву народной ненависти, и не только по отношению к иноземным врагам, но и против феодального гнета. Учитывая, что японцы «намерены эвакуировать свои войска только в случае увода китайских», корейское правительство просило «избавить государство от несчастья».

Крестьянское восстание, направленное против феодального и антиимпериалистического гнета, было нарочито фальсифицировано в буржуазной литературе. Обострение, в этот период, борьбы между Японией и Китаем за преобладающее влияние в Корее способствовало еще большему извращению характера восстания буржуазной историографией. В результате этого точную картину событий лета 1894 г. пока еще трудно установить.

Однако перед началом японо-китайской войны крестьянское восстание не только не было подавлено, но штаб крестьянской армии собирал свежие силы для нового наступления на правительственные войска.

Корейский народ и его наиболее последовательная, революционная часть, представленная крестьянской армией, были полны решимости бороться со своими врагами — иностранными капиталистами и корейскими феодалами.

Глава III

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (1894—1895 гг.)

Империалистические державы с напряженным вниманием следили за развитием событий на Дальнем Востоке. Японо-китайский конфликт назревал в период, когда капитализм переходил в свою последнюю фазу развития — империализм, когда противоречия между капиталистическими державами чрезвычайно обострились.

Война между Японией и Китаем могла привести к существенным изменениям в международной обстановке на Дальнем Востоке, и каждая из капиталистических держав собиралась использовать эти изменения в своих империалистических интересах. Дальневосточный вопрос стоял в центре внимания европейских кабинетов и США.

«Империалистические хищники, будь то японские или американские, в равной степени рассматривали Корею как объект своих грабительских вожделений» [1],— писал Ким Ир Сен. Эта оценка, относящаяся к более позднему периоду колонизаторской политики империалистов США и Японии по отношению к Корее, может быть в равной степени отнесена и к периоду японо-китайской войны.

Наиболее агрессивную политику в этот период вела Япония, развязавшая войну с Китаем, а также поддерживавшие ее империалисты США и Англии.

В Японии велась ультрашовинистическая агитация, военщина взывала к шовинистическим чувствам японцев, был

---

[1] Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 25 апреля 1952 г.

объявлен набор «добровольцев», желающих воевать с Китаем. Японские финансовые тузы жертвовали крупные суммы на военные нужды [1].

В правящих японских кругах даже не пытались скрыть намерения развязать войну. Видный политический деятель, активный сторонник агрессии в Корее, граф Окума откровенно заявил, что «наконец пришло время для Японии смыть позор 1884 г. ...Настоящие события создали неповторимую возможность для японского правительства исправить все ошибки и сделать империю уважаемой и внушающей страх не только Корее, но также и всему миру» [2]. Японское правительство, заявляя официально, что войска были введены лишь для охраны японских резидентов в Корее, проводило подготовку к войне.

Японские милитаристы в своей лживой шовинистической пропаганде пытались представить свою агрессивную политику как выполнение миссии «цивилизации» Кореи. Усиленно распространялась обычная для захватчиков версия, что независимость и суверенность Японской империи всецело зависела от ее тесных связей с Кореей и что Корея — решающий фактор для обороны Японии.

Эта теория была подхвачена буржуазными европейскими и американскими авторами. Так, Лонгфорд в своей «Истории Кореи» старался всячески скрыть истинные причины захватнических действий Японии в Корее, заявляя, что «судьба Кореи в глазах политических деятелей Японии была очень важна для будущей национальной безопасности Японии, так же как Ирландия для Великобритании. Ее объединение с сильной в военном отношении и агрессивной западной державой угрожало бы независимости и национальной безопасности Японии, так же как независимость Ирландии под влиянием враждебной державы угрожала бы безопасности Британской империи» [3].

Такую же колонизаторскую «теорию» развивал и апологет американского империализма Деннет, который писал, что «островные королевства не могут не контролировать примыкающие к ним полуострова... Японцы с 1871 г. трудились на благо Корейского полуострова» [4].

Английские и американские буржуазные лжеисторики, поддерживая подобного рода измышления японских захватчиков,

---

[1] См. «Извлечение из донесений генштаба полковника Вогака».— «Сборник материалов по Азии», вып. 60, стр. 27—28.

[2] H. B. Morse. International relations of the Chinese empire, т. 3, Лондон — Нью-Йорк, 1918, стр. 28—29.

[3] J. H. Longford. The story of Korea, Нью-Йорк, 1911, стр. 301.

[4] T. Dennett. Americans in Eastern Asia, стр. 496.

действовали в полном согласии с политическим курсом, проводимым их правительствами [1].

Правительство царской России было серьезно обеспокоено событиями в Корее. К 1894 г. политика японских милитаристов уже полностью разоблачила их захватнические цели в отношении Кореи. Поэтому на особом совещании по вопросу об японо-китайском конфликте было признано, что «сохранение статус-кво в Корее должно служить главной задачей нашей настоящей политики на Дальнем Востоке. *Для нас особенно невыгодно было бы завоевание Кореи японцами.* Япония, обладающая армией, обученной по-европейски, и значительным флотом, сделалась бы тогда опасным для нас соседом, в особенности в союзе с какой-либо европейской державой» [2].

Так же как и в 1888 г., подчеркивалось, что «всякое расширение наших владений на счет корейской территории едва ли принесло бы нам большую пользу, между тем потребовало бы значительных денежных жертв на укрепление занятых позиций» [3].

На заседании рассматривалось предложение Ли Хун-чжана «принять участие в решении вопроса о внутреннем устройстве Кореи, совместно с Китаем и Японией». Но «так как,— гласит далее протокол,— за этим предложением, повидимому, скрывалось желание китайского правительства втянуть нас в корейские замешательства и заручиться нашим содействием, то мы сочли неудобным принять на себя непосредственное вмешательство... заявив, однако, что приложим все зависящие от нас усилия, дабы устранить возможность войны между Китаем и Японией» [4]. Царское правительство, выступая против японского господства в Корее, требовало сохранения там существующего положения, так как колонизация Японией полуострова могла привести к самым нежелательным для правительства России результатам: созданию сильной державы на границах. Российское правительство также понимало, что превращение Кореи в японскую колонию могло быть использовано Англией для разжигания антирусских тенденций в Японии и привести к сближению Англии с Японией.

---

[1] Сотрудник русской дипломатической миссии в Вашингтоне П. Боткин составил записку об американских и японских памфлетах в США по поводу японо-китайской войны, в которой отмечал, что почти вся американская печать, без различия направлений, склоняется на сторону Японии и изображает войну ее с Китаем как борьбу за «освобождение» Кореи (см. А. Л. Нарочницкий. США и японская агрессия в Корее и Китае в 1894—1895 гг., стр. 227—228).

[2] «Красный архив», т. 52, стр. 65 (курсив мой.— *Г. Т.*).

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 63.

Английский капитал в последней четверти XIX в. сохранял господствующие позиции в Китае. С другой стороны, английские капиталисты издавна стремились проникнуть и в Корею [1]. Еще в 1816 г. английские колонизаторы направили эскадру в Корею, которая появилась у о. Маряндо провинции Чунчондо. В 1831—1832 гг. английская эскадра, проникнув в Хончен и на о. Кодайдо, потребовала открытия корейских портов для торговли. В 1883 г. был заключен корейско-английский договор о торговле. Этот договор был типичным кабальным неравноправным для Кореи договором.

В период развязывания японо-китайской войны английская дипломатия для вида выступала с предложениями о посредничестве, чтобы, якобы, уладить спор между Китаем и Японией, но на деле английские капиталисты готовы были поддержать японские требования за счет Китая и Кореи. 16 июля 1894 г. Англия заключила договор об отказе от привилегий по неравноправному договору с Японией и тем самым дала ей санкцию на развязывание военных действий.

Кроме того, британское правительство дало понять Японии, что останется нейтральным (в случае возникновения военных действий), если последняя не нарушит интересов британской торговли и оставит нейтральной зоной Шанхай.

С другой стороны, опасаясь самостоятельного выступления России как посредника, Англия установила официальный обмен мнений с правительством России. Английский кабинет преподал совместно с Россией и другими державами «миролюбивые советы» Китаю и Японии. Британское правительство явилось инициатором в этом выступлении дипломатического корпуса, чтобы придать ему ту форму, какая будет наиболее выгодной для Англии [2].

В дальнейшем британские империалисты, сбросив маску, перешли к открытому покровительству захватнических планов японских милитаристов против Китая, разоблачив тем самым свои грабительские цели и планы на Дальнем Востоке [3].

Соединенные Штаты Америки накануне войны выступали главным пособником японской агрессии, ибо правящие круги

---

[1] См. Чен Ю Ген. Агрессия английских империалистов в Корее, «Новая Корея», 1951, № 10.

[2] См. А. Л. Нарочницкий. Англия, Россия и корейский вопрос летом 1894 г., «Исторические записки АН СССР», т. 24, 1947, стр. 164.

[3] Подробно об английской политике на Дальнем Востоке см. А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. Госполитиздат, М., 1947; А. Л. Нарочницкий. Англия, Россия и корейский вопрос летом 1894 г., «Исторические записки АН СССР», т. 24, 1947; Англия, Китай и Япония накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг., «Исторические записки АН СССР», т. 12; «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945 гг.)», стр. 70—72.

США рассчитывали, опираясь на японских захватчиков, укрепить свои позиции в Корее и в Китае и ослабить там позиции России и Англии.

Американские дипломаты и журналисты усиленно поддерживали и сами распространяли миф об японской «цивилизаторской» миссии в Корее. Американский министр-резидент Силл подобным образом сообщал из Сеула в Вашингтон: «...Япония, кажется, очень дружественно настроена по отношению к Корее» [1].

Феодальное правительство Кореи, наивно веря громким фразам американских дипломатов о том, что в лице США Корея имеет «сильного защитника и старшего брата», возлагало большие надежды на вмешательство США в японо-китайский конфликт. Корейский посланник в Вашингтоне получил распоряжение своего правительства «просить правительство Соединенных Штатов инструктировать их представителей в Китае, Японии, Корее, чтобы они постарались уладить конфликт и добились немедленного вывода войск этих уважаемых стран» [2].

28 июня корейский представитель в Вашингтоне согласно инструкции из Сеула обратился к государственному секретарю Грешему с просьбой вмешаться в японо-китайский конфликт. В ответ Грешем сообщил, что «США могут оказать влияние на Японию только путем дружеского воздействия и ни в коем случае не будут действовать объединенно с другими державами» [3].

По словам Ли Чен Вона, этот ответ американских колонизаторов «свидетельствует о том, что США лишь формально и лживо декларировали о сочувствии и доброжелательном отношении к корейскому правительству и суверенитету Кореи, а в действительности они признавали правомерность агрессивных действий японцев в Корее и всячески содействовали им в осуществлении захватнических планов» [4].

3 июля английский посланник О'Конор передал американскому представителю в Пекине Денби просьбу китайского правительства, в которой Китай выражал надежду, что США возьмут на себя инициативу организовать объединенный протест держав против развязывания Японией войны. Верный слуга американского империализма Денби отказался передать просьбу Китая, мотивируя недостаточностью полномочий ан-

[1] P. J. Treat. Japan and the United States 1853—1921, Stanford univ., 1938, стр. 154.

[2] FRUS, 1894—1895, стр. 30.

[3] P. J. Treat. United States and Sino-japanese war, «Political Science Quarterly», т. XLII, дек. 1932, стр. 552.

[4] Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 124.

глийского представителя. 8 июля в Вашингтон была отправлена срочная телеграмма от имени Ли Хун-чжана с аналогичной просьбой [1].

Однако правительство США не собиралось предпринимать какие-либо шаги в этом направлении, так как японская агрессия в Корее и Китае была наруку американским империалистам. Этого не могут скрыть ни старательно фальсифицированные документы официальной американской публикации, ни даже такие откровенные апологеты американского империализма, как Фостер, Трит, Деннет.

Государственный секретарь Грешем в беседе с японским представителем передал ему просьбу Китая и Кореи и лицемерно выразил надежду, что Япония сумеет договориться с ее слабым соседом [2]. Японский представитель, хорошо зная истинную цену пожеланий государственного департамента США, поспешил заверить Грешема, что «Япония *не выведет свои войска из Кореи* до тех пор, пока реформы внутреннего управления не будут проведены» [3]. Иными словами, японский дипломат сообщил правительству США, что Япония полна решимости развязать войну с Китаем. Государственного секретаря Грешема вполне удовлетворил подобный ответ.

5 июля корейский посланник в Вашингтоне вновь передал правительству США просьбу своего правительства уладить конфликт [4]. 8 июля британский посол в Вашингтоне сообщил государственному секретарю Грешему предложение Великобритании совместно вмешаться, чтобы предотвратить войну между Китаем и Японией. В ответ Грешем сообщил, что США отказываются принять участие в подобном вмешательстве и сохранят «дружеский нейтралитет» [5]. 9 июля этот ответ был передан корейскому посланнику в Вашингтоне. Китаю было также сообщено, что США не примут участия в подобном вмешательстве иностранных держав. 13 июля Китай предпринял последнюю попытку добиться вмешательства правительства США, чтобы оказать давление на Японию. Государственный секретарь Грешем оставил без внимания обращение китайских дипломатов. Подобная позиция госдепартамента разоблачала существо пресловутой политики «добрых услуг» США, широко пропагандируемой американскими лжеучеными. Фостер, Трит, Деннет в своих многочисленных писаниях на

---

[1] P. J. Treat. United States and Sino-japanese war..., стр. 556.

[2] J. W. Foster. American diplomacy in the Orient, стр. 334.

[3] P. J. Treat. United States and Sino-japanese war..., стр. 554 (курсив мой.— *Г. Т.*).

[4] T. Dennett. American good offices in Asia, «American Journal of International Law», XVI (1922), стр. 18.

[5] P. J. Treat. United States and Sino-japanese war..., стр. 556.

эту тему старались объяснить причину отказа США принять участие в объединенном вмешательстве держав. Но даже эти «опытные» фальсификаторы истории бессильны скрыть действительные цели США. Деннет в статье «Американские добрые услуги в Азии» писал: так как «...вмешательство, предполагаемое Кореей, Китаем, Россией, Германией, Англией, должно было уничтожить влияние японцев в Корее...» [1], то подобные действия были совершенно несвойственны американской политике.

Перед началом войны США увеличили свой флот в корейских водах, чтобы не упустить момент осуществить свои захватнические планы. 5 июля в Инчон прибыл американский флагманский корабль «Балтимора». 13 июля корейский король принял прибывшего адмирала Скеретта, который заявил, что «корабль будет стоять в корейских водах до тех пор, пока положение дел не примет более спокойный оборот» [2].

Во время войны американское правительство приняло на себя защиту интересов китайских подданных в Японии и японских в Китае, но, как вынуждены были признать даже американские буржуазные историки, США укрывали японских шпионов от китайских властей [3].

Таким образом, Соединенные Штаты Америки не только не препятствовали, но фактически способствовали развязыванию японской военщиной войны против Китая и Кореи. Капиталисты США рассчитывали, что ослабление Китая, Японии и Кореи в войне поможет американскому капиталу укрепить свои экономические позиции в этих странах и будет способствовать вытеснению с дальневосточных рынков английского капитала, до сего времени занимающего там преобладающее положение.

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В КОРЕЕ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1894 г.)

Японские агрессоры в мае и июне 1894 г. активизировали подготовку к войне. Японские солдаты и отряды морской пехоты продолжали высаживаться в Корее, и к 20 июня в Инчоне и Сеуле насчитывалось около 8 тыс. японских солдат. Положение в стране с каждым днем осложнялось. На неоднократные обращения китайского правительства и его требования вывода войск японские захватчики почти не реагиро-

---

[1] T. Dennett. Указ. соч., стр. 556.
[2] P. J. Treat. United States and Sino-japanese war..., стр. 552.
[3] J. W. Foster. American diplomacy in the Orient, стр. 335—336.

вали. Позиция же США и Англии только развязывала руки агрессивной японской военщине.

В Корее японские захватчики использовали недовольство части янбаней правящей группировкой во главе с королевой Мин.

После прибытия японских войск зашевелились враждебные Минам клики янбаней. «Деятели» прояпонской клики, разгромленной в 1884 г., мечтали о реванше. Эти японские наймиты-«прогрессисты» первыми открыто выступили против Минов. Тэвонгун и его клика, еще недавно лелеявшие надежды на возвращение престола с помощью Юань Ши-кая, теперь, видя, что японцы сильнее, стремились найти общий язык с ними.

Японский посланник Отори готов был использовать любую силу в Корее, содействующую японской агрессии. Японские захватчики, поддерживаемые частью корейских янбаней, окруженные вооруженными до зубов японскими солдатами, категорически отказывались вывести войска. В ответ на ноту иностранных дипломатов с пожеланием вывода японских войск [1] Отори заявил: «Получив Вашу ноту, предлагающую, по желанию корейского правительства, ...для оздоровления настоящего положения немедленно вывести японские и китайские войска с корейской территории... я должен сказать, что вывод японских солдат зависит всецело от решения японского правительства и единственно, что́ я в состоянии сделать,— это переслать ноту моему правительству...» [2]

Заявление Отори иностранным представителям совершенно ясно указывало на то, что японские колонизаторы не собираются реагировать на ноту.

Китайское правительство было готово приступить к немедленной эвакуации своих войск, требуя одновременно отзыва и японских войск. В ответ на просьбу корейского правительства о выводе китайских войск Ли Хун-чжан в приказе командующему флотом сообщал, что, по сведениям королевского правительства, повстанцы рассеяны. «Корейские войска смогут их выловить сами, а нашим войскам нет необходимости заниматься этим. Если Вы будете продвигаться дальше, то создадутся неприятности. Ввиду этого, предлагаю... определить дату

---

[1] 15 июня представители иностранных держав в Сеуле (Англии, Франции, России) предъявили ноту Китаю и Японии, в которой советовали вывести их войска. Необходимо отметить, что представители США несколько раз отказывались примкнуть к ноте (см. А. Л. Нарочницкий. Англия, Россия и корейский вопрос летом 1894 г., «Исторические записки АН СССР», т. 24, 1947, стр. 163).

[2] FRUS, 1894—1895, 25 июля 1894 г., стр. 26.

возвращения на родину. Мы вышлем транспорты, а Вы свяжитесь с Юань Ши-каем»[1].

Позиция правительства Китая и заявление корейского правительства, что восстание подавлено, создавали некоторые затруднения для японской дипломатии. Необходимо было подыскать новый предлог, «оправдывающий» дальнейшее пребывание японских войск на территории Кореи. Японский министр иностранных дел Муцу неоднократно совещался по этому поводу с премьер-министром Ито. На одном из заседаний кабинета Ито предложил следующий план: «Поскольку восстание уже подавлено, объявить, что оно подавлено объединенными усилиями Японии и Китая, а затем приступить к совместному (с Китаем) управлению полуостровом: провести внутренние реформы, упорядочить финансовую систему, провести чистку административного аппарата и назначить во все правительственные органы китайских и японских советников»[2]. Муцу внес добавление к проекту премьера: если Китай не согласится на эти предложения, не выводить японские части из Кореи[3].

Японские захватчики не ошиблись в своих расчетах. Китай не мог принять подобные предложения, так как это на деле привело бы к установлению японского господства в Корее.

Посланник Отори, получив соответствующие инструкции, стал добиваться аудиенции у короля. 26 июня Отори в беседе с королем настаивал на «реорганизации» правительства и проведении государственных «реформ». Не встретив поддержки, Отори отбросил дипломатический этикет и перешел к открытым угрозам и требованиям немедленного отказа от китайского сюзеренитета. Король в ответ на все требования настаивал на выводе японских войск. Отори грубо возразил, что солдаты останутся до тех пор, пока не будет дано согласие на его требования. На этот раз он даже забыл подтвердить японскую версию, что солдаты присланы для охраны японских подданных в Корее. Через два дня после этого визита Отори первый секретарь японского посольства Сугимура посетил корейскую палату иностранных дел и потребовал немедленной декларации о прекращении вассальной зависимости от Китая. Сугимура угрожал занятием Сеула японскими войсками и захватом власти. Перепуганный глава палаты иностранных дел обещал декларировать независимость Кореи в области внешних сношений и внутренних дел. Но так как эти обещания не были выполнены, Отори вновь потребо-

---

[1] Ван Юнь-шен. История японо-китайской дипломатии за 60 лет, стр. 75.
[2] Там же, стр. 77—78.
[3] Там же, стр. 78.

вал заявления, что Корея не является зависимым от Китая государством.

Наконец, после неоднократных напоминаний и угроз применить военную силу, корейское правительство официально сообщило японскому посланнику: «Корея, являясь независимым государством, пользуется такими же суверенными правами, как и Япония» (далее следовала ссылка на договор 1876 г. в Канхва), и что «в делах внутреннего управления и иностранных сношений Корея совершенно самостоятельна» (ссылка на письмо короля Кочжона президенту США в 1882 г.) [1]. Корейское правительство ошибочно предполагало, что этим заявлением оно удовлетворит японцев и сможет добиться вывода войск. Уже 3 июля Отори предъявил корейскому правительству новые требования. Среди них были и особые привилегии для Японии: гарантия железнодорожных концессий на линии Сеул — Инчон и Сеул — Пусан, монополия на разработку месторождений золота, открытие нового порта на юго-востоке Кореи и проведение 10 административных «реформ» [2]. Корейское правительство ответило, что вопрос о «реформах» потребует дальнейшего всестороннего обсуждения.

В эти дни японская миссия стала центром заговора против Минов. Их противники считали, что настал долгожданный момент, когда растерянность центральных властей и бездействие правительства Китая являются благоприятным моментом для отстранения от власти правительства Минов. Со своей стороны корейское правительство, пытаясь удержать власть, решило начать переговоры с японцами. 15 июля было созвано совещание с участием японских представителей — посланника Отори, секретаря посольства Сугимура и японца-переводчика. Корейский представитель по поручению правительства заявил, что прибытие японских войск нарушает порядок в стране. Проведение «реформ» путем принудительных методов в столь накаленной атмосфере невозможно. Отори резко возражал, подчеркивая, что только «реформы» могут восстановить порядок в Корее, что-де не японские, а китайские войска (о которых не упоминал корейский представитель) нарушают порядок, что Китай препятствует установлению «независимости» [3]. После долгих споров корейские представители дали согласие на проведение «реформ», но настаивали на эвакуации японских частей. Японский посланник категорически отверг все просьбы о выводе войск и неожиданно заявил (не упоминая более о

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 29.
[2] F. A. Mac Kenzie. The tragedy of Korea. Лондон, 1908, стр. 42—43.
[3] Синдэхара Хироси. Очерки по истории Кореи, стр. 415—416.

защите японских резидентов в Корее), что, направляя сюда солдат, японское правительство преследовало единственную цель — противодействовать Китаю и бороться за «независимость» слабого королевства до победного конца. Иными словами, японский представитель подчеркнул готовность колонизаторов добиваться осуществления своих захватнических целей.

Вечером 18 июля посланник Отори представил ультиматум, в котором корейскому правительству предлагалось потребовать эвакуации китайских войск, немедленно расторгнуть с Китаем все договоры, а также произвести ремонт казарм для японских солдат и провести телеграфный кабель между Сеулом и Пусаном. Срок ультиматума истекал 22 июля в 12 часов ночи [1].

Ультиматум содержал заведомо неприемлемые для корейского правительства требования. Разрыв дипломатических отношений с Китаем означал в создавшейся обстановке утверждение господства японских капиталистов, с другой стороны — японское правительство хотело одним ударом разорвать корейско-китайские отношения, создававшиеся веками, разорвать дружеские отношения между корейским и китайским народами, которые крепли и росли по мере роста угрозы для обоих народов со стороны японских захватчиков.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ ЯПОНСКИМИ АГРЕССОРАМИ И СОЗДАНИЕ МАРИОНЕТОЧНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ультиматум Отори был лишь предлогом для захвата власти и применения военной силы. Японские захватчики и прояпонская клика находились в боевой готовности. План действия был разработан в японской миссии. Он сводился к следующему: 1) с помощью японских войск захватить и взять под свою охрану королевский дворец, 2) отстранить королеву Мин и всех ее родственников и 3) назначить Тэвонгуна правителем [2].

22 июля в 12 часов ночи ответа на ультиматум не последовало. В эту ночь в японской миссии, как и во всей японской колонии, царило необычайное оживление. В миссию съезжались японские офицеры, собирались прояпонски настроенные чиновники. Почти во всех домах японского приморского поселка горел свет. Подполковник Фукусима вместе с генералом Осима и сотрудником японской миссии Нагаока подготавливали задания для воинских частей. Посланник Отори, секретарь миссии Сугимура и пусанский консул Като всю ночь работали над составлением подробного плана действий.

---

[1] Сидэхара Хироси. Очерки по истории Кореи, стр. 416.

[2] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 264—265.

Перед зданием японской миссии поставили пушки, японские сторожевые части были расставлены у всех городских ворот. Рано утром 23 июля, выйдя из казарм под предлогом отправления в Асан, японские отряды повернули к Сеулу. У северных ворот Сеула произошла стычка между корейскими частями, охранявшими королевский дворец, и войсками захватчиков, которым удалось ворваться в город. Город и дворец перешли в руки японской армии. Немедленно после захвата дворца по городу были размещены вооруженные отряды японцев, у городских ворот поставлены японские часовые Король Кочжон, опасаясь за свою жизнь, отдал приказ солдатам, находящимся в королевских казармах, сдаться без боя.

Однако власть японских колонизаторов не распространилась дальше Сеула и его окрестностей. Провинциальные чиновники отказывались подчиняться новым законам и распоряжениям. Крестьянство и городская беднота с оружием в руках боролись против японских захватчиков.

В Сеуле царило необычайное волнение. Из города бежали приверженцы Минов и все известные своими антияпонскими взглядами чиновники. Население Сеула, несмотря на присутствие японских солдат, не скрывало своего отношения к происходящему. На улицах происходили стычки с японскими солдатами. Японские захватчики воочию увидели, какую грозную силу представляет корейский трудовой народ.

Антияпонские настроения и ненависть городской бедноты, направленные против японских агрессоров и их пособников, вызывали серьезное беспокойство в американской миссии. Американский посланник Силл 23 июля сообщал государственному секретарю Грешему, что он вызвал из Инчона для дополнительной охраны миссии 50 матросов под командой капитана флота Джорджа Эллиота и что жизнь американцев в Корее в опасности. «Также очевидно, что дружба иностранцев с японцами вызывает очень серьезные антииностранные выступления. Более половины населения, включая большинство женщин из высших классов, бежало в деревни... Между тем, в силу сложившихся обстоятельств, король уступает требованиям японцев. Его отец (Тэвонгун.— *Г. Т.*) теперь вновь стал правителем и многие прояпонские чиновники назначены на правительственные должности» [1].

Японский посланник Отори в день захвата дворца разослал ноту всем иностранным представителям в Сеуле, в которой сообщалось, что занятие дворца японскими частями произошло по вине (!) корейских солдат, которые внезапно обстреляли японцев, чем и вынудили их «вступить во дворец

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 41. Силл — Грешему 26 июля 1894 г.

и охранять его»[1]. Правительство США и Англии, как и следовало ожидать, удовлетворились этой фальшивкой японских захватчиков.

После занятия дворца японскими частями Отори без промедления приступил к формированию нового правительства, чтобы закрепить захват власти. Прибыв рано утром 23 июля во дворец, японский посланник направился к королю Кочжону, «посоветовал» ему пригласить Тэвонгуна и предложить последнему принять управление. Вскоре Тэвонгун прибыл во дворец в сопровождении сотрудника японской миссии Окамото Рюноске. В беседе с королем Тэвонгун заявил, что при создавшихся в стране затруднениях необходимо прибегнуть к японской помощи и приступить к проведению «реформ»[2].

23 июля японцы совершили дворцовый переворот, а 25-го без объявления войны напали на транспорт «Коушинг», приближавшийся к Асанской бухте с 1300 китайскими солдатами на борту. Без предупреждения японский крейсер «Нанива» под командованием капитана Того открыл стрельбу по транспорту. Транспорт был потоплен. Так воровски, нападением из-за угла японские захватчики начали войну против Китая.

Официальное объявление войны последовало только 1 августа. 25 июля Отори заявил королю, что Япония намерена воевать с Китаем. Далее посланник высказал пожелание своего правительства — видеть Корею союзницей в его борьбе с Китаем, и выразил полную уверенность, что объединенные усилия Японии и Кореи приведут к «блестящим результатам». В конце беседы Отори потребовал немедленного опубликования королевского декрета об утверждении нового состава правительства. Марионеточное правительство было составлено из приверженцев Тэвонгуна и деятелей прояпонской клики. Главой марионеточного правительства назначили японского агента Ким Хон Чжипа.

Родственники королевы, правившие страной до политического переворота 23 июля 1894 г.: Мин Ён Чжюн, Мин Ён Ик, Мин Чи Хон, Ким Се Гый были отстранены от правления и высланы на отдаленные острова. Одним из первых декретов нового правительства было распоряжение об отставке и наказании Мин Ён Чжюна, который в течение 10 лет (1884—1894) фактически управлял страной.

---

[1] Донесение Вебера Гирсу от 1/13 июля 1894 г., стр. 273—274. АВП МИД, яп. стол, д. 4. Цит. по диссертации В. П. Нихамина. Русско-японские отношения и Корея 1894—1898 гг. М., 1948, стр. 74.

[2] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, т. 2, стр. 313.

Прояпонское правительство даже в первые дни после захвата власти в Сеуле не могло не учитывать того, что страна была охвачена крестьянским восстанием. Декретом о Мин Ён Чжюне оно пыталось направить народный гнев против прежнего правительства и показать, что оно якобы строго карает угнетателей корейского народа.

27 июля 1894 г. Отори созвал совещание всех крупных правительственных сановников, чтобы обсудить создавшееся в стране положение. Но неожиданно в начале собрания король, обращаясь к Ким Хон Чжипу, заявил, что он как новый глава правительства должен помнить о реванше и смыть сегодняшний позор (король имел в виду охрану королевского дворца японскими частями). Вслед за этим старейший политический деятель Че Кён Сё очень неодобрительно отозвался о событиях 23 июля. И, как вынужден был признать даже Кикути, «большинство присутствующих совсем не радовались созданию нового политического курса» [1].

Совещание 27 июля обнаружило, что наглая диктаторская политика Отори вызвала сильное недовольство даже у крупных прояпонски настроенных правительственных сановников. «Реформаторская» деятельность японского посланника началась с организации совещательного «органа» Кунгуккимучо (Высший военный совет). Этот орган должен был обсуждать государственные дела, вырабатывать новые законы и передавать их королю на утверждение. Высший военный совет, по замыслам японских колонизаторов, создавал видимость «самостоятельного» управления страной, так как все члены Совета были корейские янбани. Японский посланник должен был играть там роль скромного советника. Во главе Совета поставили премьер-министра Ким Хон Чжипа.

Организация Совета, так же как и вся остальная программа «реформ», нужна была японским захватчикам для прикрытия их наглого вмешательства во внутренние дела Кореи.

Далее японский посланник приступил ко второму разделу колонизаторской программы: добиться разрыва корейско-китайских отношений для утверждения полного господства Японии в Корее. 15 августа корейское правительство под давлением Отори было вынуждено официально объявить о расторжении всех договоров с Китаем. Причины разрыва с Китаем в этом заявлении не указывались.

20 августа корейское правительство подписало соглашение с Японией. Во введении к соглашению говорилось, что оно заключено с целью положить конец делу о случайной стычке

---

[1] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 316—317.

в Сеуле между японскими и корейскими солдатами, происшедшей 23 июля, и утвердить «независимость» Кореи.

Фактически под предлогом улаживания конфликта Корее было навязано кабальное соглашение, по которому:

1. Корейское правительство обязуется проводить внутренние реформы, если они будут необходимы, после предварительного обсуждения их с японским правительством.

2. Корейское правительство обязуется немедленно приступить к строительству железных дорог между Сеулом и Инчоном и Сеулом и Пусаном, причем ввиду недостатка собственных средств оно обратится за содействием к японскому правительству или, по усмотрению последнего, к какой-либо японской компании.

3. Японское правительство сохраняет за собой право собственности на существующие телеграфные линии между Сеулом и Инчоном и Сеулом и Пусаном.

4. Корейское правительство в целях дальнейшего укрепления дружбы между двумя государствами и поощрения торговли должно открыть еще один торговый порт в провинции Чолладо.

5. Для успешного претворения в жизнь условий этого договора Корея и Япония обязуются периодически созывать совещания представителей обоих правительств [1].

Это соглашение предоставляло захватчикам полную свободу действий в Корее. Фактически все внутреннее управление страной передавалось в руки колонизаторов. Каждый пункт соглашения подчеркивал зависимость нового марионеточного правительства от японских капиталистов. Новые корейские законы, реформы, строительство железных дорог, прокладка телеграфных линий могли быть осуществлены только с разрешения и на средства Японии.

Ли Чен Вон писал, что в этом договоре «особого внимания заслуживает пункт, касающийся железнодорожного строительства, он знаменовал новый шаг японцев в экономической экспансии в Корее. Захват японцами права на строительство железных дорог в Корее был важным шагом в установлении монопольного господства японцев в стране, средством порабощения японскими империалистами корейского народа» [2].

25 августа японские войска торжественно были выведены из дворца. Вывод войск нисколько не изменил положения, так как корейские части, охраняющие дворец, были вооружены

---

[1] См. Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, стр. 103.
[2] Там же, стр. 104.

лишь палками. Японский же вооруженный отряд разместили в окрестностях дворца.

На следующий день, 26 августа, корейское и японское правительства подписали договор о военном союзе, который состоял из вводной части и трех статей. Уполномоченными по подписанию договора были: посланник Отори и министр иностранных дел Ким Ён Сик. Во вступительной части указывалось: вследствие того, что корейское правительство доверило японскому посланнику «задачу изгнания от его имени китайских войск с корейской территории», то «правительства Японии и Кореи поставлены в необходимость представить друг другу взаимную оборонительную и наступательную поддержку». В первой статье договора говорилось, что основная цель союза заключается в «поддержании на твердых основах независимости Кореи и осуществления обоюдных интересов Японии и Кореи путем изгнания китайских войск из корейской территории». Во второй статье указывалось, что ведение всех военных действий возлагается на Японию, а Корея окажет «японским войскам всевозможные облегчения» в отношении транспорта и доставки продовольствия. В третьей статье оговаривалось, что договор действителен до заключения мира с Китаем [1]. По плану захватчиков, корейское правительство, связанное этим договором, должно было предоставлять японским войскам продовольствие и средства передвижения. С другой стороны, этот договор предоставлял японским интервентам широкие возможности вмешательства во внутренние дела Корейского государства.

Так японские капиталисты старались представить себя «защитниками» Кореи, которые ведут военные действия по поручению «слабого» королевства и в защиту его интересов.

Однако политика наглого вмешательства во все дела внутреннего управления и внешних сношений Кореи постепенно отталкивала некоторых вчерашних союзников Японии. Требования расторжения отношений с Китаем вызывали сильное недовольство даже у большей части членов нового правительства.

В чиновничьих кругах росли антияпонские настроения. Ввиду того, что японский посланник отнюдь не собирался делить власть с кликой Тэвонгуна, последний, видя, что Отори стал менее сговорчивым после захвата власти 23 июля, установил тайные связи с маньчжурским правительством и надеялся с его помощью изгнать японцев.

---

[1] См. полный текст договора: Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других дипломатических документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, стр. 94.

Всеобщее недовольство вызывал и Высший военный совет, который был призван осуществить агрессивную программу японских властей, приступив к своей деятельности по выработке «реформ» якобы для цивилизации страны [1].

В список «реформ» были включены самые разнообразные реформы: отмена рабства, введение новых знаков различия на форменной одежде чиновников, наказание отсутствующим на заседаниях чиновникам и другие.

Все законы, навязанные японцами и принятые Высшим военным советом, ставили главной целью окончательное подчинение Кореи Японии, но осуществление этой основной цели проводилось разными методами и способами.

Первую группу разработанных Высшим военным советом законов составляли те, которые должны были продемонстрировать «цивилизаторские» стремления Японии в Корее. К их числу можно отнести упразднение рабства, формальное уравнение в гражданских правах янбаней и простого народа, запрещение ранних браков, разрешение вдовам вторично вступать в брак, отмену особого этикета в отношении янбаней, наказание проворовавшихся чиновников и т. д.

Японские захватчики ясно видели, что между корейским и китайским народами существовали старинные культурные и экономические связи. Японские колонизаторы были бессильны посеять рознь между корейскими и китайскими народными массами, но они старались выкорчевать влияние китайской культуры, стремились также вытравить из сознания корейцев всякие прокитайские настроения, старались привить «японские начала» в социальную и политическую жизнь Кореи. Вторая группа законов преследовала цель — способствовать расторжению вековых культурных уз и обычаев, связывающих эти два народа. К этой группе относятся постановления о том, что «в официальных бумагах время не должно обозначаться по китайской системе», о запрещении употреблять китайский язык, прекращении изучения в школах китайских классиков и т. д.

Третья группа включала законы, непосредственно направленные к упрочению японского влияния в стране и созданию прояпонских кадров: «молодые интеллигентные корейцы, получившие хорошее воспитание, должны командироваться за границу для продолжения образования»; «в министерства должно приглашать иностранцев-советников»; «преобразовываются все государственные учреждения» (по японским образцам.— *Г. Т.*).

---

[1] За три месяца своей деятельности (30 июля — 29 октября) Совет рассмотрел 208 новых законов.

Четвертая группа — законы, которые должны были, при сохранении главных экономических и политических основ феодализма, приспособить Корею для эксплуатации ее японскими капиталистами.

Проведение этих законов должно было способствовать усилению эксплуатации трудовых масс корейского народа японскими помещиками и спекулянтами. С другой стороны, эти законы должны были облегчить выкачивание из Кореи нужного японским капиталистам сырья, продуктов сельского хозяйства. По новым законам:

«а. Чиновник, оставивший службу, имеет право открыть торговлю и заняться вообще всяким допускаемым законом ремеслом.

б. Подати и налоги имеют быть взимаемы деньгами, а не рисом, тканями и вообще натурой.

в. Внутренняя торговля хлебом и другими злаками не должна быть стесняема.

г. Надлежит ввести правильную систему мер, весов и монет» [1].

Японские захватчики не собирались осуществлять все эти мероприятия. Их задачей было лишь создать видимость реорганизации внутреннего управления, оздоровления финансов и т. д. Колонизаторы проводили в жизнь лишь те законы, которые способствовали превращению Кореи в японскую колонию.

Трудовое население крайне враждебно относилось к деятельности Высшего военного совета, как и ко всем проводимым японцами мероприятиям.

В стране росли антияпонские настроения. Власти захватчиков и их законам подчинялись только под угрозой японских штыков. Ни для кого не было тайной, что все королевские указы на самом деле написаны японскими советниками. Даже американский посланник Силл в донесении к президенту США, оценивая деятельность Совета и новые законы, писал: «Все эти рекомендации получили подтверждение или одобрение его величества. Однако мне сообщил один из влиятельных членов Совета, что король одобрял все, но весьма часто в душе не желая этого. Мы знаем, что многие из них (законов.— *Г. Т.*) уже вошли в действие, но только здесь, в Сеуле, где японские власти могли оказать на них (чиновников.— *Г. Т.*) давление. За воротами Сеула и в его окрестностях уже не было действенной власти. Даже губернаторы, главы городов, не выполняли приказов короля. Они говорили, что король беспомощный узник и законы,

---

[1] «Описание Кореи», т. 1, стр. 46—47. Деление на группы, конечно, примерное и условное.

подписанные им, в действительности дело его старых врагов японцев и что теперь истинное служение королю выражается в отказе выполнять приказы, полученные от имени его величества. Сейчас в Корее наблюдается выражение тех чувств, которые мы называем патриотизмом. Все охвачены ненавистью к японцам...» [1] Русский офицер Вогак сообщал из Кореи: «...реформы, затеянные японцами, подвигаются очень туго, ибо встречают оппозицию и недовольство среди населения. Главные ошибки японцев заключаются в том, что они игнорируют короля, надеясь провести свои планы при содействии японских приверженцев в стране, во главе которых стоит Ким Хон Чжип. Революционеры секты тогаку-то (тонхаки.— *Г. Т.*) снова волнуются на юге и движение их подходит к Сеулу. Они ожидают только удобной минуты, чтобы восстать открыто, на этот раз против японцев... Положение дел в Сеуле очень серьезно и запутанно» [2].

Вопреки ожиданиям правящих кругов Японии, захват власти, создание марионеточного правительства и оккупация Кореи не обеспечили подчинения всей страны японским колонизаторам.

Корейские трудовые массы решительно выступали против японских «реформ». Мелкие провинциальные чиновники отказывались выполнять распоряжения центральных властей. Японское правительство просчиталось, надеясь, что разрыв официальных отношений между Кореей и Китаем приведет к действительному прекращению между ними связей. Расторжение дипломатических отношений с Китайской империей привело лишь к новому подъему антияпонских чувств в корейском народе и дружественных настроений по отношению к китайскому народу.

РАЗОРЕНИЕ КОРЕИ В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1894—1895 гг.

29 июля, до объявления войны, японские войска под командованием генерала Осима напали у деревни Асан (на юге) на небольшой отряд китайских войск. Китайцы были разбиты и отступили на север в район Пхеньяна, где сосредоточилась 15-тысячная китайская армия. Китайские солдаты были плохо вооружены, почти не обучены. После первого же столкновения с японцами у Асана главнокомандующий Е Чжи-чао бежал.

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 63. Силл — Грешему. 24 сентября 1894 г.

[2] «Извлечение из донесений генштаба полковника Вогака».— «Сборник материалов по Азии», вып. 60, стр. 116.

Японские военные силы по численности равнялись китайским, но были лучше обучены и вооружены.

15 сентября японская армия расположилась в окрестностях Пхеньяна и начала штурм города. Китайские солдаты мужественно сражались. Битва за Пхеньян длилась 12 часов и закончилась победой Японии. Эта победа имела огромное значение для Японии, т. к. открывала путь в Китай. 17 сентября у устья реки Амноккан произошла морская битва. Так же как и в пхеньянской битве, на стороне японского флота были все преимущества. Японская эскадра состояла из новых быстроходных кораблей; китайский же флот — из разнотипных и малоподвижных судов. Однако, несмотря на эти преимущества, японцам не удалось одержать решительной победы. Китайские матросы не покидали кораблей, даже получивших по нескольку пробоин. В результате сражения китайцы лишились пяти кораблей, остальные были сильно повреждены. Китайская эскадра после боя ушла в Вэйхайвэй, где и оставалась до нападения японского флота в начале 1895 г. [1]

Пхеньянское сражение и морская битва у устья Амноккан довершили оккупацию всей Северной Кореи. К 30 сентября 1894 г. северные провинции были оккупированы войсками японских захватчиков и тем самым осуществились их агрессивные планы превращения Кореи в плацдарм для дальнейшего наступления на Китай.

Японо-китайская война, навязанная японскими милитаристами Корее и Китаю, принесла страшное разорение и голод корейскому трудовому народу. Территория Корейского полуострова в июне 1894 г. превратилась в театр военных действий, а в конце сентября Корея была оккупирована японскими войсками. Последствия пребывания японских войск в Корее можно сравнить с теми бедствиями, которые принесло корейскому народу кровавое нашествие орд Хидэёси (1592—1598 гг.). Провинции и районы, где проходили или размещались японские части, были превращены в безлюдные пустыни. Корейские крестьяне оказывали сопротивление японским войскам. Японские захватчики в ответ выжигали целые деревни [2]. Поля оставались незасеянными. В стране начался голод.

Корреспондент газеты «Дальний Восток» сообщал, что в результате японо-китайской войны «среди корейского населения общая паника... Жители бегут в горы, вооружаясь кто чем

---

[1] Подробно о ходе военных действий между Китаем и Японией см.: Н. Н. Нозиков. Японо-китайская война, Воениздат, М., 1939.

[2] I. B. Bishop. Korea and her neighbours, т. 2. Лондон, 1898, стр. 110.

может, есть нечего, ждут голода. В Гензане (Вонсане.— *Г. Т.*) китайский квартал разграблен и сожжен» [1].

Особенно тяжелое положение было в северных районах страны. Из Пхеньяна ушло более 60 тыс. человек населения [2]. Город был разрушен, окрестные деревни сожжены. Население было разорено. Кикути, давая описание бедственного положения Кореи во время войны, писал: «На протяжении 60 ли (от Пхеньяна.— *Г. Т.*) не было ни одного представителя власти. Все — от соломенных фанз корейских бедняков до правительственных учреждений, не говоря уже о домах,— было разграблено» [3].

В конце японо-китайской войны Корею посетила русская научно-исследовательская экспедиция во главе с ученым-географом А. Г. Лубенцовым. Русского исследователя, прошедшего в северной части страны через десятки корейских городов и деревень (свыше 2 тыс. км), поразило ужасное разорение всей страны, вызванное пребыванием в ней японских войск, грабящих и убивающих всех и все на своем кровавом пути по Корее. Лубенцов видел корейские города, превращенные в груды развалин, незасеянные поля — немые свидетели грядущего голода. По его словам, «по дороге из Пхеньяна в Ычжу... все было буквально выжжено» [4]. В городе Ычжу до войны было более 3 тыс. домов, уцелело же не более 200. В Анчжу из 3 тыс. домов сохранилось только 260. Этот город имел очень жалкий вид. Груды развалин и пепелищ встречались на каждом шагу. Деревни, расположенные вдоль дорог, по которым проходили войска захватчиков, как правило, были снесены с лица земли [5]. По всей Корее бесчинствовали японские части и под видом выслеживания повстанцев грабили мирных жителей.

Английская путешественница Изабелла Бишоп сравнивала произведенные японцами опустошения со средневековой чумой. Появление японских войск превращало многолюдные города в пустыни (Инчон). От Кванчжу остались одни развалины. Из 30-тысячного населения к концу войны в городе оставалось лишь 5—6 тыс. человек.

Более 20 тыс. жителей Кванчжу группами и в одиночку бродили по окрестным городам и селам в поисках пропитания [6]. В стране свирепствовала эпидемия холеры.

Лубенцов наблюдал, как «во время свирепствовавшей в 1895 г. холеры в губерниях Пхеньян и Ычжу многие из жи-

---

[1] «Дальний Восток», 26 августа 1894 г.

[2] H. B. Hulbert. The history of Korea, т. II, Сеул, 1905, стр. 274—275.

[3] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 339—340.

[4] См. А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи, стр. 51.

[5] См. там же, стр. 138—140.

[6] I. B. Bishop. Korea and her neighbours, стр. 110.

телей бежали оттуда на восток в горы и нередко приходилось встречать мужей, которые несли на своих спинах больных жен, не могших следовать пешком»[1]. Еженедельно от болезней и голода умирали тысячи человек. В августе 1894 г. появились первые признаки голода, а в сентябре и октябре русская газета «Дальний Восток» сообщала о страшной дороговизне вследствие голода. «Продукты стали дороже более чем вдвое. Все европейцы серьезно беспокоятся, чем они будут отапливать свои дома, так как уголь теперь уже 22 долл. за тонну... Европейцы в настоящее время сидят в Сеуле также без хлеба... Разумеется, многие ропщут и обвиняют во всем японцев»[2]. Если так описывается положение европейцев, то можно себе представить ужасную нищету и голод, которые переживали корейские трудовые массы.

Правительство США, будучи прекрасно осведомлено о положении в Корее, продолжало разыгрывать роль «доброго старшего брата» и «покровителя слабого королевства». Как сообщал корреспондент газеты «Новое время», американские «филантропы» «намеревались позаботиться» о голодающем населении Кореи[3]. Американское правительство, предательская политика которого толкала японских милитаристов на грабительскую захватническую войну, цинично заявляло «о своем искреннем желании помочь» корейскому народу. Однако «помощь» американских капиталистов на деле означала лишь дальнейшее закабаление корейского народа.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ — ОКТЯБРЬ 1894 г.)

Продвижение армии японских захватчиков в Корее натолкнулось на непредвиденные трудности. Народные массы Кореи образовали грозную армию, оказавшую серьезное сопротивление иноземным колонизаторам. Японская армия, находясь на территории Кореи, должна была получать абсолютно все продовольствие из Японии. Крестьяне и мелкие торговцы отказывались продавать японцам продовольствие, отказывались обрабатывать поля, не желая выращивать посевы, которые помещики продавали бы врагам корейского народа[4]. В стране не затихало крестьянское движение.

---

[1] А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи, стр. 23.

[2] «Дальний Восток», 28 октября 1894 г.

[3] «Новое время», 3 августа 1894 г.

[4] «Новое время», 6 июля 1894 г.

К сентябрю 1894 г. крестьянская армия удерживала $^3/_5$ всей территории Кореи — большую часть провинции Чолладо, Чунчондо, Кёнсандо, Кёнгидо и часть Хванхэдо [1]. Наиболее крупным очагом восстания на севере была провинция Хамгендо (Кёнсон, Самсу) [2].

По всей Северной Корее развертывалась партизанская борьба крестьян, ремесленников, беглых рабов. К партизанским отрядам примыкали большие группы солдат-корейцев, бежавших из правительственных частей, и отставшие от своих отрядов китайские солдаты. Эти небольшие партизанские отряды хорошо знали местность и своими внезапными нападениями наносили серьезный вред японцам. Корейские патриоты перерезали телеграфные провода, рубили и жгли телеграфные столбы, затрудняли сообщение, нападали на японские транспорты. Бесконечные стычки с партизанами затрудняли продвижение японских частей. Серьезной проблемой для захватчиков был вопрос о доставке продовольствия. В Северной Корее, славившейся хорошими лошадьми, японцы не могли достать ни лошадей, ни вьючного скота [3].

Доставлять вьючный скот из Японии было почти невозможно, поэтому приходилось вывозить оттуда рабочих и впрягать их вместо лошади или вола по три человека в тележку. Но и эта мера не спасала положение. Тогда японцы назначили весьма высокую плату (2 долл. в сутки) каждому корейцу, поступившему к ним на работу в качестве кули [4]. Но и этим захватчики не смогли заставить работать на себя корейский народ.

Пребывание японских войск в Корее вызывало непримиримую ненависть корейского народа. Китайские войска после начала японо-китайской войны повсюду встречали горячее сочувствие и поддержку всего трудового населения Кореи. Лян Ци-чао писал: «Корейцы... снабжали нас всем необходимым по первому знаку. Совершенно иначе они относились к японцам, так что, например, во время наступления и атаки на Пинжан (Пхеньян.— *Г. Т.*) те, кроме сухарей, не получали никакого провианта и, говорят, одна ложка соли выдавалась на несколько дней» [5]. Лян Ци-чао уверен, что если бы китай-

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», гл. 2, стр. 133.

[2] «Дальний Восток», 14 августа 1894 г.

[3] «Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 и январе 1896 г.».— «Сборник материалов по Азии», вып. 69, стр. 26.

[4] П. Н. Симанский. Японо-китайская война 1894—1895 гг., СПб., 1896, стр. 102—103.

[5] Лян Ци-чао. Ли Хун-чжан или политическая история Китая за последние 40 лет, СПб., 1905 г., стр. 154—155.

ские войска имели руководство, которое умело бы пользоваться усталостью и истощенностью японцев, они, наверное, одержали бы победу [1].

Неудивительно, что при подобном положении японцы могли сдерживать народные массы только силой оружия. Поэтому в сентябре, завершив военные действия на территории Кореи, японские захватчики спешно приступили к организации оккупационной армии численностью более 20 тыс. человек. Отряды японских солдат были расквартированы в крупных городах «для охранения в стране спокойствия и порядка». Главный штаб оккупационного войска 6-й дивизии находился в Пхеньяне [2].

Однако разместить оккупационную армию колонизаторы могли только на севере и частично в центральных провинциях страны. Весь юг был во власти восставшего народа. Основные силы крестьянской армии концентрировались в районе Нонсан провинции Чолладо. В ее рядах насчитывалось 100 тыс. бойцов [3]. Командовал ими Чжон Бон Чжюн. Прибытие японских войск, захват власти и оккупация ряда провинций поставили перед крестьянскими отрядами задачи национально-освободительной войны. Лозунги изгнания из страны японцев, борьбы за немедленный вывод японских войск сплачивали весь корейский народ. Под знамена крестьянской армии стекались большие массы людей. В эту армию вливались китайские солдаты и корейцы, бежавшие из правительственной армии. По сообщению «Таймс», 400 корейских солдат, снабженных японским оружием, присоединились к повстанцам [4]. В ряды народных отрядов вступали и бывшие приверженцы Минов, недовольные японским засильем в стране. Они надеялись вновь захватить власть используя крестьянское движение.

Крестьянская армия превратилась в армию народных мстителей.

«Есть в истории человечества как бы некое возмездие, и, по закону этого исторического возмездия, орудие его действия должно выковываться не потерпевшим, а самим преступником» [5],— писал К. Маркс о восстании 1857 г. в Индии. Японские колонизаторы наглым издевательством над корейским народом сами выковали грозное орудие возмездия — его

---

[1] См. Лян Ци-чао. Ли Хун-чжан или политическая история Китая, стр. 154—155.

[2] П. Н. Симанский. Японо-китайская война, стр. 100—101.

[3] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 134—135.

[4] Цит. по газ. «Неделя», 1894, № 46.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 239.

непримиримую ненависть. В тот период, когда на территории Кореи велась война и когда власть в стране захватили японцы, когда родовитые янбани предавали и продавали отечество за щедрые обещания японского посланника, а иностранные представители (США, Англия) открыто покровительствовали японским колонизаторским планам,— только корейский трудовой народ выступил на борьбу за изгнание из страны японских захватчиков.

В обращениях штаба крестьянской армии теперь подчеркивалось, что она стала армией спасения отечества и своего народа. Штаб указывал, что после 23 июля (занятие дворца японскими частями) правительственные корейские войска являются лишь орудием в руках японцев и продажных янбаней. Поэтому крестьянская армия — это единственная сила в стране, способная оказать сопротивление японским колонизаторам.

Крестьянская армия к этому периоду представляла собой организованную силу, объединившую многочисленные партизанские отряды, численность которых возрастала ежедневно.

9 октября состоялось совещание всех народных генералов. Съехались Чжон Бон Чжюн, Че Си У, Сон Иль Чу, Ли Си Гу. Кроме них прибыли и представители реакционных лидеров так называемой северной группы Сон Бён Хи и Цой Хе Воль. Экстренное совещание руководителей восставшего народа было созвано из-за приезда в штаб крестьянской армии тайных послов от правителя Тэвонгуна. Клика Тэвонгуна, недовольная диктаторской политикой Отори, старалась использовать народное движение против японцев в своих интересах. Именно этим и объясняются попытки Тэвонгуна установить связи с руководителями повстанческих отрядов. Последний не скупился на обещания народным генералам и старался объяснить все злоупотребления чиновников, бесчинства помещиков плохим правлением королевы Мин и ее родственников. Со своей стороны руководство народной армии перед лицом японской угрозы готово было пойти на компромисс. В этом сказалась слабость и классовая ограниченность мелкобуржуазного мировоззрения вождей повстанцев.

Тайные послы Пак Ин Сик и Сон Ин Ок сообщили собравшимся о положении в Сеуле. Официальное сообщение о том, что японские войска хозяйничают в стране, а правительство действует по указке захватчиков, вызвало взрыв негодования всех присутствующих. По предложению командующего Чжон Бон Чжюна было решено объединить все крестьянские отряды и двинуть их на Сеул. Программа действий сводилась к следующему: овладеть столицей, изгнать японские войска, свергнуть правительство и передать правление Тэвонгуну. На

совещании был принят и стратегический план военных действий: взять приступом Кончжу (главный город провинции Чунчондо), серьезную преграду на пути к Сеулу. Командование объединенной армией принял Чжон Бон Чжюн

Однако, хотя большинство народных генералов было настроено очень решительно и требовало немедленного похода на Сеул, реакционная «северная» группа во главе с Цой Хе Волем выступила против похода, против применения насильственных действий. Глава секты тонхак Цой Хе Воль призывал присутствующих к смирению и самосовершенствованию, говоря, что насилие и употребление оружия запрещаются религией. Все помыслы тонхака, говорил Цой, должны сводиться к исполнению основного завета Восточного учения: «Почитай небо и храни в чистоте свое сердце». Сон Бён Хи, поддерживая Цоя, добавил, что прибытие японских войск нельзя считать преступлением. Выступление группы Цой Хе Воля с требованием прекратить вооруженную борьбу в период оккупации страны японскими войсками, когда угроза превращения Кореи в японскую колонию непосредственно нависла над родиной, было прямым предательством. Вожди восставшего народа с возмущением отвергли предложения реакционной группировки. Цой и его сторонники покинули совещание.

Приняв решение о походе на Сеул, штаб крестьянской армии разослал по всей стране обращения к народу: «Мы обращаемся ко всему народу. Мы поднимаем знамя Великой армии и, перерезав важнейшие пути сообщения, пойдем на Сеул. Все и повсюду вставайте под ружье и присоединяйтесь к нам!» В начале октября объединенные крестьянские отряды были двинуты на штурм Кончжу. Передовые отряды заняли Сувон и приблизились к Сеулу. В арьергарде Кончжу осаждали отряды Ким Ге Нама. Вся крестьянская армия была разделена на три колонны. Большое внимание уделялось заготовке продовольствия и боеприпасов.

В обращении к бойцам крестьянской армии перед походом на Кончжу говорилось, что во время военных действий:

1) не должно быть причинено никакого вреда ни людям, ни их имуществу;

2) мы охраняем мир и несем благополучие народу;

3) мы должны очистить наши священные пути от японцев и других заморских чужеземцев;

4) наша армия войдет в Сеул, чтобы уничтожить властолюбивую знать и навести порядок в управлении страной [1].

---

[1] См. «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 134.

В этом обращении штаба крестьянского движения были четко сформулированы основные требования повстанцев, нашла яркое выражение его освободительная, антиимпериалистическая и антифеодальная направленность.

Штурм Кончжу представлял очень смелую военную операцию повстанцев. Правительственные войска, находящиеся в Кончжу, усиленно готовились к обороне, строили форты, проводили дополнительную мобилизацию. В Кончжу прибыли японский батальон под командованием майора Минами и 10 тыс. правительственных войск из Сеула. В то время как основные силы крестьянской армии атаковали Кончжу, передовые ее отряды подходили к Сеулу.

Штурм крестьянской армией Кончжу начался внезапно. Но хорошо укрепленный и защищенный горами город оказался неприступным. Сражение произошло близ Кончжу. Только после шестидневных кровопролитных боев объединенным силам японских и корейских правительственных войск удалось отразить атаку крестьянской армии. Ежедневно к армии присоединялись толпы народа, но взять приступом Кончжу не удавалось. Вдохновляемые высокой, благородной целью спасения отечества от иноземных колонизаторов повстанцы, плохо вооруженные, мало обученные, смело шли навстречу вооруженным до зубов японцам.

В результате битвы у Кончжу обе армии понесли значительные потери. После отступления Чжон Бон Чжюн вызвал отряды Ким Ге Нама, охранявшие тыл крестьянской армии. Прибытие отрядов Кима вселило новую уверенность в победе. Народный генерал Ким Ге Нам был одним из любимых и популярнейших вождей восставшего народа. Он славился боевыми подвигами, справедливостью и непримиримой ненавистью к богатым. Даже японцы признавали военный талант и популярность Ким Ге Нама [1].

Японский посланник Отори, легко подкупавший влиятельных корейских сановников, столкнулся с неподкупной силой, грозившей сорвать японские колонизаторские планы. Чувствуя себя бессильным подавить крестьянское движение, Отори неоднократно обращался за помощью к японскому правительству. Премьер-министр Ито писал министру внутренних дел Иноуэ: «Тонхаки сейчас очень буйствуют на юге и посланник Отори неоднократно присылал мне письма с просьбой о присылке военных подкреплений. Мне уже сообщили, что две японские роты охраняют Сеул» [2].

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 228.

[2] «Биография Ито», т. 3, стр. 101.

Токийское правительство было очень недовольно деятельностью своего посланника в Корее, который оказался не способным ни подавить крестьянские беспорядки, ни провести «реформы». К концу октября 1894 г. крестьянская армия не только не была разбита, но ежедневно увеличивалась, укреплялась за счет отобранного у японских захватчиков оружия, а колонизаторские планы оставались на бумаге. В обстановке народного восстания японская политика фактически проваливалась.

АКТИВИЗАЦИЯ КОЛОНИЗАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В КОРЕЕ

За три месяца хозяйничания японских захватчиков страна была разграблена. Диктаторская политика японского посланника, бесчинства японских купцов, офицеров и солдат, которые вели себя как завоеватели страны, не могли сломить героической борьбы народных масс Кореи. Командование крестьянской армии использовало ее временное отступление для пополнения отрядов свежими силами и обучения бойцов элементарным правилам военной тактики.

Крестьянские отряды почти без боя занимали деревни и города. Карательные части, которые были посланы в районы, занятые крестьянской армией, не могли остановить ее продвижение.

Недовольство политикой оккупантов все больше охватывало и чиновничество. Высший совет, расследуя причины неповиновения чиновников, отмечал, что даже губернаторы тайно бежали из городов. Некоторые сановники переходили либо на сторону восставшего народа, либо оказывали помощь китайским войскам. Рассматривались в Высшем совете и многочисленные случаи, когда крупные чиновники бежали из города, захватив всю казну этой провинции, и т. д. [1]

Срыв всех колонизаторских планов японцев в Корее в период диктаторского правления Отори заставил токийское правительство изменить политический курс. Вооруженное сопротивление корейских крестьян, ремесленников, рабов, массовый саботаж чиновниками, главным образом провинциальными, всех столичных приказов, создавали необходимость принятия каких-то новых мер, чтобы обеспечить превращение Кореи в японскую колонию. В японской прессе открыто выражалось недовольство политикой Отори. Правительство рассчитывало,

---

[1] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 338—339.

сменив «неумелого» дипломата, добиться осуществления своих захватнических замыслов. На ускорение решения об отставке Отори повлияло письмо маршала Ямагата, командующего 1-й армией в Пхеньяне, и заявление Суемацу, начальника департамента юстиции, посетившего Корею.

Ямагата писал Ито: «Истинное положение вещей (в Корее.— *Г. Т.*) оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал, будучи в метрополии. Поэтому я считаю неотложной задачей подобрать людей, которые были бы способны изменить положение дел..., и прикомандировать их к центральным и провинциальным управлениям при корейских начальниках» [1]. Из письма Ямагата ясно, что захватчикам не удалось подчинить страну своему влиянию. Суемацу, в свою очередь, сообщил, что далее «невозможно осуществлять контроль за ходом дел в Корее с помощью авторитета Отори... реформы в Корее проводятся с величайшими трудностями...» [2].

Известия, поступающие из Кореи о провале захватнических планов, вызывали серьезное беспокойство в японских правящих кругах. Кабинет министров принял решение отстранить посланника Отори.

Премьер-министр Ито Хиробуми в письме к министру внутренних дел Иноуэ Каору указывал, что необходимо создать видимость проведения «реформ» в Корее, в противном случае японское правительство окажется в затруднительном положении, так как «нам (японскому правительству.— *Г. Т.*) будет трудно оправдать начало войны с Китаем» [3], и далее: «...Все это вызывает тревогу за престиж нашего правительства. Я предвижу большие трудности в подборе преемника Отори. Надо найти такого человека, который хорошо знал бы внутреннюю обстановку, не обращал внимания на мелочи и был бы человеком смелым и решительным» [4]. В ответном письме Иноуэ сообщал, что вполне согласен с точкой зрения Ито на положение дел в Корее, и предлагал самого себя в преемники Отори [5].

---

[1] «Биография Ито», т. 3. Письмо Ямагата — Ито 27 сентября 1894 г.

[2] «Биография Ито», т. 3, стр. 94.

В октябре 1894 г. в Корею были направлены маркиз Саёндзи и Суемацу, которые от имени японского императора должны были поздравить корейского короля по поводу проведения «реформ» в Корее. Визит Саёндзи был вызван необходимостью смягчить впечатление в Корее от японской диктаторской политики и подчеркнуть «дружеские отношения двух государств» (см. Сидэхара Хироси. Очерки по истории Кореи. стр. 418).

[3] «Биография Ито», т. 3, стр. 94. Письмо Ито — Иноуэ 24 сентября 1894 г.

[4] Там же, стр. 95. Письмо Ито — Иноуэ 24 сентября 1894 г.

[5] Там же, стр. 95—97. Письмо Иноуэ — Ито 27 сентября 1894 г.

Назначение сторонника агрессивной политики, видного государственного деятеля — министра внутренних дел Иноуэ Каору на пост посланника в Корею свидетельствовало о том огромном значении, которое придавали японские захватчики колонизации этой страны и превращению ее в военный плацдарм для дальнейшей экспансии.

«Дальний Восток», комментируя назначение Иноуэ японским посланником в Корею, отмечал, что корейское чиновничество ждет новых японских репрессий, связывая их с назначением нового посланника [1].

В японской и западноевропейской буржуазной литературе назначение графа Иноуэ расценивалось как серьезный поворот японской политики в Корее, начало проведения нового, умеренного курса представителем японской «цивилизации». На самом деле этот курс означал еще большее укрепление военно-оккупационного режима, при котором наряду с полицейскими мерами проводилась демагогическая пропаганда.

26 октября новый посланник прибыл в Сеул. В первый же день приезда граф Иноуэ посетил министерство иностранных дел и в беседе с министром иностранных дел Ким Ён Сиком выразил негодование по поводу того, что до сих пор крестьянское восстание не было подавлено.

Новый посланник, будучи прекрасно осведомлен о том, что Мины являются серьезными противниками японского влияния в стране, а Тэвонгун пытался установить связи и с штабом крестьянской армии и с маньчжурским правительством, решил сразу же обезвредить своих противников.

Тэвонгун хотел организовать заговор против короля и королевы и передать престол внуку. Иноуэ решил воспользоваться этим, чтобы отстранить уже сыгравшего свою роль Тэвонгуна.

Сложнее оказалось изолировать королеву Мин, вокруг которой группировались патриотически настроенные дворяне, выступавшие против японского засилия в Корее. Иноуэ знал, что королева пользуется значительным авторитетом в кругах чиновничества, и затратил немало бесплодных усилий, пытаясь привлечь ее на сторону японских колонизаторов.

20 ноября Иноуэ представил королю обширную программу «реформ» (20 пунктов) и особо остановился на важнейших, по его мнению, вопросах, которые сводились к 5 пунктам и по существу были направлены против Минов.

1. Политическая власть должна исходить из одного источника (подразумевается король).

---

[1] См. «Дальний Восток», 6 ноября 1894 г.

2. Правительство должно выполнять законы, постановления. Только оно имеет право управления государством.

3. Немедленно должно быть осуществлено отделение государственных дел от управления королевского двора.

4. Должна быть разработана специальная система управления королевским двором.

5. Должны быть разработаны и уточнены права и государственные обязанности всех правительственных учреждений и Государственного совета.

По программе Иноуэ все государственное управление Кореи должно было быть перестроено с тем, чтобы облегчить и максимально ускорить исполнение основной цели захватчиков — превращение Кореи в японскую колонию. Японский милитарист — посланник Иноуэ под видом «заботы» о корейских финансах, армии, просвещении, улучшении работы провинциальных учреждений стремился подчинить всю страну японскому влиянию.

Среди 20 «реформ» Иноуэ гораздо меньше законов чисто декларативного характера, чем в постановлениях Высшего военного совета, который пытался показать «действительное» желание Японии помочь «отсталой» соседке выйти на «путь цивилизации». Эти соображения уже меньше беспокоили японских захватчиков, так как слишком ясно было благосклонное отношение США и Англии к японскому хозяйничанию в Корее. Сообразно с основной задачей подчинения центрального и провинциального административного аппарата японцам 20 «реформ» Иноуэ можно разбить на следующие группы [1]:

1. Реформы, направленные на отстранение королевы и Тэвонгуна от управления страной (отделение государственных дел от королевского двора), т. е. создание централизованного аппарата власти, что значительно облегчило бы задачу подчинения страны японскому влиянию.

2. Реформы по реорганизации государственного аппарата и армии.

3. Реформы, направленные к предотвращению срыва японских планов колонизации страны и укреплению влияния японцев в Корее. Пополнение и реорганизация полицейских сил. Выработка дисциплинарных уставов для различных ведомств. Ограничение полномочий провинциальных чиновников и расширение власти центрального правительства. Запрещение фракций в чиновничьей среде. Использование иностранных

---

[1] В списке «реформ» особо отмечено ограничение власти провинциальных чиновников, так как на местах японские приказы открыто игнорировались. Борьбе с антияпонскими настроениями в кругах чиновников Иноуэ уделял большое внимание.

экспертов при ведомствах. Введение иностранного законодательства. Посылка за границу (подразумевается в Японию.— *Г. Т.*) молодых людей для повышения образования, иными словами, создание прояпонских кадров [1].

Таким образом, японское правительство всячески стремилось укрепить свое влияние в Корее, поставить под японский контроль финансы, полицию, армию, провинциальное чиновничество, увеличить аппарат японских советников, создать новые кадры японской агентуры из числа корейских янбаней, обучавшихся в Японии.

ПОРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ АРМИИ

Одновременно с разработкой программы «реформ» колонизаторы приняли решительные меры для подавления крестьянского движения. Сила народного гнева против корейских феодалов и иноземных захватчиков вселяла страх корейским янбаням, которые, по свидетельству корреспондента «Дальнего Востока», боялись выехать из столицы [2]. В октябре 1894 г. передовые отряды крестьянской армии приближались к Сеулу [3]. Бойцы крестьянской армии и многочисленных партизанских отрядов, действующих в стране, в боях с правительственными войсками проявляли исключительный героизм. По словам русского корреспондента, массовый характер народного движения создавал впечатление, что более половины корейского народа на всем полуострове восстало [4].

Таково было положение в стране в октябре 1894 г. Корейские правительственные войска были оснащены новейшим японским оружием и присоединены к японским частям. После этого новый посланник вновь начал наступление на крестьянскую армию.

3 ноября второе столкновение народных отрядов с японскими частями в районе Иып окончилось отступлением японцев с большими потерями к городу Нонсан. Бои в районе Иып длились 8 суток. Иноуэ, видя, что подавление восстания сопряжено с большими трудностями, создал так называемые «отряды самообороны». В эти отряды вербовались в качестве ополченцев помещики, чиновники, купцы, а также воры и другие деклассированные элементы. Отряды самообороны рыскали по всей стране и под предлогом борьбы с восставшими грабили

---

1 См. Villetard de Laguerie. La Corée independente, russe on japonaise. Париж, 1898, стр. 215—222.

2 «Дальний Восток», 6 ноября 1894 г.

3 Там же.

4 Там же.

мирных жителей. Не ограничиваясь созданием отрядов самообороны, Иноуэ затребовал из Японии дополнительные военные силы для подавления восстания и перебросил с этой целью отряд японских солдат из Инчона [1].

23 ноября пополненные японские части, объединившись с правительственными войсками в районе Кончжу (Чунчондо), остановили крестьянскую армию и после тяжелых сражений начали зверскую расправу с ней. Кровопролитные бои происходили у городов Кончжу, Унчжин, Учумсан, деревень Иып, Сосан, Хончжу. Бойцы крестьянской армии проявили образцы героизма, но на стороне карательных отрядов, снабженных оружием из американских и английских арсеналов, были все преимущества военной техники. Под напором японских и правительственных частей народные отряды отступили на юг и продолжали борьбу в южной части Чунчондо и в провинции Чолладо. Последним опорным пунктом сопротивления крестьянской армии был город Нонсан, где повстанцы удерживались в течение 11 дней [2].

Вожди крестьянской армии — Чжон Бон Чжюн и его ближайшие сподвижники — после падения Нонсана рассредоточили армию и, разделив ее на мелкие отряды, скрылись в небольшой деревушке уезда Сунчан. Но по доносу одного из главарей местного отделения секты тонхак 9 декабря Чжон Бон Чжюн и ближайшие его помощники Ким Дюк Мён и Чюн Кён Сон были взяты в плен [3]. Сон Бён Хи сумел использовать создавшееся положение и захватить руководство крестьянской армией. После ареста Чжон Бон Чжюна он фактически способствовал поражению крестьянских отрядов.

Войска японских захватчиков при подавлении восстания проявили жестокость палачей. Широкой рекой лилась крестьянская кровь. В деревнях происходила зверская расправа с участниками восстания. Японцы и их наймиты из числа корейских реакционеров с остервенением убивали крестьян вместе с их семьями, сжигали их жилища. В Сеуле был устроен суд над Чжон Бон Чжюном. На все вопросы судей Чжон Бон Чжюн отвечал, что основную причину восстания он видел в борьбе с Японией, продажными чиновниками и помещиками. «То, что ваша страна,— сказал Чжон Бон Чжюн, обращаясь к японскому консулу,— под предлогом распространения идей цивилизации, ничего не объяснив народу, без объявления войны, безрассудно ввела войска, заняла дворец, отстранила от дел его величество,— это возмутило даже крестьян-патриотов,

---

[1] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 356.
[2] «История освободительной борьбы корейского народа», стр. 135.
[3] Там же.

которые знали, в чем состоит их долг. Они объединились и единой их целью стала борьба с вашей страной». На вопрос судьи, что он понимает под учением тонхак? Чжон Бон Чжюн ответил: «верноподданность, спасение страны и служение народу». Чжон Бон Чжюн отказался принять предложение судьи и признаться в своих преступлениях перед правительством, что могло бы быть признано смягчающим вину обстоятельством [1]. Захватчики приговорили Чжон Бон Чжюна к смертной казни. Головы казненных вождей восстания были посажены на колья и выставлены по дорогам.

Подавление крестьянской армии, казнь лучших сынов корейского народа — народных вождей, пытки, преследования — все это не могло заставить народные массы прекратить борьбу. Остатки крестьянских отрядов объединялись и продолжали партизанские действия против врагов корейского народа — японских захватчиков, помещиков и королевских чиновников. Многочисленные крестьянские партизанские отряды действовали по всей стране. Они внезапно нападали на гарнизоны японских и правительственных войск, наносили им серьезный ущерб и так же внезапно исчезали. Бесстрашные бойцы называли себя «армией справедливости» (Ыйбён). Это были продолжатели лучших революционных традиций героев крестьянской войны 1893—1895 гг.

Крестьянское восстание в июле — декабре 1894 г. (после ввода японских войск) обнаружило неисчерпаемые силы народа, поднявшегося на борьбу против иноземных захватчиков. Этот период крестьянского движения характеризовался большей организованностью крестьянских отрядов, многими успешными столкновениями с японскими войсками. В восстании сплотились все угнетенные классы корейского народа. Трудовое население деревень и городов стихийно выступало против японского владычества. Оно отказывалось исполнять правительственные указы, засеивать поля, торговать с японцами.

Солидарность угнетенных классов вызвала активизацию всех сил реакции в стране. Только объединенными усилиями японских и корейских правительственных войск, а также «отрядов самообороны» удалось подавить крестьянское восстание.

Если во втором периоде (декабрь 1893 — июнь 1894 г.) борьбы народных масс наблюдалось переплетение антифеодальных лозунгов с национально-освободительными, т. е. с требованиями изгнания из страны японцев, то оккупация страны японскими войсками и передача власти прояпонскому правительству выдвинули на первый план задачи борьбы за

---

[1] Кикути Кэндзё. Закулисная история современной Кореи, стр. 238—240.

независимость страны. Восстание, начавшееся вследствие феодального гнета, переросло в мощное антиимпериалистическое движение за спасение отечества от иностранных захватчиков. Восставший народ, борясь за изгнание японских захватчиков, продолжал выступать и против гнета феодалов. Повстанцы считали ответственными за японское засилье в Корее продажных предателей родины — корейских янбаней.

Корейские историки расценивают это крестьянское восстание в 1894 г., как «направленное против иностранных агрессоров и феодального строя внутри страны, первое массовое выступление крестьян. Оно заложило традиции народного движения сопротивления японским оккупантам и патриотической борьбы корейского народа против ненавистных американо-английских империалистических захватчиков» [1].

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И УРОКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ

Японские и правительственные войска жестоко расправились с крестьянским восстанием. Несмотря на ряд побед крестьянской армии, легендарную храбрость повстанцев, героическая борьба корейского народа закончилась поражением.

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»,— указывал И. В. Сталин [2].

Восстание объединяло все угнетенные классы корейского народа, но это был союз крестьянства и мелкобуржуазных элементов города — торговцев, ремесленников и «презираемых» без участия рабочего класса, так как в феодальной Корее конца XIX в. еще не сложился рабочий класс.

Религиозная секта тонхак не могла осуществлять действительное руководство революционным движением. Глава секты Цой Хе Воль проповедовал «смирение и почтительность» перед господствующими классами. Проповедники религиозной секты стремились помешать развертыванию революционной борьбы, ограничить ее петиционными рамками. Отсутствие единства в руководстве движением (так называемые северная и южная группы) ослабляло борьбу народных масс. Часто смелые, талантливые планы революционного руководства восстанием срывались из-за преступной деятельности группы Цой Хе Воля.

---

[1] «Новая Корея», 1951, № 10, стр. 56.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 112—113.

Восставшие не имели ясной программы действия. У них отсутствовали планы преобразования общества. Их лозунги возврата к «счастью» своих предков при предшествующих династиях были насквозь утопичны и вредны. Корейские повстанцы были «царистами». В своих манифестах, обращениях к королю они выступали против помещиков, но за «хорошего» короля. Повстанцы не могли понять, что без уничтожения феодального строя невозможно улучшение жизни угнетенных классов.

Наряду с прогрессивными целями борьбы крестьянских масс (борьбой с гнетом чиновничества, феодалов, проникновением иностранных капиталистов) необходимо отметить, что крестьяне в тот период враждебно относились вообще ко всем «новшествам», вводимым после проникновения в Корею иностранного капитала. Ненависть крестьянства и городской бедноты Кореи ко всем нововведениям после прихода в страну иностранных колонизаторов понятна, так как эти «новшества», проводимые правительством, тяжелым бременем ложились на плечи многострадального народа.

Однако стремление к сохранению «старины» тормозило развитие революционного движения, тянуло его назад.

Поражение крестьянского восстания не лишает его огромного политического значения. Движение крестьянства, городской бедноты, рабов, «презираемых» было стихийным протестом против прогнивших феодальных порядков и проникновения японского, американского и других иностранных капиталов, оно расшатывало феодальный строй и имело освободительный характер.

Слова вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна, что в «китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития» [1], можно полностью отнести и к характеристике крестьянского восстания в Корее. Крестьянская борьба в конце XIX в. в Корее подтачивала феодальный базис и являлась мощной движущей силой исторического развития.

Идеи тонхак о равенстве преломлялись в сознании крестьян, как стремление к равному распределению земли, к полному уничтожению всех феодальных повинностей. Эти утопические мечты о равенстве в эпоху феодализма имели революционное значение.

В. И. Ленин отмечал, что «при борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в

---

[1] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, Москва, 1953, стр. 141.

борьбе за землю является идея равенства,— и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков» [1].

Борьба народных масс Кореи, несмотря на ее религиозную оболочку, была революционной, классовой борьбой. «Если эта классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»,— замечает Энгельс в своем исследовании «Крестьянская война в Германии» [2].

Буржуазные фальсификаторы истории — японские, американские, английские и другие пытались извратить правду о героической борьбе крестьянских масс Кореи в 1893—1895 гг., представить это движение против иноземных колонизаторов как инспирированное японскими капиталистами для ввода их войск в Корею.

Попытки японской военщины использовать крестьянское движение в Корее в своих захватнических целях никак не могут умалить значение борьбы корейского народа, ибо она была направлена против японских колонизаторов. Не могут уменьшить заслуги восставшего народа и попытки представителей крупных янбаней установить связи с повстанцами и с их помощью, изгнав японцев, захватить власть в свои руки.

Корейские историки, характеризуя крестьянское восстание 1894 г., отмечают, что оно носило характер крестьянской войны, антифеодальной, антиимпериалистической и обнаруживало экономическую и политическую гнилость существующего строя [3].

Восстание корейского крестьянства нельзя изучать изолированно от крестьянских восстаний в Китае или крестьянских движений в Японии XIX в. Сравнивая восстание тайпинов, возникшее в 1850 г. в Китае, с восстанием 1894 г. в Корее, можно отметить ряд общих черт.

Мао Цзэ-дун писал о фазах китайской революции, что подготовительные этапы первой фазы «начались еще со времени опиумной войны 1840 года, то есть с того времени, когда китайское общество начало превращаться из общества

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 317.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

[3] См. Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи; «Новая Корея», 1951, № 10.

феодального в общество полуколониальное и полуфеодальное. На этом пути пройден целый ряд этапов, таких, как движение тайпинов»[1]. Эти слова Мао Цзэ-дуна могут быть отнесены и к обстановке в Корее к моменту начала крестьянской войны, которая также явилась этапом в развитии революционной борьбы корейского народа.

Отмечая общее в крестьянских восстаниях в Китае и в Корее, необходимо указать, что основной их движущей силой было крестьянство, к которому примыкали и другие угнетенные классы. Движение тайпинов в Китае и крестьянское движение в Корее были типичными средневековыми крестьянскими восстаниями, которые носили черты и старокитайских бунтов[2].

Учение тайпинов и тонхаков явилось религиозной оболочкой этих восстаний.

Борьба народных масс Китая и Кореи ослаблялась попытками оппозиционного дворянства использовать революционное движение в своих классовых целях.

Борьба между реакционным руководством религиозной секты и народными вождями в Корее и борьба между сторонниками Вэй Чан-хоя и Ян Сю-цина — вождя крестьянства в Китае, отражала глубокие классовые противоречия в разнородном по социальному составу движении и была одной из важных причин, способствовавших поражению восстания.

Крестьянское восстание в Китае, так же как и восстание в Корее, происходило в сложной обстановке борьбы иностранных держав за подчинение Китая и Кореи, превращение их в рынок сбыта и источник сырья. После неудачных попыток использовать движение народных масс в своих интересах (переговоры Англии об установлении торговых отношений с тайпинским государством и попытки японских капиталистов направить борьбу корейского народа против Китая) англо-французские войска разгромили тайпинскую армию, в Корее другой капиталистический хищник — Япония — в крови потопил крестьянскую армию.

Тайпинское восстание носило черты антифеодального крестьянского движения, но было направлено также и против иноземных захватчиков. В восстании 1894 г. в Корее, хотя и переплетались антифеодальные и национально-освободительные лозунги, но вторжение многовековых врагов корейского народа — японских милитаристов и их армий на территорию Кореи придало движению народных масс ярко выраженный национально-освободительный характер.

Крестьянское восстание 1893—1894 гг. навсегда останется

---

[1] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 3, стр. 207.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 162.

славной страницей в истории Кореи. Это восстание, несмотря на его стихийность, неорганизованность, было одним из важных этапов национально-освободительной борьбы корейского народа за свободную демократическую Корею.

ХОЗЯЙНИЧАНИЕ ЯПОНСКИХ КОЛОНИЗАТОРОВ В КОРЕЕ

Японские захватчики, подавив крестьянское восстание, приступили к реорганизации правительства. Для осуществления своих колонизаторских планов им необходимо было создать в Корее крепкий прояпонский аппарат власти. Правительство же, созданное 23 июля, кроме премьера Ким Хон Чжипа и его сторонников, состояло из ставленников Тэвонгуна и уже недостаточно послушно проводило японскую политику. 17 декабря был опубликован эдикт о формировании нового правительства, членами которого назначались только японские агенты. Премьер-министром остался верный японский слуга Ким Хон Чжип [1].

В созданном колонизаторами правительстве министерские портфели были предоставлены также корейским янбаням, известным проамериканскими взглядами. Американский министр Силл в донесении государственному секретарю Грешему с удовлетворением отмечал, что министром юстиции назначен Со Кван Бом, недавно вернувшийся из Америки. Министр просвещения Пак Чжон Ян был корейским посланником в Вашингтоне, Юн Ун Ёль, получивший место инспектора полиции, около 10 лет прожил в Америке и работал переводчиком в сеульской миссии Соединенных Штатов. Че Чжа Ён — заместитель министра сельского хозяйства и торговли и Ли Ван Ён — заместитель министра иностранных дел были корейскими поверенными в делах в Вашингтоне. Силл выражал уверенность, что именно этот кабинет «облегчит тяжелое положение Кореи» [2].

Объединение японских и американских агентов в кабинете, созданном Иноуэ, не случайное явление. Правящие круги США рассчитывали, что при экономической слабости агрессивной Японии они сумеют использовать ее как таран, расчищающий

---

[1] Остальные министерские портфели получили: Ю Киль Чжюн — заместителя премьер-министра, Пак Ён Хё — министра внутренних дел, Со Кван Бом — юстиции, Чо Хы Ён — военного министра, Син Гый Сон — общественных работ, Ом Се Ён — сельского хозяйства и торговли, Э Юн Чжюн — финансов, Ким Ён Сик — иностранных дел, Пак Чжон Ян — просвещения, Ли Чжэ Мён — двора. Вице-министры были также из прояпонской клики («The Korean Repository», 1895, стр. 96).

[2] FRUS, 1894—1895, Силл — Грешему 18 декабря 1894 г., стр. 84.

путь в Корею и Китай для американского капитала. Поэтому организация прояпонского кабинета и совместная деятельность «прогрессистов» с «американскими корейцами»[1] естественно соответствовали захватническим планам США. Не случайно представители клики «прогрессистов», изгнанные в 1884 г. из Кореи как политические преступники и предатели интересов своего народа, нашли гостеприимный приют не только в Японии, но и в Соединенных Штатах. После захвата власти японскими милитаристами изменники возвратились на родину. Корейские янбани, прибывшие из США, составили так называемую «американскую партию». Возглавил ее Со Чжэ Пхиль, принявший американское гражданство и более известный под именем Филиппа Джесона[2].

Одновременно с созданием нового кабинета был опубликован эдикт о роспуске Высшего военного совета и создании нового Государственного (тайного) совета. Государственный совет представлял собой совещательный орган из 40 человек. Совет должен был обсуждать все важнейшие государственные дела. Государственный совет включал только ярых японофилов и представителей так называемой «американской партии»[3]. Глава американских наемников Со Чжэ Пхиль был назначен (на 10 лет) советником при Государственном совете.

Таким образом, все вновь образованные правительственные учреждения целиком перешли в руки японских или американских агентов.

Проамериканская «партия» по всем вопросам была солидарна с японофилами. Она, так же как и японофилы, требовала проведения «реформ», провозглашала «необходимость насаждения в Корее основ западной цивилизации» и считала Японию призванной осуществить «исторические преобразования» в Корее. Этими громкими фразами прикрывались американские агенты, продававшие интересы народа. В 1884 г. они были изгнаны как японские шпионы, а в 1894 г. возвратились «приверженцами» американского капитала. Они служили теперь новому хозяину и получали плату не японскими иенами, а американскими долларами.

Колонизаторы, организовав новое прояпонское правительство и Государственный совет, решили провести церемонию

---

[1] Так называли буржуазные историки корейцев, долгое время живших в США и хорошо знавших английский язык.

[2] Со Чжэ Пхиль участвовал в прояпонском заговоре 1884 г. и бежал сначала в Японию, а потом в США, где принял американское подданство, окончил колледж и университет. Получил степень доктора медицины. Пробыл в США 11 лет.

[3] В 1896 г. в Государственном (тайном) совете начал свою предательскую деятельность враг корейского народа, ставленник японских капиталистов — Ли Сын Ман.

клятвы короля перед алтарем предков в верности «реформам». Эта процедура должна была убедить народные массы, что идея проведения «реформ» действительно исходит от короля. Клятва состояла из 14 пунктов и почти не отличалась от 20 требований Иноуэ, выставленных ранее. Вновь подчеркивалось расторжение связей с Китаем, изолирование королевы от вмешательства в дела государства, пересмотр налоговой системы, установление связей с Японией и т. д. [1]

Однако совершение обряда клятвы так же, как и все прочие «мероприятия» захватчиков, не обманули корейский народ.

После образования марионеточного правительства и провозглашения клятвы, на которую японские колонизаторы возлагали большие надежды, последовало торжественное сообщение об изменении титула короля. Вместо титула ван — владетельный князь, он с 12 января 1895 г. стал носить титул короля. Новый титул ставил корейского короля рангом выше обычных королей — вассалов китайского императора. Иноуэ, настаивая

---

[1] Клятва короля:

1. Мы оставляем всякую мысль о подчинении Китаю.

2. Порядок престолонаследия в королевской семье будет установлен законом.

3. Король будет лично решать все государственные дела и выслушивать министров. В решение дел государственной важности не должны вмешиваться ни королева, ни другие члены королевской семьи.

4. Дела королевского дома должны быть строго отделены от дел государственных.

5. Должны быть строго разграничены права и обязанности кабинета в целом и различных министров.

6. Уплата народом различных налогов будет определена законом, произвольное увеличение размера взимаемого налога не должно иметь места.

7. Министерство финансов должно ведать раскладкой, распределением и сбором налогов.

8. Королевский дом сократит расходы и тем самым покажет пример бережливости министрам и провинциальным чиновникам.

9. Для правильного распределения расходования доходов ежегодно будет разрабатываться смета расходов королевского двора и различных государственных учреждений.

10. Для точного определения функций провинциальных чиновников будут подвергнуты пересмотру соответствующие законы.

11. Интеллигентные молодые люди будут посылаться за границу для изучения иностранных наук и ремесел.

12. Для создания правильной военной системы будет произведено обучение офицеров и призваны в армию солдаты.

13. Будут четко сформулированы законы гражданские и уголовные. Устанавливается, что тюремным заключениям или штрафам можно подвергать только в случаях, предусмотренных законом.

14. На государственные должности будут назначаться независимо от происхождения и приняты меры к тому, чтобы привлечь на службу действительно способных людей, как проживающих в Сеуле, так и в провинции. (См. «Описание Кореи», т. 1, стр. 48—49.)

на принятии корейским королем нового титула, считал, что этим подчеркиваются заслуги Японии в «возвышении» Кореи.

Японский посланник после проведения торжественных церемоний приступил к осуществлению «реформ», что означало укрепление японского контроля над всеми государственными учреждениями. Особое внимание Иноуэ обратил на реорганизацию полиции и армии и прикомандирование японских советников ко всем учреждениям. Несмотря на кровавый террор, царивший в стране, захватчикам не удалось сломить сопротивление корейского трудового народа. Страна попрежнему была охвачена крестьянскими восстаниями. Не прекращали героическую борьбу партизанские отряды Ыйбён.

Пресловутая «реорганизация» корейской армии сводилась к подчинению всех военных сил центральному правительству, т. е. военному министру Чо Хы Ёну, наемному слуге японских захватчиков, и насаждению в корейской армии военных инструкторов-японцев. Деятельность посланника Иноуэ по «реорганизации» армии натолкнулась на сопротивление Минов, которые понимали, что подобная «реорганизация» фактически передавала в руки захватчиков все военные силы Кореи. Они сумели добиться выделения из армии четырех полков, которые и составили личную королевскую охрану. Эти полки находились в ведении американского генерала. Остальная часть корейской армии фактически оставалась под контролем японцев. Они вводили новые уставы, форму, тактику, увольняли старых корейских солдат, офицеров и набирали новых. Посланник Иноуэ не довольствовался этим и требовал подписания указа о создании специального отряда под названием хульлёндэ.

В декабре 1894 г. был подписан указ об организации особого отряда хульлёндэ в составе 1000 человек. Этот отряд находился целиком в ведении японских офицеров. Солдаты хульлёндэ набирались из деклассированных элементов, которые за деньги готовы были пойти на любые преступления.

Реорганизация коснулась и полиции. В Сеуле были увеличены полицейские силы (около 630 полицейских, 30 сержантов и инструкторов). В каждом из открытых портов созданы дополнительные полицейские отряды [1].

Японские захватчики навязывали корейскому правительству контракты на строительство железных дорог, телеграфных линий, приисков и т. д. В Токио особое значение придавали строительству железных дорог. Ито, инструктируя Иноуэ, просил форсировать постройку железной дороги Сеул — Инчон. Японский премьер-министр писал своему другу: «Как Вам

---

[1] См. Wilkinson. The Korean Government.

известно, постройка железной дороги в Корее необходима и с точки зрения военной»[1]. Глава японской военщины — маршал Ямагата сообщал из Кореи: «Самым неотложным является прокладка железных дорог. Вопрос этот связан не только с нашими правами в будущем, но и будет содействовать успехам в настоящее время»[2].

Ямагата призывал к строительству железных дорог, необходимых для колонизации страны. «Постройка желдорог,— писал В. И. Ленин,— кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»[3].

Японские захватчики принимали срочные меры для восстановления путей сообщения, разрушенных во время японо-китайской войны. Русский ученый-географ Лубенцов, посетивший Корею по окончании войны, отмечал, что японцы с поразительной поспешностью восстанавливали шоссейные дороги, телеграфные линии (Пусан — Сеул, Сеул — Ычжу, Сеул — Вонсан) и проводили новые линии из Вонсана на север[4]. Лубенцов повсюду на севере Кореи видел сотни рабочих, исправляющих дороги и прокладывающих телеграфные линии. Так, в Вонсан были согнаны тысячи рабочих-корейцев, которые на руках перетаскивали телеграфные столбы[5].

Колонизаторы разработали проект предоставления Корее крупного японского займа. Корейская казна была совершенно опустошена грабежом чиновников и японскими «реформами». Поэтому им очень легко было обосновать необходимость предоставить заем и изобразить это как «бескорыстную заботу» Японии о Корее.

21 февраля 1895 г. премьер-министр Ито произнес в японском парламенте речь, в которой предлагал членам парламента санкционировать предполагаемый заем в 3 млн. иен[6].

---

[1] «Биография Ито», т. 3, стр. 103. Ито — Иноуэ, 1 ноября 1894 г.
[2] «Биография Ито», т. 3. Ямагата — Ито, 27 сентября 1894 г.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 178—179.
[4] А. Г. Лубенцов. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи, стр. 40—41.
[5] Там же, стр. 86.
[6] FRUS, 1894—1895, стр. 104.

22 февраля 1895 г. японский парламент утвердил заем. Для скорейшего заключения соглашения о займе в Корею был направлен член палаты пэров Суэмацу. Уже в самом начале переговоров выяснилось, что означала на деле «бескорыстная» помощь Японии. Это был типичный кабальный договор, единственной целью которого являлось усиление финансовой и экономической зависимости страны. Японский представитель требовал в качестве обеспечения за заем налоговые сборы, что означало японский контроль над всеми доходами страны. После длительных переговоров 30 марта было подписано соглашение. Заем предоставлялся на пять лет, причем с уплатой ежегодно 6% и обеспечением за счет поступлений поземельного налога и таможенных пошлин [1]. Введение аппарата японских советников, отправка на учебу в Японию молодых дворян, реорганизация государственных учреждений, армии, полиции и, наконец, предоставление займа — все это было единой линией захватнической политики, которую проводило японское правительство.

Японские захватчики и их корейские пособники не смогли добиться подчинения корейского народа. Деятельность Иноуэ укрепила власть японцев в Сеуле, но в провинциях их положение оставалось попрежнему очень шатким. Японские «реформы» повсюду проваливались, наталкиваясь на решительное сопротивление всего корейского народа — от крестьянина-бедняка до мелкого провинциального чиновника.

ПОЗИЦИИ АНГЛИИ, США И ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ СИМОНОСЕКСКОГО МИРА

Английское правительство в период развязывания японо-китайской войны поддерживало японских захватчиков. Барон Суэмацу признавал, что «в войне нашей с Китаем в 1894—95 гг. Англия в общем дружелюбно относилась к Японии» [2]. «Новое время» отмечало, что «в своих описаниях вооруженных сил богдыхана и микадо пресса эта (английская.— *Г. Т.*) явно преувеличивает цифру и боевую готовность японцев» [3]. Газета «Таймс» проводила параллель между Англией и Японией и пророчила Японии ту же роль на Дальнем Востоке, какую Англия играет в Европе. «Таймс» писала: «...Мы должны поддержать Японию и устранить вмешательство других держав в японо-китайскую войну» [4].

---

[1] См. «Описание Кореи», т. 2, стр. 462.

[2] А. Стэд. Японцы о Японии, гл. Суэмацу. «Дальневосточный вопрос», стр. 494.

[3] «Новое время», 1 июля 1894 г.

[4] Цит. по «Новое время», 14 сентября 1894 г.

Параллельно со стремлением английских капиталистов использовать военные победы Японии для усиления собственного влияния на Дальнем Востоке, а также разжечь японо-русские противоречия, британский кабинет боялся утратить влияние на маньчжурское правительство и опасался, что в ходе войны Россия сможет усилить свои позиции на Дальнем Востоке. Руководствуясь этими соображениями, Англия в октябре 1894 г. обратилась к державам с предложением о вмешательстве и выдвинула следующие условия мира: 1) уплата Китаем контрибуции Японии и 2) «независимость» Кореи, гарантируемая державами [1], иными словами, условия, которые отвечали японским захватническим планам.

Выступление английского правительства в роли умиротворителя было продиктовано также стремлением сыграть роль арбитра и тем самым сохранить свое господство на Дальнем Востоке.

Американский госдепартамент поддерживал захватнические планы японских милитаристов. Обозреватель «Нового времени» отмечал, что «судя по последним статьям американских газет... северо-американская пресса решительно принимает сторону Японии и заявляет, что союз (Соединенные Штаты.— *Г. Т.*) никак не может допустить, чтобы Япония была лишена плодов побед, одержанных ею в справедливой войне» [2].

В ответ на предложение английского правительства о совместном вмешательстве держав для прекращения военных действий, государственный секретарь США Грешем ответил, что он (президент.— *Г. Т.*) не может присоединиться к объединенному вмешательству Англии, Германии, России и Франции, как ему было предложено [3].

3 ноября 1894 г. цзунлиямынь обратилось к США с просьбой повлиять на японское правительство. В послании государственному секретарю Грешему китайские дипломаты цитировали параграф из американо-китайского договора 1858 г., где указывалось, что «если какая-либо другая нация будет действовать несправедливо или оказывать давление (на Китай.— *Г. Т.*), Соединенные Штаты, будучи информированы о происходящем, приложат все усилия, чтобы конфликт был разрешен на основе сердечного соглашения». Китайские дипломаты указывали, что «так как сейчас Китай находится в затруднительном положении, то представился случай для Вас проявить дружеское отношение. Если Ваше правительство вмешается, чтобы предотвратить войну и сохранить мир, это будет

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 70. Госшем — Грешему. 6 октября 1894 г.
[2] «Новое время», 1 октября 1894 г.
[3] FRUS, 1894—1895, стр. 70. Грешем — Госшему. 12 октября 1894 г.

величайшей услугой для нас, счастьем для всего Китая...»[1]. Оставаясь верным своей политике поощрения японских захватнических действий в Корее и Китае, правительство США в ответ на обращение цзунлиямынь предписало своему представителю в Токио Дюну: «Если борьба продолжится без особых затруднений для военных операций, проводимых Японией на суше и на море, что весьма возможно, и другие державы, имеющие интересы в этом районе, будут требовать решения, неблагоприятного для безопасности и благополучия Японии, то, выражая самые искренние дружеские чувства в отношении Японии, президент приказал внести предложение в интересах мира обеих уважаемых наций, но с условием, чтобы предложение было приемлемо для токийского правительства»[2].

В приведенном выше документе, так же как и во всей американской опубликованной документации, правительство США нисколько не скрывало своей поддержки японской агрессии. Присоединение к совместному вмешательству держав не входило в планы американских империалистов, так как это вмешательство должно было ограничить японскую агрессию в Китае. Словесное заявление японского министра иностранных дел американскому посланнику в Токио о том, что императорское правительство не потерпит ограничения побед Японии, одержанных ею «в справедливой войне», было с удовлетворением воспринято госдепартаментом[3]. 24 ноября государственный секретарь Грешем в письме к представителю США в Китае Денби сообщал, что в ходе бесед между президентом и японским послом «благожелательные действия президента были полностью поняты и оценены Японией[4].

Правительство США, несмотря на существование договорных обязательств перед Китаем и Кореей[5], оставалось совершенно безучастным к просьбам правительств Китая и Кореи об оказании давления на зарвавшихся японских милитаристов.

Политический курс госдепартамента США в период японо-китайской войны, так же как и во все предшествующие годы, сводился к поддержке японской агрессии в Китае и Корее.

Правительство России в этот период, так же как и накануне японо-китайской войны, продолжало сохранять свою прежнюю

---

[1] FRUS, 1894—1895, стр. 73—74. Текст американо-китайского договора 1858 г. См. «Treaties and conventions etc. between China and foreign States». Шанхай, 1917, стр. 713. Цит. § 1 договора.

[2] FRUS, 1894—1895, стр. 73—74.

[3] Там же, стр. 79. Токио, 17 ноября 1894.

[4] Там же, 24 ноября 1894.

[5] Американо-корейский договор 1882 г. и американо-китайский договор 1858 г.

позицию в корейском вопросе. В письме Гирса русскому посланнику в Китае от 4 августа 1894 г. указывалось: «...корейский вопрос, возникший, так сказать, у нашего порога, в соседстве с нашей Приморской областью, касается нас самих. Мы, однако, преследуем лишь две цели: 1) умиротворение распри между правительствами Китая и Японии; 2) охрану наших собственных интересов... Императорское правительство постоянно руководствуется задачей не увлекаться односторонними предложениями той или другой из двух враждующих между собой на Крайнем Востоке держав и не втягиваться вслед за ними в пристрастную оценку положения вещей... Мы вовсе не жалеем... о том, что мы отклонили сделанное нам Ли Хун-чжаном через Вас предложение вмешаться непосредственно в вопрос о внутренних реформах в Корее и принять на себя авторитетное посредничество в пользу существующего статус-кво, т. е., как это естественно понимал Ли Хун-чжан, в пользу Китая» [1]. Министерство иностранных дел ясно видело, что «реформы» служат только предлогом, выдвинутым Японией для оправдания войны с Китаем, но не желало своим вмешательством в этот конфликт на стороне Китая подвергать себя риску осложнений с Японией. Заседание особого совещания кабинета министров 9 августа 1894 г. также пришло к выводу, что:

«1. Признавая активное вмешательство России в китайско-японскую войну не отвечающим нашим интересам, совещание полагает, что нам следует продолжать держаться в корейском вопросе образа действий совместно с другими заинтересованными державами и употреблять усилия к тому, чтобы склонить воюющие стороны к скорейшему прекращению военных действий и к разрешению корейского вопроса дипломатическим путем.

2. Особого заявления о нейтралитете не делать. Продолжать внушать японскому и китайскому правительствам уважение к нашим интересам и в особенности обращать их внимание на необходимость избегать всего, что могло бы подать повод к недоразумениям на нашей границе с Кореею.

3. Иметь в виду как желательный исход корейско-японской войны сохранение статус-кво в Корее» [2].

Все возрастающий интерес царской России к Маньчжурии в связи со строительством Сибирской железной дороги, опасность проникновения Японии в Маньчжурию и угроза ее появления на русских границах толкали царизм на попытки сговора с английскими империалистами.

Следуя этой политике, царское правительство, как накануне, так и в период японо-китайской войны, делало неоднократные

---

[1] «Красный архив», т. 50—51, стр. 58—59.

[2] «Журнал Особого совещания» (21) 9 августа 1894 г. «Красный архив», т. 52, стр. 66.

заявления японскому правительству о необходимости прекращения военных действий и было готово присоединиться ко всем проектируемым Англией выступлениям держав.

20 января 1895 г. в Петербурге вновь состоялось совещание в связи с японо-китайской войной. Целью совещания было «обсудить те меры, которые нам следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке как ввиду настоящего хода китайско-японской войны, так и ввиду предстоящих переговоров Китая с Японией о заключении мира» [1]. На совещании было отмечено, что «более всего наши интересы были бы задеты, если бы Япония завладела Кореей». Начальник Главного штаба отметил, что «России делать какие-либо захваты пока не следовало, чтобы не дать повода Англии к еще бóльшим захватам, но необходимо употребить усилия к сохранению независимости Кореи» [2]. После обсуждения было принято следующее решение: «1) Увеличить нашу морскую эскадру в водах Тихого океана до таких размеров, чтобы наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее японских... 2) Поручить министерству иностранных дел попытаться войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно же с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. *При этом министерство иностранных дел должно иметь в виду, что главная цель, которую мы должны преследовать,— это сохранение независимости Кореи.* 3) Если бы попытка соглашения с Англией и другими державами на вышеизложенных основаниях не увенчалась успехом и потребовалось бы допустить, примерно, совместную гарантию корейской независимости иностранными державами», то необходимо было бы обсудить этот вопрос на новом совещании [3].

На заседании также подчеркивалось, что западноевропейские державы и США «будут довольны, если Япония захватит Корею и разовьет ее, так как это было бы выгодно для их коммерческих интересов... Англия охотно согласится защищать интересы Китая, но никак не независимость Кореи, в каковой независимости она прямо не заинтересована» [4].

Как уже отмечалось, стремление русского царизма отстаивать статус-кво в Корее диктовалось в первую очередь слабостью царизма на Дальнем Востоке, а не уважением к сувере-

---

[1] «Красный архив», т. 52, стр. 67.
[2] Там же, стр. 69.
[3] Там же, стр. 73—74. (Курсив мой.— *Г. Т.*)
[4] Там же, стр. 72.

нитету соседнего государства. Тем не менее следует признать, что независимо от мотивов позиция царского правительства в японо-китайской войне отвечала интересам Кореи как самостоятельного государства.

Финансовая и военная слабость мешала царскому правительству перейти к проведению более активной империалистической политики на Дальнем Востоке. Этим объясняется боязнь выступить самостоятельно в корейском вопросе и стремление всячески избежать каких-либо осложнений в отношениях с Англией и Японией. Поэтому правительство царской России отклонило предложения, которые выдвигались на совещании 20 января 1895 г. об оккупации острова Каргодо и порта Лазарев, несмотря на то, что угроза подчинения Кореи Японии, а также превращение ее в плацдарм для агрессии в Сибирь или насаждение там английского влияния серьезно волновали русское правительство.

Пока иностранные державы выжидали исхода японо-китайского конфликта, японские войска продолжали наступление. Китайское правительство еще в январе 1895 г. направило к японцам своих представителей, чтобы начать мирные переговоры. Но они не были приняты под предлогом недостаточности полномочий. 19 марта в Симоносеки прибыл Ли Хун-чжан и лишь тогда начались мирные переговоры. Японское правительство всячески пыталось оттянуть окончание переговоров. С этой целью было совершено покушение на Ли Хун-чжана, и лишь 30 марта было заключено соглашение о перемирии. Япония потребовала от Китая передачи ей Тайваня, Пескадорских островов, уплаты контрибуции в 200 млн. таэлей, признания Китаем «независимости» Кореи, открытия ряда новых портов (Шаши, Сучжоу, Ханчжоу), разрешения на постройку промышленных предприятий в Китае и передачи ей Ляодунского полуострова. Правительства США и Англии весьма благожелательно отнеслись к грабительским требованиям японского правительства, считая их удобным поводом для собственных захватов. Приобретение Японией континентальных владений на границе с Россией и Китаем было наруку английским и американским империалистам.

Захват Японией Ляодуна особенно затрагивал империалистические интересы царской России, так как Япония теперь без особого труда могла проникнуть и в Маньчжурию. Это обстоятельство вызывало серьезную тревогу царского правительства.

В записке министерства иностранных дел 25 марта 1895 г. указывалось: «Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее за-

мечаний; оно было бы постоянною угрозою против Пекина и даже против Кореи, коей независимость предполагается провозгласить»[1]

Японское правительство во время переговоров с представителем Китая Ли Хун-чжаном требовало предоставления Корее «независимости» от Китая, а не установления японского протектората или аннексии Кореи, что составляло истинную цель японских захватчиков. Это объяснялось тем, что до начала переговоров Россия заявила Японии, что она не допустит захвата Японией Кореи или какой-либо части ее территории[2]. Поэтому японским милитаристам пришлось ограничиться лишь требованием признания «независимости» Кореи от Китая.

Однако японские захватчики рассматривали предоставление «независимости» Корее как мероприятие сугубо временное и необходимое для полного закабаления страны и превращения ее в плацдарм для дальнейших захватов в Китае и на русском Дальнем Востоке.

В ходе японо-китайской войны снова обнаружились могучие силы корейского трудового народа, который поднялся на борьбу против иноземных захватчиков за свободу своей родины. Освободительная борьба корейского народа, не прекращавшаяся и после окончания японо-китайской войны и оккупации Кореи японскими войсками, оставалась главным препятствием на пути японских агрессоров, стремившихся к колонизации этой страны.

---

[1] «Красный архив», т. 52, стр. 74.

[2] См. «Красный архив», т. 50—51, стр. 30, 41.

Глава IV

УСТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА В КОРЕЕ ПОСЛЕ ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ

Заключение Симоносекского договора привело к серьезным изменениям в международной обстановке на Дальнем Востоке.

В. И. Ленин, оценивая обстановку на Дальнем Востоке после японо-китайской войны, писал: «Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии... Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии» [1].

Империалисты США и Англии намеревались использовать японские захваты в Китае для усиления своего проникновения в эту страну. Территориальные захваты Японии расценивались правящими кругами Англии и США как направленные против России и не угрожавшие их собственным колонизаторским планам. США, все более широко использовавшие японский рынок, рассчитывали с помощью Японии расширить и свое проникновение в Китай [2].

Занятие Японией Ляодуна создавало угрозу империалистическим интересам царской России. Захватывая Ляодун, Япония приобретала важный опорный пункт для воздействия на Корею, Китай, Маньчжурию [3]. Япония теперь начала проникновение в Маньчжурию, на которую зарилось также царское правительство. Помимо этого захват Ляодуна, несомненно, создавал угрозу всему русскому Дальнему Востоку.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 74.

[2] См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», стр. 85.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 33.

Однако японское правительство было вынуждено отказаться от Ляодуна под нажимом России, Франции и Германии. Это выступление трех держав вызвало в Японии подъем шовинистической пропаганды, разжигаемой и подогреваемой английской и американской буржуазной прессой. Отказ Японии от Ляодунского полуострова изображался в англо-американской и японской прессе как лишение победителя плодов победы.

Отступление Японии в Ляодунском вопросе разожгло реваншистские настроения милитаристской клики во главе с маршалом Ямагата. Японский парламент в конце 1895 г. утвердил огромную послевоенную программу увеличения морских и сухопутных сил. Эта программа создавала широчайшие возможности для осуществления захватнических планов японских капиталистов.

По окончании японо-китайской войны японские захватчики активизировали свои колонизаторские действия в Корее.

Экономические позиции японского капитала в Корее в период войны 1894—1895 гг. значительно усилились. К 1895 г. внешняя торговля Кореи была сосредоточена в руках японских купцов и торговых компаний. Китайские купцы, бежавшие из страны во время войны, больше не возвращались. В 1894 г. Корея поставляла 9,6% всего ввозимого в Японию риса, а в 1895 г.— 20,3%. В 1894 г. ввоз в Корею из Японии составлял 5,8 млн. долл., а в 1895 г.— 8 млн. долл. [1]

Все торговое и пассажирское пароходство как в корейских водах, так и между Японией и Кореей было монополизировано японской компанией «Ниппон юсэн кайся». Телеграфная линия Сеул — Вонсан и почтовая Сеул — Инчон, открытая 23 июля 1895 г., находились под полным контролем захватчиков. Японские чиновники, работавшие на почте и телеграфе, подвергали строжайшей цензуре всю корреспонденцию. Телеграммы, содержание которых казалось им подозрительным, просто не принимались под предлогом, что телеграф испорчен [2].

Захватчики настойчиво внедряли в денежное обращение японские иены. Но корейские торговцы и население отказывались их брать.

Попрежнему японские колонизаторы продолжали добиваться железнодорожных концессий. .Они строили планы вывоза в Корею капиталов и строительства железных дорог от Пусана к устью реки Амноккан.

---

[1] И. И. Стрельбицкий. Дополнительные таблицы о торговле Кореи. «Сборник материалов по Азии». Вып. 73, 1898, стр. 65—68.

[2] «Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 69, 1896 стр. 69.

Японо-китайская война принесла голод, нищету и разорение корейскому народу. Сожженные деревни, запущенные поля, разоренные города были ярким свидетельством результатов японского господства. Издевательства и грубое отношение к корейцам во время японо-китайской войны и после нее приняли такие формы, что это вынужден был признать даже Иноуэ, который в беседе с корреспондентом японской газеты «Нити-нити симбун» отметил, что «все японцы заносчивы и грубы в своих отношениях к корейцам... При малейшем недоразумении они пускают, без всякого стеснения, в ход кулаки. Для них совершенно обычное явление бросить корейца в реку или зарезать мечом.

При таких обстоятельствах было бы удивительно встретить у корейцев расположение к Японии и в этом виноваты сами японцы... они (японцы.— *Г. Т.*) очень нечестны, обманывают корейское правительство и народ, поставляя им негодные товары. Наученные горьким опытом корейцы, естественно, боялись покупать у японцев.

Обследование недавних закупок корейского правительства, сделанных у японских купцов, заставило бы ужаснуться любого порядочного человека» [1].

Японского посланника Иноуэ невозможно заподозрить в сгущении красок или попытках очернить японцев. Чтобы обрисовать действительное поведение этих «проводников цивилизации» в Корее, трудно подобрать подходящие эпитеты. Прояпонский историк Лонгфорд, описывая положение корейских крестьян после японо-китайской войны, сравнивает их с положением рабов-негров на южных плантациях в США [2].

Англичанин Гамильтон, горячий поклонник японской «цивилизации», в своей книге «Корея» вскользь замечает, что «после успешного окончания японо-китайской войны японцы стали очень заносчивы и грубы в обращении с корейским народом» [3]. Далее Гамильтон указывает, что военные победы и явились причиной, которая развила «важничание и эгоизм этих японцев в Корее... они жестоко тиранят корейцев. Теперь это грозит принять небывалые размеры». Тщетно пытаясь найти оправдание дикому произволу этих «реформаторов» в Корее, Гамильтон считает войну причиной наглого их поведения, стараясь скрыть, что и до 1894 г. японцы вели себя не лучше.

По окончании японо-китайской войны токийское правительство не собиралось выводить свои войска из Кореи. По

---

[1] J. H. Longford. The story of Korea, стр. 337—338.
[2] Там же, стр. 338.
[3] А. Гамильтон. Корея, стр. 124—125.

далеко не полным сведениям Карнеева и Михайлова, в японских казармах в Сеуле, расположенных близ королевского дворца, находилось 500 солдат. Кроме того, в японском квартале столицы было еще 200 солдат. Из офицеров, командного состава в Сеуле было два батальонных командира, 15 офицеров и «офицеры в партикулярном платье. В Пусане расположилось две роты около 400 нижних чинов» [1].

В районах близ Сеула и к югу от него насчитывалось 1380 японских солдат. В открытых портах и крупных провинциальных центрах юга были размещены японские гарнизоны [2]. На севере оставались японские части оккупационной армии (6-я дивизия), расквартированные еще маршалом Ямагата во время войны.

Но присутствие солдат оккупационной армии отнюдь не способствовало укреплению японского влияния в Корее. Поэтому токийское правительство спешно приступило к проведению ряда новых колонизаторских мероприятий: были удалены чиновники, заподозренные в симпатиях к России или Китаю. На их места назначали предателей, прислуживающих японцам.

По всей стране были разосланы специальные агенты, которые усиленно уверяли корейскую бедноту, что японцы сильны и поэтому для пользы Кореи будет лучше, если она добровольно подчинится Японии. Эти японские агенты появлялись в корейских городах и деревнях под видом мелких торговцев, скупщиков риса. Иногда японцы переодевались корейцами, но когда их узнавали, они вызывали только негодование и презрение со стороны корейских трудовых масс [3].

Особое внимание японский посланник уделял реорганизации корейской полиции. В результате этого корейская полиция стала фактически японской полицией, деятельность которой была направлена на борьбу со всякими проявлениями патриотизма и недовольства японской политикой [4].

Русский корреспондент газеты «Дальний Восток» отмечал резкое различие в положении королевских войск [5] и новой полиции. «Тогда как солдаты корейские (находящиеся во дворце по выбору самого короля) уже несколько месяцев не получают ни риса, ни денег, ни даже теплого платья... полиция

---

[1] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, 1901, стр. 122—124.

[2] Там же.

[3] «Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 69, 1896, стр. 71.

[4] «Дальний Восток», 1 марта 1895 г.

[5] 4 полка, составляющие личную королевскую охрану.

корейско-японская регулярно получает очень хорошее жалованье и прекрасно обмундирована в специально заказанную форму в Японии» [1]. Каждый кореец, любящий свою родину, был под угрозой ареста новой корейской полицией [2]. Японские власти планомерно увеличивали число полицейских во всех провинциальных центрах и открытых портах [3].

21 апреля по требованию посланника Иноуэ из Кореи в Японию послали еще 17 молодых янбаней для получения «высшего образования». К августу 1895 г. в Японии их насчитывалось уже около 300 [4].

Газета «Дальний Восток», комментируя отправку в Японию молодых корейцев, правильно отмечала: «...то, что вкореняется при помощи штыков и 12-дюймовых орудий, ни в коем случае нельзя назвать влиянием, а скорее страхом, террором, настолько же скоро проходящим, насколько скоро и появляющимся. Японцы, по всему видимо, прекрасно это знают, а потому и послали 300 интеллигентных корейских янбаней в Токио» [5]. Командирование в Японию отпрысков именитых дворянских фамилий должно было, по замыслам захватчиков, создать новые кадры японских агентов, воспитанных в духе, угодном японскому правительству.

Зверские пытки, которым подвергались корейцы, заподозренные в симпатиях к Китаю или России или проявившие какие-либо признаки недовольства японской политикой, вызывали глухое негодование даже в янбанских кругах. «Россиянин» [6] писал: «Видел я одного из мандаринов, над которым (проделаны.— *Г. Т.*) были опыты японо-корейского следствия: руки и ноги у этого злосчастного мандарина все еще плохо действуют и опухоль не совсем спала, чему причиной колодки, в которых его держали закованным в продолжении четырех дней подряд. На все мои соболезнования мандарин качал головой и говорил, что «цивилизации» с него довольно» [7].

Одним из средств, способствующих усилению японского влияния, захватчики считали проповедь буддизма в Корее. Поэтому они добились от короля разрешения проповедовать буддизм и право посещать Сеул буддийским монахам [8]. Буд-

---

[1] «Дальний Восток», 1 марта 1895 г.

[2] Там же.

[3] См. «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 125.

[4] «Дальний Восток», 22 августа 1895 г.

[5] «Дальний Восток», 30 августа 1895 г.

[6] Русский архитектор Середдин-Сабатин, состоявший на службе в корейском дворцовом ведомстве.

[7] «Дальний Восток», 8 марта 1895 г.

[8] «The Korean Repository», 1895, стр. 200.

дийские монахи — в большинстве японские шпионы — должны были осуществлять «идеологическую обработку» местного населения. Однако это мероприятие не принесло желаемых результатов, так как монахи не пользовались доверием, а вызывали лишь враждебные чувства у корейского народа.

После жесточайшего подавления крестьянского движения 1893—1895 гг., разгрома крестьянской армии и казни лучших сынов Кореи борьба трудового народа несколько ослабела. Войска японских захватчиков, нанесшие поражение крестьянской армии, были, однако, бессильны приостановить партизанскую борьбу корейского трудового народа против японских колонизаторов.

Корреспондент газеты «Дальний Восток», наблюдая положение в Корее, писал: «Если они (японские власти.— *Г. Т.*) думают, что когда-нибудь (даже в самом далеком будущем) корейцы примирятся со своей зависимостью от Японии, то они этого никогда не дождутся» [1].

Борьба народных масс против японских захватчиков и угнетателей народа — корейских феодалов вновь усилилась в середине 1895 г. Увеличилось число партизанских отрядов, которые возникали еще в 1894 г. в период крестьянского восстания. Бесстрашные борцы, спасшиеся от жестокого террора японских палачей, не сложили оружие. В стране росло и ширилось партизанское движение. Это движение носило название Армии справедливости, борьба которой носила справедливый освободительный характер [2]. Наиболее интересные хотя и далеко не полные (из имеющихся в нашем распоряжении) сведения о действиях Армии справедливости (Ыйбён) в эти годы имеются у русских путешественников и в русской дальневосточной прессе.

Это не была армия в обычном смысле слова. Повсюду — в самых глухих и отдаленных районах страны трудовые массы корейского народа боролись против иноземных колонизаторов. Часто они действовали поодиночке, иногда объединялись в небольшие группы, несколько групп сливались в отряд — и все вместе составляли народную Армию справедливости, армию борьбы за освобождение родины от японских колонизаторов.

Число бойцов в партизанских отрядах было самое различное (от 40 чел. и до 2 тыс.). Крупные отряды действовали на юге в районе Начжу (провинция Чолла) и Чэнчжу (провинция Кенсандо). В каждом из них насчитывалось около

---

[1] «Дальний Восток», 3 мая 1895 г.

[2] Особый размах действия Армии справедливости (Ыйбён) приняли в годы японского протектората 1905—1910 гг.

1000 человек [1]. На юге центр партизанского движения находился в районе Начжу, где сконцентрировались все уцелевшие от разгрома остатки крестьянской армии, руководимой Чжон Бон Чжюном. Русский путешественник Карнеев, посетивший штаб партизанского движения близ Начжу, сообщал, что все повстанцы были хорошо дисциплинированы, носили специальную форму — бамбуковые шляпы и черные куртки. В отряде проводилось обучение бойцов военной тактике [2].

Действия отрядов Армии справедливости внушали панический страх корейским янбаням и японским колонизаторам.

В марте 1895 г. корейские янбани боялись выезжать из Сеула в свои поместья, так как в провинциях действовали многочисленные отряды восставших крестьян и ремесленников [3].

Вновь поднялось антияпонское движение в провинции Хванхэдо, несколько затихшее после кровавого подавления в январе-феврале 1895 г. В конце марта повстанческими отрядами был занят город Чончжу. По всей провинции Чолла происходили стычки между отрядами бойцов Армии справедливости и правительственными войсками [4].

Особенно широкий размах носило движение в южных провинциях. Пытаясь несколько успокоить население юга, проянонское правительство решило «оказать помощь» населению. С этой целью было послано 5 тыс. мешков риса на о. Чечжюдо, где особенно сильно было антияпонское движение, и отпущено 12 тыс. долл. голодающим крестьянам [5].

В этот период и в северных районах страны продолжались выступления крестьянства и городской бедноты. Корреспондент «Дальнего Востока» сообщал, что по официальным

---

[1] См. «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 56.

[2] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 80. Карнеев так описывал свои впечатления от посещения штаба Армии справедливости: «У каждых ворот 7 музыкантов с длинными трубами и тарелками играли встречу. На валганге помещались бронзовые орудия от $1^1/_4$ до $2^1/_2$ дюймового калибра самого разнообразного устройства... Орудий всего было 100... Снарядом служат свинцовые сферические пули, которых насыпается от 30 до 50 в малую пушку и от 100 до 150 в большую... Лафетами этим орудиям служат бревна, вращающиеся в горизонтальной плоскости на кольях, вбитых в валганге. Так как орудия очень тяжелы относительно снарядов, то вся отдача поглощается телом орудия. Углы склонения определяются скатом стены, а углы возвышения придаются подкладыванием подушек под переднюю часть бревна».

[3] «Дальний Восток», 11 марта 1895 г.

[4] «The Korean Repository», 1895, стр. 159

[5] Там же, стр. 198.

сведениям, публикуемым в корейской газете, издаваемой японцами в Сеуле, народная борьба не прекращается. Отряды повстанцев появились уже между Пхеньяном и Сеулом [1]. В сентябре в Санвоне (провинция Пхенандо) выступили 600 повстанцев. В Пхеньян по требованию губернатора были посланы правительственные войска [2].

Мины, будучи давними противниками японского влияния в стране, видели единственное спасение в установлении прочных связей с Россией. В последние месяцы войны и особенно после заключения Симоносекского мира и выступления трех держав влияние группировки Минов значительно усилилось благодаря незатухающему антияпонскому движению народных масс и их прорусским симпатиям. Это создавало уверенность у части янбаней в непрочности положения захватчиков в Корее. Провал всех проводимых японцами мероприятий в результате сопротивления трудовых масс и большей части мелких провинциальных чиновников подтверждал это предположение.

Отступление Японии в ляодунском вопросе расценивалось корейскими янбанями, ориентирующимися на Китай и Россию, как проявление слабости Японии и силы России; диктаторская политика японских захватчиков вызывала недовольство у большинства чиновников.

Группировка королевы Мин значительно усилилась, а ряды прояпонски настроенных чиновников заметно поредели после раскрытия заговора, который тайно замышляли Тэвонгун и его внук Ли Чжун Ён. Внук старого регента обвинялся в стремлении захватить власть, убить короля и королеву. 19 апреля марионеточному правительству пришлось его арестовать. Ли Чжун Ён был сослан на отдаленный остров, 17 соучастников заговора приговорены к различным срокам тюремного заключения, 5 — к смертной казни. Сам Тэвонгун находился под домашним арестом в своем имении. По приказу короля были арестованы многие прояпонские деятели, обвиняемые в покровительстве заговорщикам.

В это же время король категорически отказался выдать японцам разрешение на постройку железной дороги Пусан — Сеул — Инчон и уволил военного министра Чо Хы Ёна, одного из японских агентов. Вслед за ними были уволены еще три японских ставленника — премьер-министр Ким Хон Чжип, министр финансов О Юн Чжун и министр иностранных дел Ким Ён Сик, что фактически означало падение марионеточного прояпонского правительства.

---

[1] «Дальний Восток», 3 мая 1895 г.

[2] «Дальний Восток», 21 сентября 1895 г.

Однако японские захватчики все же не собирались сдавать позиции, и во главе нового правительства вновь был поставлен старый друг японских колонизаторов министр внутренних дел Пак Ён Хе [1].

Вскоре был раскрыт заговор против Минов, который замышлял Пак Ён Хе и его сообщники. Немедленно был составлен приказ об аресте. Однако Пак Ён Хе был уже предупрежден о грозившей ему опасности и скрылся в японской миссии. Несмотря на требования корейского правительства о его выдаче, японская миссия отказалась сделать это. 7 июля бывший министр внутренних дел в сопровождении отряда японских солдат спокойно достиг Инчона и покинул Корею. Королевское правительство после бегства Пак Ён Хе опубликовало эдикт следующего содержания:

«Настоящим эдиктом мы указываем, что Пак Ён Хе с 1884 г. неоднократно совершал преступления и каждый раз они ему прощались. Мы полагали, что он ответит нам благодарностью, но оказалось, что он вновь готовит заговор, ввиду этого мы дали приказ строго его наказать. О чем и повелеваем сообщить всем нашим подданным» [2].

Новое разоблачение известного японского ставленника способствовало подъему антияпонских настроений в стране, которые нашли отражение и в русской прессе. Газета «Неделя» писала, что народ пытался «разгромить японское посольство. Японцы обвиняются в замысле захватить в плен короля, а Пака (Пак Ён Хе.— *Г. Т.*) называют их сообщником» [3]. Разоблачение нового японского заговора против правительства еще более пошатнуло положение захватчиков в Корее, что вынуждены были признать даже японские авторы.

Вслед за рескриптом о Пак Ён Хе последовали королевские приказы об увольнении прояпонски настроенных чиновников, обвиняемых в соучастии в его преступных замыслах. В числе их были уволены начальник полиции и несколько полицейских чиновников. Отставка полицейских чиновников и замена их новыми людьми из партии Минов означали, что, несмотря на наличие японских советников, полиция переходила под контроль группировки Минов. Одновременно их

---

[1] **Пак Ён Хе** — один из руководителей прояпонской клики янбаней («прогрессистов»). После прояпонского заговора против правительства Минов в 1884 г. бежал в Японию, где и провел 10 лет. В 1894 г. после захвата власти японскими колонизаторами Пак Ён Хе вернулся в Корею и по настоянию японского посланника был «прощен» королем. 17 декабря 1894 г. Пак Ён Хе был назначен министром внутренних дел в сформированном японцами правительстве.

[2] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 385.

[3] «Неделя», 13 августа 1895 г.

влияние с каждым днем заметно возрастало. Отстраненные от управления после захвата власти японцами 23 июля 1894 г. многочисленные родственники королевы возвратились в Сеул.

Еще 22 мая (вслед за отставкой военного министра) японский посланник Иноуэ телеграфировал в Токио министру иностранных дел Муцу о том, что в связи с создавшейся обстановкой необходимо уточнить политический курс японского правительства в отношении Кореи, т. е. предпринять какие-то срочные меры [1]. Муцу сообщил премьер-министру Ито об этой телеграмме. 4 июня на заседании кабинета рассматривалась представленная последним записка по корейскому вопросу. Основной смысл ее сводился к следующему: «Китай в результате нашей победы был вынужден признать полную независимость Кореи. Россия потребовала от нас признания независимости Кореи формально и фактически. В связи с этим мы должны временно приостановить вмешательство в дела Кореи...» [2]. Записка премьер-министра содержала весьма ценное признание, что Россия сдерживала действия Японии в отношении Кореи «формально и фактически». Глава японского правительства также признавал, что японцы вмешивались в дела Кореи, и был вынужден предложить временно прервать это вмешательство. Премьер-министр рассчитывал, что японская агентура в корейском правительстве настолько сильна, что справится и без явной поддержки из Токио.

Для более подробного выяснения положения дел из Кореи был спешно вызван Иноуэ. По приезде он сообщил министру иностранных дел Муцу, что обстановка в Корее складывается весьма неблагоприятно для Японии. «Русское правительство является очень серьезным соперником», так как «оно не допустит постоянной оккупации Кореи японскими войсками». По словам Иноуэ, японские «реформы», на которые были «затрачены огромные усилия, полностью провалились» [3].

22 июня состоялось заседание кабинета, одобрившее предложенный Ито курс [4]. Однако во время пребывания Иноуэ в Токио в Корее был издан указ об аресте японского ставленника Пак Ён Хе. Теперь уже не могло быть и речи даже о внешнем изменении прежнего курса или о том, чтобы «временно приостановить вмешательство в дела Кореи». Представители правящих кругов Японии настаивали на переходе

---

[1] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 387.

[2] «Биография Ито», т. 3, стр. 248. Докладная записка Ито от 4 июня 1895 г.

[3] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 379.

[4] «Биография Ито», т. 3, стр. 248—249.

к еще более агрессивной политике в Корее. Деятельность посланника Иноуэ, которого никак нельзя назвать сторонником полумер или «умеренной политики» в Корее, была признана недостаточной. Вместо Иноуэ новым посланником в Корею назначили Миура Горо. Иноуэ вновь отбыл в Сеул, чтобы сдать «дела» своему преемнику.

В этот период японские капиталисты активизировали борьбу за захват концессий на эксплуатацию природных богатств Кореи, прокладку железных дорог и т. д. При этом захватнические аппетиты японских колонизаторов столкнулись с подобного рода «притязаниями» американских капиталистов.

Японский посланник пытался добиться заключения контракта на разработку недр и строительство железной дороги Сеул — Пусан. Наивно рассчитывая с помощью американского капитала предотвратить японское засилие в стране, королева Мин благосклонно относилась к настойчивым требованиям предоставления новых концессий со стороны американцев, которые не ограничивались концессиями на эксплуатацию корейских рудников, захваченных ими до японо-китайской войны. Они стремились захватить в свои руки прокладку железных дорог, проведение телеграфных линий, строительство водопровода. Широкие колонизаторские планы американских бизнесменов столкнулись с не менее обширными планами японских капиталистов. Еще в период японо-китайской войны японские захватчики рассчитывали получить концессии на прокладку железной дороги Сеул — Инчон. Неудача постигла японского посланника и в 1895 г. В 1896 г. американский капиталист Морз с помощью миссионера Аллена добился подписания контракта на прокладку этой железной дороги. Американцы использовали и материальные затруднения корейского правительства, чтобы под личиной «друзей» предложить помощь. Но корейскому правительству очень дорого обходилась эта «помощь». Взамен американские капиталисты требовали концессий, эксплуатируя которые, они выколачивали колоссальные прибыли.

Корейские историки в своих трудах заклеймили американских монополистов, хищнически эксплуатировавших природные богатства Кореи. Заключая контракты, американские авантюристы старались получить максимальную выгоду, ничего не предоставляя взамен корейскому правительству. Примером этого может служить позорный контракт, заключенный между корейским правительством и американцем Морзом в 1896 г. [1]

---

[1] «История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее», стр. 42. По этому контракту корейское правительство гаранти-

В 1895 г. американский капиталист Морз, организатор «Компании по развитию Кореи» («Кореан девелопмент компани»), добился концессии на добычу золота на 25 лет в Пхеньянской провинции [1].

Только в уезде Унсан американские капиталисты в 1895 г. приобрели 2 799 360 пхен земли для разработки недр [2].

Характеризуя этот период американской агрессии в Корее, Ким Ир Сен отмечал, что «военные акции и планы США сопровождались широкой экономической экспансией американского капитала в Корее. В конце прошлого века ему удалось прибрать к своим рукам крупнейшие рудники Кореи — Капсан, Кодинпон, Диксан, Суан, Холтон и др.» [3].

17 сентября 1895 г. граф Иноуэ покинул Корею, чтобы освободить место для вновь назначенного посланника Миура Горо. Корреспондент «Нового времени», описывая положение в Корее, в сентябре 1895 г. сообщал: «Положение корейских дел чревато важными событиями. Престиж Японии пал окончательно, японцы держатся в Сеуле только военной силой, но тщетно стараются подавить общее стремление правительства, чиновничества и народа к покровительству России» [4].

Новый посланник генерал-майор барон Миура Горо являлся представителем агрессивнейших кругов японской военщины, среди которой особенно сильны были реваншистские настроения (после отказа от Ляодунского полуострова).

К моменту прибытия Миура в Корею колонизаторская политика японских капиталистов лишь привела к нарастанию антияпонского движения, которое, возникнув в недрах крестьянских масс и городской бедноты, постепенно охватило все

ровало американцам право на эксплуатацию мостов, дорог, использование земли, необходимой для постройки железных дорог; право беспошлинного ввоза товаров для строительства дорог и т. д. Все 6 пунктов договора сводились к перечислению односторонних обязательств корейского правительства.

[1] В 1898 г. это предприятие перешло к организованному американцами же «Восточному объединенному товариществу по рудам». На другой год это товарищество перезаключило соглашение с корейским правительством и за ничтожное вознаграждение приобрело предприятие в свою собственность. Уже в 1898 г. на рудниках работало 40 иностранцев и 1200 корейских рабочих. Путем самой зверской эксплуатации корейских рабочих американские предприниматели получали баснословные доходы (Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 121).

[2] Ли Чен Вон. История агрессии американских империалистов в Корее, стр. 103.

[3] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

[4] «Новое время», 11 (25) сентября 1895 г.

население Кореи. Русская газета «Дальний Восток», оценивая обстановку в Корее, писала: «Все идет тихими, но верными шагами назад и... влияние японское, как прекрасный цветок, отцвело, не успевши расцвесть» [1]. «Политические дела в Сеуле находятся точно в таком же положении, как они были три года тому назад (1892 г.— *Г. Т.*). Японское влияние, повидимому, совершенно пало» [2], отмечала «Норс чайна херальд».

Наличие в Корее оккупационных войск японских захватчиков серьезно беспокоило корейское правительство. Король Кочжон потребовал от Миура ограничения числа японских войск в Корее до одного батальона. В специальной записке короля японскому посланнику указывалось, что «две роты могут быть оставлены в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане, так как там находятся японские торговые дома». Миура категорически отказался вывести войска, мотивируя «возможностью нового восстания тонхаков и необходимостью охранять телеграфные сообщения» [3].

Японские захватчики считали королеву Мин препятствием на пути упрочения японской власти в Корее. Колонизаторы не могли понять, что группировка королевы усилилась и смогла перейти к активным действиям против японских ставленников только потому, что в стране не прекращалось антияпонское движение корейского народа и что антияпонское движение трудовых масс было главной причиной провала всех японских планов в Корее.

Миура считал, что достаточно «убрать» королеву и власть в стране будет полностью в руках японцев. Поэтому устранение королевы и стало важной задачей нового японского посланника.

Миура энергично принялся подбирать подходящих людей для выполнения своего кровавого замысла. Кроме японских наймитов типа Ким Хон Чжипа и О Юн Чжуна, нужно было подыскать из членов королевского дома человека, который смог бы возглавить будущее правительство. Захватчики вновь избрали престарелого регента Тэвонгуна орудием для осуществления своих планов. Тэвонгун готов был принять любые предложения японского посланника, лишь бы они были направлены на отстранение от власти Минов. В японской миссии был разработан детальный план действий. Заговор должны были осуществить обученные японскими инструкторами отряды хульлёндэ.

---

[1] «Дальний Восток», 29 сентября 1895 г.

[2] Цит. по газ. «Дальний Восток», 10 октября 1895 г.

[3] «Дальний Восток», 9 февраля 1896 г.

В отчете японского суда в Хиросима весьма ярко характеризуются цели совещания Миура с Тэвонгуном, где было принято решение о том, что нужно помочь Тэвонгуну утвердиться во дворце, используя обученные японцами войска, которые ненавидят двор, и молодых людей, недовольных существующим положением дел в стране. Находящиеся же в Сеуле японские войска должны поддерживать это предприятие. «Этим случаем необходимо воспользоваться, чтобы убить королеву, которая имеет большое влияние при дворе» [1].

Заговорщики взяли с Тэвонгуна письменное обещание не вмешиваться в государственные дела, полностью предоставить поле деятельности японскому посланнику, на ответственные государственные посты назначать только проверенных японских агентов.

Японские колонизаторы, в свою очередь, обещали назначить сына Тэвонгуна министром двора [2].

Этот документ был немедленно подписан Тэвонгуном. По плану, разработанному Миура, в назначенный день Окамото, секретарь японской миссии, должен был встретиться с Тэвонгуном, который направится из своего поместья в Сеул. Свиту его составят японцы и их сторонники. К заговору привлекли и японских «соси» [3]. Японский посланник считал «соси» основной силой для выполнения этого грязного дела. «Соси» были приглашены в японское посольство, где Миура торжественно сообщил им о готовящемся перевороте и сказал, что «от успеха предприятия зависит искоренение причин, которые принесли так много зла королевству за последние 20 лет, и подстрекал их покончить с королевой». Японский посланник заранее заготовил манифест, который должны были опубликовать от имени Тэвонгуна сейчас же после переворота [4].

В королевском дворце были осведомлены о подозрительной деятельности хульлёндэ и японских частей.

8 октября около 2 часов ночи поступили первые сведения о приближении японских частей, к 4 часам утра дворец был окружен отрядами хульлёндэ и японскими солдатами. В 5 часов утра японские захватчики открыли ворота и ворвались в помещение. Королеву убили, тело ее, обернув материей, сожгли близ дворца.

Так произошло зверское убийство, вдохновителем и организатором которого был японский посланник Миура Горо.

---

[1] См. «The Korean Repository», 1896, стр. 120—142.

[2] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 400.

[3] Бандиты, используемые полицией.

[4] Решение суда в Хиросима по делу Миура и др. The Korean Repository, 1896, т. 3.

Убийство королевы Мин, по предположению японского посланника, должно было устранить все препятствия для окончательного подчинения Кореи японскому влиянию. Но это кровавое преступление только усугубило ненависть корейского народа к японским колонизаторам.

На следующее же утро после убийства японские агрессоры приступили к осуществлению своих захватнических планов. Миура и Тэвонгун предъявили королю три заранее заготовленных документа и потребовали, чтобы он их немедленно подписал. Предъявленные колонизаторами требования должны были передать всю полноту власти японцам и их ставленникам.

Среди них были подписаны королем — указ о передаче всей полноты исполнительной власти кабинету министров, о назначении министром двора старшего сына Тэвонгуна и о выводе из дворца королевской охраны и замене ее отрядами хульлёндэ. Одновременно король дал согласие на реорганизацию кабинета, увольнение военного министра и министра полиции [1]. Дворцовая стража немедленно была заменена отрядами хульлёндэ; таким образом, король фактически стал пленником японцев.

9 октября был уже сформирован новый кабинет, в состав которого были включены только старые и проверенные агенты колонизаторов. Почти все вновь назначенные министры явились активными участниками зверского убийства королевы. Премьер-министром вновь стал японский наймит Ким Хон Чжип. Как и после переворота 23 июля 1894 г., портфели министра иностранных дел и финансов получили Ким Ён Сик и О Юн Чжун. Военным министром был назначен Чо Хы Ён. В первые же дни после убийства были высланы в отдаленные города чиновники, «известные своей преданностью королю или принадлежностью партии королевы», отмечали русские путешественники [2].

Миура не ограничился созданием нового прояпонского правительства и удалением из правительственных учреждений сторонников Минов, посланник распустил слух, что королева жива, но где-то скрывается.

11 октября был опубликован указ о низведении убитой королевы в разряд простой наложницы. Кроме того, она обви-

---

[1] H. B. Hulbert. The history of Korea, т. 2, стр. 296. Американский историк отмечал, что почти все новые министры были посвящены в план убийства.

[2] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 54.

нялась во вмешательстве в государственные дела и в... тайном бегстве из дворца [1]

После кровавого убийства японские захватчики старались всячески помешать распространению достоверных сведений о так называемом «перевороте». В течение нескольких дней сеульский телеграф был объявлен «поврежденным» и телеграммы не принимались. Вскоре после убийства по требованию русского посланника Вебера в японской миссии состоялось совещание всех иностранных представителей. Вначале Миура категорически отрицал участие японцев «в событиях 8 октября» и даже пытался доказать, что кровавое преступление является делом корейцев, недовольных королевой. В ответ Вебер представил показания Середдина-Сабатина, который находился во дворце во время убийства. Середдин-Сабатин видел японцев среди ворвавшихся во дворец заговорщиков. После этого Миура вынужден был признать, что действительно в заговоре участвовало несколько японцев из числа соси [2].

Русский посланник настаивал на выводе отрядов хульлёндэ из дворца, мотивируя тем, что нельзя поручить охрану короля солдатам, участвовавшим в нападении 8 октября. Миура категорически отказался исполнить требование Вебера, заявив, что вопрос об охране королевского дворца правомочно решить только корейское правительство, т. е. японские марионетки.

Вебер продолжал не признавать новое правительство, все его законы и постановления, требуя скорейшего расследования «происшествия 8 октября». Версия о бегстве королевы была им отвергнута. Русское правительство полностью одобрило позицию своего представителя, так как захват Кореи Японией угрожал дальневосточным границам России.

В октябре 1895 г. государственный департамент США без колебаний выступил на защиту кровавой политики японских милитаристов. Госдепартамент США был прекрасно осведомлен о зверском убийстве корейской королевы. На следующий же день после убийства из американской миссии в Сеуле в государственный департамент было послано срочное донесение: «вчера утром отец короля с помощью японцев силой ворвался в королевский дворец. При попытке спасти ее величество убиты два офицера. Королева и три фрейлины убиты» [3].

В донесении от 13 октября (все депеши передавались из Сеула в Токио и оттуда в Вашингтон) Аллен довольно точно охарактеризовал дальнейшее положение дел: «правительство

---

[1] H. B. Hulbert. The history of Korea, стр. 297.
[2] A. R. MacKenzie. The tragedy of Korea, стр. 67.
[3] FRUS, 1895, т. 2, стр. 972. Дюн — Олни. Токио, 14 октября 1895 г.

под контролем отца короля и пяти предателей. Общее руководство японцев. Положение его величества весьма жалкое. Королева убита, а убийцы пользуются всей полнотой власти. Его (короля.— *Г. Т.*) собственная жизнь в постоянной опасности». Далее Аллен сообщал, что «американский генерал Дай был во дворце во время нападения и знает все подробности убийства» [1].

Тем не менее американское правительство не приняло мер, чтобы сдержать зарвавшихся японских милитаристов.

Аллен и американский посланник Силл, отправляя срочные депеши, неоднократно сообщали, что «жизнь короля в опасности» и что они «не признают декретов, якобы подписанных королем» [2]. Государственный секретарь Олни отнюдь не намеревался вмешиваться в «корейские дела» и тем более препятствовать «деятельности» японского убийцы в дипломатическом мундире. В ответ на сообщение Силла о присоединении его к требованию России, Англии и Франции по вопросу о замене военной охраны королевского дворца (хульлёндэ) другими отрядами, Олни телеграфировал в Сеул: «Вмешательство в политические события, относящиеся ко внутренним делам Кореи, не входит в ваши функции и запрещено дипломатической инструкцией» [3].

Все дальнейшие послания государственного секретаря также сводились к требованиям ограничиться охраной американских граждан и их интересов в Корее и «не вмешиваться во внутренние дела корейского правительства. Ваша деятельность (Аллена и Силла.— *Г. Т.*) должна проводиться независимо от решений других представителей» [4]. Этим Олни предостерегал американцев от «пагубного» влияния русского посланника Вебера.

В депеше Олни от 21 ноября содержался подробный перечень всех «ошибочных поступков» Аллена после убийства королевы. К числу таких «злостных нарушений функций» дипломатического представителя США государственный секретарь относил:

1. Отказ признать подлинность королевского декрета о лишении сана королевы.

2. Присутствие на совещании иностранных представителей, куда японский посланник не был приглашен.

3. Нота корейскому министерству иностранных дел от 12 октября, в которой Аллен отказывался признать декреты

---

[1] FRUS, 1895, т. 2, стр. 972. Дюн — Олни. Токио, 14 октября 1895 г.
[2] Там же. Силл — Олни. Сеул, 26 октября 1895 г.
[3] Там же. Силл — Олни. Сеул, 10 ноября 1895 г.
[4] Там же. Олни — Силлу. Вашингтон, 11 ноября 1895 г.

исходящими от короля и требовал, чтобы было проведено расследование происшествия 8 октября и виновные преданы суду. Все это расценивалось государственным секретарем как очень серьезное непонимание «политики США» и вызывало глубокое сожаление, что представитель дружеской нейтральной державы (США.— *Г. Т.*) подобным образом вмешивался во внутренние дела другой страны, так как «ему должно было быть хорошо *известно общее направление инструкций*» [1] из Вашингтона.

Американский посланник в Сеуле Силл и секретарь миссии Аллен, наблюдая, как японские капиталисты вытесняли из Кореи американский капитал, пытались препятствовать этому. Однако госдепартамент не собирался «ссориться» с японскими захватчиками, рассчитывая опереться на Японию для осуществления широких планов американской агрессии.

Поддержка захватнических планов оголтелых японских милитаристов была лишь одним из звеньев традиционной американской политики. Кровавая политика японских милитаристов, направленная на установление полновластного контроля в Корее, по планам монополий США, открыла бы многообещающие перспективы проникновения американского капитала в Корею, а оттуда в Китай и на русский Дальний Восток.

Так, прикрываясь громкими фразами «о невмешательстве во внутренние дела другой страны» и «позиции дружеского нейтралитета», правительство США способствовало японской захватнической политике в Корее.

Хотя представитель Англии и выражал некоторое «недовольство» по поводу убийства, но в целом английские капиталисты оказали поддержку японской политике в Корее.

Английская миссионерка Изабелла Бишоп в книге «Корея и ее соседи» подтверждала, что, хотя «убийство королевы нанесло тяжелый удар японскому престижу в Корее и ее положению лидера цивилизации на Востоке, все же правительство (японское.— *Г. Т.*) продолжало сохранять наши (английские.— *Г. Т.*) симпатии» [2].

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОРЕЕ В КОНЦЕ 1895 — НАЧАЛЕ 1896 г.

Активизация захватнической политики японских милитаристов значительно усилила озлобление и ненависть корейского народа к колонизаторам. Корреспондент газеты «Новое время»

---

[1] FRUS, 1895, т. 2, стр. 972. Олни — Силлу. Вашингтон, 20 ноября 1895 г. (курсив мой.— *Г. Т.*).

[2] I. B. Bishop. Korea and her neighbours, т. 2, стр. 71.

сообщал: «Нынешний переворот далеко не отвечает желаниям и нуждам страны, и со всех сторон приходят известия, что в Сеуле брожение усиливается, в провинции организуется сильное сопротивление»[1]. Японские захватчики просчитались, рассчитывая, что после убийства королевы начнется спад народного движения и они смогут беспрепятственно хозяйничать в Корее.

Карнеев и Михайлов, посетившие Корею в конце 1895 г., отмечали, что «кабинет министров во главе с Ким Гонг Чином (Ким Хон Чжипом.— *Г. Т.*) был сформирован из лиц, принадлежавших к недоброжелателям короля, которые скомпрометировали себя во время катастрофы 26 сентября (8 октября.— *Г. Т.*)». Эти авторы подтверждали, что новое правительство вызывало ненависть корейского народа[2].

Японское правительство видело всю непрочность положения своих представителей в Корее. В Токио было решено отозвать Миура Горо. Пожертвовав посланником, надеялись пожать плоды его кровавых деяний.

План японского правительства сводился к тому, чтобы свалить всю вину на Миура и его сообщников и представить преступление как личное злодеяние посланника.

22 октября Миура и большая часть бывших сотрудников миссии была отозвана в Японию, где разыграли комедию суда, после чего Миура был освобожден якобы из-за недостаточных улик.

Японским посланником в Корее назначили начальника политического департамента министерства иностранных дел Комура Дзютаро. Вслед за Комура в Корею был послан «специалист» по корейскому вопросу Иноуэ. Его миссия состояла в выражении глубочайшего соболезнования корейскому правительству от имени японского императора в постигшем королевство несчастье.

Отозвание и официальное признание Миуры государственным преступником — организатором убийства королевы еще более усилило антияпонские настроения в рядах мелкого чиновничества и даже отдельных представителей крупных янбаней, ранее примыкавших к прояпонской группировке. Характеризуя обстановку в Корее после договора 8 октября, Хальберт должен был признать, что положение дел в Корее «стало выглядеть очень мрачно для людей, которые получали выгодные должности с помощью Миуры»[3].

---

[1] «Новое время», 8/20 октября 1895 г.

[2] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 54.

[3] H. B. Hulbert. The passing of Korea, Нью-Йорк, 1906, стр. 143.

Новый японский посланник и премьер-министр Ким Хон Чжип 26 ноября созвали во дворце совещание, на которое были приглашены все иностранные представители. В торжественной обстановке министр двора объявил, что по «новым данным расследования» смерть королевы можно считать официально установленной, причем лица, виновные в этом преступлении, будут судимы и понесут суровое наказание. Далее министр сообщил, что королева восстанавливается во всех правах, которых она была лишена указом от 11 октября. Военный министр и начальник полиции увольняются за участие в событиях 8 октября. Это сообщение явилось новой попыткой кабинета успокоить волнения в кругах столичных чиновников. Именно этим объясняется приказ об отставке двух махровых японских агентов — военного министра и начальника полиции, которая была проведена как демонстрация «справедливости» и «беспристрастности» правительства.

В эти дни патриотически настроенные корейские янбани подготавливали заговор для свержения правительства.

28 ноября ночью заговорщики начали осаду дворца. Хальберт, давая описание штурма дворца 28 ноября, насчитывал около 1000 участников. К ним примкнула королевская охрана, распущенная 8 октября. Заговорщики пользовались симпатиями всего населения Сеула. Огромные толпы народа стекались ко дворцу, чтобы помочь осаждавшим. Но американские миссионеры и на этот раз помогли японским захватчикам. Узнав о заговоре, они сообщили в японскую миссию. Японцы и члены кабинета заранее подготовили оборону [1]. Охрана дворца была значительно усилена и отразила все атаки заговорщиков. Колонизаторы прекрасно сознавали, что в случае поражения корейский народ их не пощадит.

Выступление 28 ноября было организовано группой корейских феодалов, недовольных правлением прояпонского кабинета и рассчитывавших с помощью России изгнать японцев из Кореи.

Хотя корейские янбани, пытавшиеся освободить короля, действовали в своих личных целях, их борьба с японскими колонизаторами отвечала интересам народа и поэтому встретила сочувствие и поддержку всего населения Сеула и его окрестностей.

Выступление 28 ноября явилось серьезным сигналом для марионеточного правительства и его хозяев. Необходимо было принять срочные меры, чтобы как-то отвлечь внимание народных масс от происшедших событий. Прояпонское

[1] «Описание Кореи», т. 1, стр. 52.

правительство принялось за расследование «событий 8 октября». Неожиданно трое корейцев были арестованы и казнены по обвинению в убийстве королевы Мин. Их арестовали и казнили без всяких доказательств их причастности к убийству.

Комедия суда над мнимыми убийцами была использована японским посланником, чтобы расправиться с противниками и убрать чересчур осведомленных людей.

Кроме трех корейцев, были арестованы сотни других корейских чиновников, обвиняемых в антияпонских настроениях.

После выступления корейских янбаней 28 ноября вновь ярко проявилось отношение США к событиям в Корее. Посланник Силл телеграфировал в Вашингтон, что он предоставил возможность нескольким корейским патриотам укрыться в здании миссии от преследований правительства за участие в заговоре 28 ноября и просил разрешения эвакуировать их из Кореи на американском корабле «Йорк таун» [1], который отплывал в Шанхай. В ответ государственный секретарь Олни сообщил: «Вы не должны укрывать беженцев, нарушителей законов их страны, приговоренных к аресту представителями фактического правительства. Использование «Йорк тауна», согласно Вашему предложению, недопустимо. Департамент недоволен Вашим отношением к запрещению не вмешиваться в местные конфликты и политику Кореи, ограничьте свою деятельность лишь охраной американских интересов» [2].

Американский посланник Силл после провала антияпонского заговора 28 ноября 1895 г., ссылаясь на 1-й пункт американо-корейского договора о «добрых услугах», обратился в государственный департамент с предложением помочь корейским янбаням, выступившим против захвата страны японцами. Это предложение вызвало новый взрыв негодования государственного секретаря США Олни. В телеграмме из Вашингтона указывалось: «Американское правительство, а не его представитель в Корее, имеет право судить, должны ли быть оказаны добрые услуги» [3]. Через несколько дней из Вашингтона поступило новое категорическое предупреждение: «Продолжающееся вмешательство в корейские политические дела и нарушение неоднократных инструкций отмечается с изумлением и подчеркнутым неодобрением (в Вашингтоне.— *Г. Т.*). Телеграфируйте объяснения, которые Вы имеете, а также ответьте, намерены ли Вы подчиняться даваемым инструкциям» [4].

---

[1] FRUS, 1895, т. 2, стр. 974. Силл — Олни, Сеул, 1 декабря 1895 г.

[2] Там же, т. 2, стр 974.

[3] Олни — Силлу, 21 декабря 1895 г. Цит. по M. F. Nelson, Korea and the old orders in Eastern Asia, стр. 230.

[4] F. H. Harrington. God Mammon and the japanese..., стр. 282.

Таким образом, правительство США признавало законным правительством кабинет Ким Хон Чжипа, составленный из янбаней, являющихся послушными японскими марионетками. Требуя от своего представителя «невмешательства» во внутренние дела Кореи, США развязывали руки японским милитаристам.

В конце 1895 г. вновь участились выступления народных масс против корейских феодалов и японских захватчиков. Мы располагаем крайне отрывочными и неполными сведениями о ходе антифеодальной и антиимпериалистической борьбы корейского народа в конце 1895 и начале 1896 г. Однако даже на основании этих далеко не полных данных можно сделать вывод о наличии широкого народного движения в эти годы.

В центре движения корейского народа было славившееся своими революционными традициями крестьянство южных районов. В центральных и северных районах страны также не прекращались выступления народных масс.

Численность бойцов народных отрядов — Армии справедливости — росла с каждым днем. Под знамена Армии справедливости стекались все недовольные японским засилием в стране.

В декабре 1895 г. негодование городской бедноты Сеула и крестьянства окрестных районов против японцев и американцев было настолько сильным, что в американской миссии значительно увеличили вооруженную охрану [1]. Особенно сильными очагами народного движения были Чунчон, Вончжу, Андон (в декабре 1895 г.). В районе Вончжу восстание приняло такие серьезные размеры, что из Сеула был спешно командирован заместитель министра внутренних дел «для восстановления порядка» [2].

Партизанские отряды перерезали телеграфные линии в районах Сеул — Пусан, Вонсан, Чончжу. Все правительственные учреждения в районах Сеул — Пусан [3] были в руках повстанцев.

Партизаны изгнали начальника города Чончжу [4], убили начальника округа в Пусане [5], правители городов Чхонпхун и Танян бежали в Чончжу под защиту полиции [6]. Эти известия вызвали панический страх у марионеточного правительства, королевских чиновников и помещиков, так как народная борьба была направлена не только против японцев и их пособников, но и против корейских феодалов.

---

[1] «Дальний Восток», 24 декабря 1895 г.
[2] The Korean Repository, 1896, стр. 79.
[3] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 449.
[4] «Дальний Восток», 5 декабря 1895 г.
[5] Там же.
[6] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 450.

Отряды Ыйбён приближались к столице. Почти все районы на расстоянии 50 верст от Сеула были заняты повстанцами. Партизаны были вооружены и даже имели небольшие запасы пороха из военных правительственных складов [1]. Правительство издало приказ об усилении охраны городских ворот столицы и направило в провинцию дополнительные военные части из числа войск, обученных японскими инструкторами.

Карнеев и Михайлов сообщали, что «рота в 210 солдат при 4 японских инструкторах была послана в провинцию Пхёнандо, 315 человек с 6 инструкторами японцами в южные провинции и такое же количество солдат было направлено в провинцию Канвондо, районы Чунчон и Вончжу» [2]. Японские отряды, охранявшие Пусан, были посланы в провинцию Кёнсандо. Хорошо вооруженные и обученные части оказались бессильны подавить героическое сопротивление народных масс. Кикути признавал, что отправка войск «не только не принесла никаких результатов, но силы мятежников становились еще более внушительными, с чем нельзя было уже серьезно не посчитаться» [3].

Особый страх правительству внушали действия отрядов под командованием Ли Со Чуна в провинции Канвондо. Им удалось овладеть арсеналом в главном городе провинции и изгнать губернатора. К повстанцам присоединились славившиеся меткой стрельбой охотники на тигров. Объединенные силы партизанских отрядов провинции Канвондо оттеснили столичные войска [4].

В период нового подъема борьбы народных масс против феодального гнета и японского господства захватчики вновь приступили к проведению пресловутых «реформ».

30 декабря 1895 г. кабинет Ким Хон Чжипа издал приказ об изменении мужских национальных корейских причесок [5]. Этот закон должен был, по заявлениям его составителей, «приблизить корейцев к цивилизации» и, таким образом, способ-

---

[1] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 56.

[2] Там же, стр. 55.

[3] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 450.

[4] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 55.

[5] Национальная корейская мужская прическа была символом мужества, совершеннолетия и равноправия. Правом носить «шишки», т. е. подбирать и завязывать волосы на макушке головы, пользовались только женатые мужчины. Поверх этой прически одевали специальный головной убор и на него шляпу — кат.

ствовать проведению всех «реформ». Японские милитаристы этими «реформами» преследовали одну цель — сломить сопротивление корейского народа. Наступление же колонизаторов и их корейской агентуры на национальные традиции корейского народа только усилило народное возмущение.

Распространение слухов о новом законе японских захватчиков и их прислужников послужило толчком к еще большему подъему антияпонского движения по всей стране. Волнениями были охвачены все провинции и районы страны.

Марионеточное правительство ожидало, что силой оружия заставит народные массы примириться с новыми порядками. Однако корейский народ воспринял это сообщение, как неслыханное надругательство над национальными обычаями.

Грубое вмешательство в освященные веками обычаи корейцев заставляло народ думать, что японские колонизаторы, принуждая его стричь волосы, тем самым обязывали воспринимать японские нравы. Корейское крестьянство и городское население считали, что их насильственно хотят японизировать и что закон о стрижке волос лишь первый шаг к этому. Издевательство и жестокость, которыми сопровождалось проведение закона, казались подтверждением опасений. Карнеев и Михайлов вспоминали: «При приближении к городу Иечжу жители деревень, завидев нас, спасались бегством из опасения, чтобы им не отрезали шишек. Про нас распущен был слух, что с двумя стрижеными корейцами мы идем резать населению волосы» [1].

В Сеул перестало поступать продовольствие, так как крестьян, поставлявших продукты в столицу, по выходе из города насильственно стригли, обрезали поля их шляп, укорачивали трубки. У всех городских ворот стояли полицейские с ножницами [2].

Альфтан, посетивший Корею в декабре 1895 г., писал: «Во время моего пребывания в Корее... вся страна находилась в очень возбужденном состоянии. Уже на севере доходили до нас отрывочные слухи о новых замыслах японцев. Но замыслы эти казались корейцам такими дикими и противоречащими заветным обычаям старины, что они и верить не хотели этим слухам... В Сеуле, где главным образом и творились все безобразия, японцы окружали народ и сами шашкой резали косу, а в случае сопротивления и голову» [3].

---

[1] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.».— «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 40.

[2] «Дальний Восток», 5 января 1896 г.

[3] «Сборник материалов по Азии», вып. 69, стр. 167—168.

29 января началось восстание в Чунчоне (50 миль от Сеула). Восставшие убили начальника города, захватили арсенал и продовольственные склады. Руководители повстанцев развесили по городу обращение с призывом ко всему населению присоединиться к ним. Хотя из Сеула были отправлены 800 солдат с двумя пушками, город в течение двух недель был в руках народных масс. Только к 15 февраля совместными усилиями центральных и провинциальных войск удалось подавить восстание [1]. В городе Хамхыне (провинции Хамгёндо), чтобы не допустить японских наемников, городская беднота разрушила мост через реку [2]. Крупные волнения происходили в городах Вонсан, Пукчон и Ханвон [3].

Наступление японских захватчиков на национальные обычаи и нравы корейского народа привело к еще большему обострению антияпонских настроений и углублению ненависти к иноземным колонизаторам.

Кровавый террор царил в стране в период проведения так называемых «реформ» причесок, шляп и трубок, когда японские захватчики под видом «цивилизации» Кореи издевались над ее народом. Марионеточное правительство с лихорадочной поспешностью проводило дополнительную мобилизацию в армию.

Корейский трудовой народ, борясь против этих японских «реформ», выступал по второстепенному, казалось бы, поводу. Однако поскольку захватчики этими «реформами», стремясь поработить народ, уничтожали национальные традиции, то эта борьба приобретала значение освободительного движения против захватчиков.

Рост народного движения, возникновение все новых и новых очагов восстания вызывали серьезное беспокойство японских колонизаторов и марионеточного правительства.

В то время как положение японских колонизаторов в Корее становилось все более шатким, влияние России возрастало. Попытки марионеточного кабинета препятствовать усилению русского влияния были безуспешны.

Король считал, что из японского плена он сможет освободиться только после установления русского протектората над Кореей.

Царское правительство отрицательно отнеслось к сообщению Вебера и прибывшего в Сеул нового посланника Шпеера о желании короля Кореи установить русский протекторат над Кореей и ввести русские военные силы.

---

[1] «The Korean Repository», 1896, стр. 92.
[2] I. B. Bishop. Korea and her neighbours, т. 2, стр. 178—179.
[3] Там же.

Господство японцев в стране создавало полнейшую невозможность изменения установившегося положения без серьезного дипломатического или военного вмешательства.

Слухи о росте народного движения в северных и центральных районах страны достигли дворца. Отряды Армии справедливости приближались к Сеулу.

2 февраля король переслал через Ли Бом Чжина записку Шпееру. «Он (король.— *Г. Т.*) писал, что находится в окружении изменников и опасается, что теперь, когда повсюду происходят волнения, они (члены кабинета.— *Г. Т.*) этим воспользуются, чтобы погубить его и его сына». Король излагал план своего спасения и умолял помочь ему: «Вместе с наследником я намерен бежать от ожидающей меня опасности искать защиты в русской миссии. Как думают об этом оба посланника? Если согласны, то воспользуюсь одной из следующих ночей, чтобы тайком пробраться в миссию. О дне я уведомлю особо. Другого средства спастись мне нет. Глубоко надеюсь, что оба посланника готовы оказать мне покровительство и защиту» [1].

Предложение об оказании приюта корейскому королю было принято. Вебер и Шпеер дали согласие (позже их действия были одобрены в Петербурге), и 11 февраля в 6 часов утра король и наследник прибыли в русскую миссию.

События 11 февраля 1896 г. нанесли сильный удар японскому господству в Корее.

Первым мероприятием короля был роспуск старого и назначение нового кабинета, а также увольнение прояпонски настроенных чиновников. Вновь назначенные министры были сторонниками укрепления влияния Китая и России и принадлежали к группировке убитой королевы. Создание нового правительства и отставка всех прояпонски настроенных чиновников означали крушение японских планов.

Когда весть о роспуске прояпонского кабинета распространилась по городу, толпы населения бросились к воротам дворца, чтобы расправиться с ненавистными министрами. Со всех улиц ко дворцу стекались массы народа. Пришли люди разных профессий и социальных групп. Известие о бегстве короля было встречено населением Сеула как долгожданное освобождение от произвола Ким Хон Чжипа и других японских ставленников. Восставший народ убил Ким Хон Чжипа, одного из главных виновников всех бедствий, которые корейский народ пережил за последние годы, и Чон Пен Ха, министра земледелия. Казалось, что ничто не может утолить ненависть

---

[1] Записка корейского короля Шпееру от 2 февраля 1896 г. Цит. по неопубликованной диссертации В. П. Нихамина «Русско-японские отношения и Корея 1894—1898 гг.», Высшая дипломатическая школа, 1948.

корейского народа к пособникам японских колонизаторов. На всех улицах народ расправлялся с японцами. Народные мстители были вооружены камнями и палками. Они врывались в правительственные учреждения и дома крупных чиновников, известных своей прояпонской деятельностью. Японским солдатам с большим трудом удалось спасти от напавшей толпы министра внутренних дел. Военный министр Чо Хы Ён бежал на юг к знакомому японцу. Другие министры либо спрятались в японском квартале, либо бежали в южные районы к своим друзьям японцам [1].

11 февраля были опубликованы два эдикта короля из русской миссии. В первом король объяснял причины перехода в русскую миссию и призывал солдат охранять его. «Преступники, виновные в злодеяниях прошлых лет, должны быть наказаны и им не будет оказано ни малейшего снисхождения»,— говорилось в указе. Король призывал народ изловить главных преступников и обезглавить [2]. Королевский указ о наказании ненавистных японских наймитов был встречен всеобщим одобрением и вызвал еще больший подъем антияпонских настроений как по отношению к самим японцам, так и к их пособникам из числа предателей-корейцев. Эдикт был воспринят как обращение короля к народу за помощью и поддержкой в тяжелое для всей страны время.

Размах всенародного движения очень скоро испугал новое правительство, так как трудовой народ, расправляясь с японцами и их корейскими прислужниками, попутно сводил счеты с помещиками и королевскими чиновниками. С другой стороны, корейское правительство опасалось недовольства японского правительства, новых актов насилия с его стороны при росте антияпонского движения.

Королевское правительство старалось успокоить народные массы различными мероприятиями. 13 февраля был опубликован указ, который отменял недоимки по налогам за прошлые годы: «Мы часто слышали, что наши дети до крайности обнищали и впали в страшную нищету. При мысли об этом наши личные удобства, сладости и шелка не приносили нам радости... Поэтому мы повелеваем, чтобы все недоимки по налогам в различных провинциях, занятые в разных ведомствах после луны 503 года (июль 1894 г.— *Г. Т.*), были отменены в знак нашего сострадания к народу» [3]. 14 февраля последовал новый королевский декрет, который сообщал, что «вследствие необходимости принять срочные меры был издан

---

[1] Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 454—456.
[2] «The Korean Repository», 1896, стр. 84.
[3] Там же, стр. 85.

указ (11 февраля.— *Г. Т.*), объявляющий некоторых старых членов кабинета изменниками, так как не вызывает сомнения, что они были не только изменниками по отношению к нам (королю.— *Г. Т.*), но и участниками убийства королевы». В декрете подчеркивалось, что эти изменники должны быть взяты живыми и преданы суду. «Мы опять призываем, чтобы изменники были арестованы каждым, кто встретит их, но чтобы они были приведены для законного суда». Убийство городской толпой бывшего премьер-министра Ким Хон Чжипа признавалось противоречащим закону «и нашим намерениям, чтобы каждый из подданных был судим справедливо» [1]. Был также опубликован указ об освобождении всех, заключенных в тюрьму после заговора 28 ноября 1895 г. [2] Но уже ничто не могло остановить мощный размах народного движения. Декреты, отменявшие прежние королевские указы о низложении королевы, стрижке волос, и упоминание о том, что короля заставили подписывать их силой [3], только увеличивали народное возмущение против японских захватчиков и их наймитов.

Страна была охвачена восстанием. Корреспондент «Нового времени» сообщал из Инчона: «Страна утреннего спокойствия, выведенная из терпения японскими насилиями, объята теперь пожаром народного восстания...» [4].

Тот же корреспондент писал: «Начиная от Таку на Ялу и кончая южными городами, восстание охватило почти всю страну» [5]. Население городов, которые заняли отряды Армии справедливости, повсюду добровольно переходило на сторону повстанцев [6]. Японские части, тщетно пытаясь подавить восстание, огнем и мечом расправлялись с партизанскими отрядами. Так, например, «23 февраля отряд японских солдат... недалеко от Сеула столкнулся с повстанцами и после кровавых перестрелок сжег Шанкован и Иочжу» [7]. Русский журналист, наблюдая события в Корее, сообщал в Петербург: «Всюду организовывались многочисленные отряды, которые угрожают японским факториям. Положение японцев тяжелое» [8].

Как в предшествующие годы, центром революционного движения были южные провинции и главным образом районы близ центра Чолладо — Чончжу. В окрестностях Чончжу расположился партизанский отряд, насчитывающий более 1000

---

1 «The Korean Repository», 1896, стр. 84.
2 Кикути Кэндзё. История современной Кореи, стр. 456.
3 «The Korean Repository», 1896, стр. 24.
4 «Новое время», 7 апреля 1896 г. (из Инчона 28 февраля).
5 Там же.
6 Там же.
7 Там же.
8 Там же, 27 марта 1896 г.

бойцов. Другим крупным центром повстанческого движения на юге был г. Начжу. Начжу был захвачен партизанским отрядом; восставшие убили начальника полиции и, имея «сотню пушек», не допускали к себе правительственные власти. На сторону повстанцев перешел и город Тамян [1]. Из беседы со стариком корейцем в Тамяне Карнеев и Михайлов узнали, что цель движения — «освободить страну от японцев». Старик объяснил, что начальник полиции был убит народом, доведенным до отчаяния его лихоимством [2]. Карнеев, посетив один из отрядов Армии справедливости близ Начжу, сообщает о настроении и целях повстанцев: «На привале в г. Куангчу (Кванчжу.— *Г. Т.*) я вошел в большую комнату, вдоль стен которой стояло около 40 человек, а в правом углу на циновке нас ожидал начальник их со своим помощником. Начальник... объяснил, что они из г. Чангсона прибыли в Начжу, собираются идти в Чанчжю и оттуда намерены идти в Сеул избивать японцев, ввиду защиты короля... Оружия при них, повидимому, не было, но несомненно было воодушевление». Карнееву все они горячо говорили, что «сердце у них горит сразиться с японцами» [3].

Многочисленные партизанские отряды находились и в провинции Чунчондо. Главный город этой провинции Кончжу некоторое время был в руках повстанцев. Отряд Армии справедливости, занявший Кончжу, насчитывал около 1000 бойцов.

Правительственные части заняли все окрестные деревни и тщетно старались принудить восставших сдаться. Наличие значительных военных сил карателей не запугало повстанцев. Даже в районах расположения карателей, несмотря на постоянный военный надзор за телеграфными линиями, почти все они были разрушены, столбы вырваны из земли, проволока сорвана и местами унесена [4]. Повстанческие отряды не ограничивались захватом городов и деревень. Они двигались вперед к Сеулу, не страшась встречи с японскими и правительственными частями. 12 марта отряд повстанцев атаковал японские войска у Пусана и отступил лишь после продолжительного боя.

Из Владивостока сообщали, что «вследствие разрастающегося в Корее возбуждения против японцев, японское правительство опасается за участь факторий в Гензане и Фузане (Вонсан и Пусан.— *Г. Т.*), подвергающихся энергичным на-

---

[1] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.».— «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 70.

[2] Там же, стр. 77.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 66—67.

падениям сильных отрядов корейских патриотов. Для охраны фактории в Фузане высланы из Японии войска на нескольких транспортах»[1]. Японские торговцы и спекулянты в панике бежали из Кореи. По сведению корреспондента газеты «Дальний Восток», из Пхеньяна в Инчон бежали «многие японские обыватели». Из Мокпхо и Вонсана выехали в Инчон 28 японцев. Оставшиеся в Пхеньяне 80 японцев умоляли японского посланника прислать за ними пароход. Из-за плохой погоды пароход не мог подойти к пристани и тогда японцы собирались отправиться в Инчон берегом под охраной полицейских[2]. В Токио ежедневно поступали сведения об убийстве японских купцов партизанами или внезапно напавшей на них толпой жителей городов и деревень. Японские захватчики, чувствуя свое полное бессилие подавить движение трудовых масс корейского народа, решили действовать другими способами. Они потребовали от корейского правительства уплаты штрафа в размере 5 тыс. иен за каждого убитого японца[3]. Сверх того, токийские милитаристы настаивали на внесении 120 755 долл. в качестве компенсации за понесенные японцами потери при бегстве из Пхеньяна. Японское правительство «милостиво» продлило срок уплаты этой суммы на 13 лет[4]. Колонизаторы рассчитывали, что это требование заставит корейское правительство еще более решительно взяться за усмирение восставшего народа. Корейское правительство ответило категорическим отказом, «справедливо считая японцев ответственными за все беспорядки благодаря их разбойничьему образу действия»[5]. Японцы могли передвигаться внутри страны только под охраной сильного военного конвоя, но и это их не спасало от грозных мстителей. Японские рыбаки вынуждены были совершенно прекратить рыбную ловлю из-за опасности подвергнуться внезапному нападению. В Пусане стояло 115 японских промысловых судов, хозяева которых прекратили рыбную ловлю[6].

Наряду с ярко выраженной антифеодальной и антияпонской направленностью народных восстаний, чего не могли скрыть даже английские, американские и японские буржуазные историки, в корейском народе росли симпатии к русскому народу, как возможному защитнику от японской агрессии. Из Инчона сообщали: «Чрезвычайно растут симпатии к

---

[1] «Новое время», 24 марта 1896 г.
[2] «Дальний Восток», 12 апреля 1896 г.
[3] «The Korean Repository», апрель 1896 г., стр. 172.
[4] «Дальний Восток», 17 апреля 1896 г.
[5] «Новое время», 19 апреля (2 мая) 1896 г.
[6] «Дальний Восток», 17 мая 1896 г.

России, правительство, значительнейшее число чиновников, народ — жаждут русского покровительства» [1]. Сообщение русского корреспондента подтверждал и прояпонский автор, американец Хальберт, который писал: «...король бросился сам в руки русских и весь корейский народ с симпатией относится к белым головам (русским.— *Г. Т.*), а не к японцам» [2]. В корейском народе росла и крепла уверенность в том, что только русский народ поможет ему изгнать японцев из Кореи.

Движение корейского трудового народа в конце 1895 и начале 1896 г. отличалось массовым характером. Это было выражение всенародного протеста против японского засилия в стране и феодального гнета.

Японские и правительственные войска не могли воспрепятствовать борьбе народных масс. Против вооруженных захватчиков поднялся весь корейский народ [3].

Борьба народных масс не имела общего руководства, единой армии. Движение в целом носило разрозненный, неорганизованный характер. Только отдельные крупные отряды объединяли по нескольку повстанческих групп. Наблюдались попытки отдельных отрядов направить движение по определенному, заранее разработанному плану (Начжу). Создание штаба Армии справедливости, который руководил восстанием в провинции Чолладо и обучал бойцов, введение специальной военной формы (бамбуковые шляпы и черные куртки) — указывали на заимствование славных традиций борцов за независимость в 1894 г. Несмотря на то, что к восстанию примыкали самые разнородные по классовому составу элементы, основную массу восставших составил трудовой народ, главным образом крестьянство. Необходимо отметить также, что религиозные лозунги, которые встречались в восстании 1894 г., почти отсутствовали в 1896 г. Корейское крестьянство шло навстречу японским войскам, снабженным европейским оружием, уже не надеясь на тонхаковские молитвы. Уверенность в правоте их великой миссии и веками незатухающая ненависть к японским захватчикам вселяли силы в ряды бойцов партизанских отрядов.

Характерной особенностью народного движения конца 1895—1896 гг. является усиление симпатий к русскому народу и России. Если в период крестьянского восстания 1894 г.

---

[1] «Новое время», 27 марта 1896 г.

[2] H. B. Hulbert. The history of Korea, т. 2, стр. 304.

[3] «Japan Weekly Mail», 1896, март. Корреспондент газеты «Джапан уикли мейл» сообщал: «Они (японские солдаты.— *Г. Т.*) — только кучка людей, которые постоянно наталкиваются на толпы в несколько тысяч».

повстанцы наряду с лозунгами изгнания из страны японцев выставляли лозунги удаления всех иностранцев из Кореи как пособников японского проникновения, то в 1896 г. корейский народ отделял русских от остальных иностранцев. Симпатии и доверие к русскому народу объяснялись рядом причин: Россия была противником Японии, японцы не скрывали своего враждебного отношения к России. Россия не вела в этот период агрессивной политики в Корее и народные массы не ощущали гнета ни русских торговцев, ни русского духовенства. В Корею доходили слухи о братском отношении русского народа к корейцам, переселившимся в Приамурскую область в 60-х годах XIX в.

После бегства короля в русскую миссию в Корее значительно укрепилось русское влияние. Большинство корейских государственных чиновников рассчитывало на помощь России в деле окончательного изгнания японских захватчиков из Кореи. Политическое влияние японских колонизаторов и прислуживавшей им клики корейских янбаней было полностью утрачено. Однако полученные концессии японцы еще крепко держали в своих руках.

11 февраля корейскому представителю в Токио была послана срочная телеграмма с приказом приостановить переговоры с японским правительством о предоставлении ему железнодорожной концессии Сеул — Инчон. Из всех государственных учреждений были удалены японские советники, та же участь постигла и японских военных инструкторов. Новое правительство неоднократно потребовало от Комуры вывести японских солдат из казарм, расположенных близ дворца.

В Токио прекрасно понимали, что события в Корее означали крушение их захватнических планов. Поэому японские колонизаторы спешно перебросили новые контингенты войск в Корею [1]. В феврале капитан Соковнин доносил о предполагаемой высадке японских войск в Вонсане [2]. Карнеев и Михайлов сообщали: «...С 2-го по 28-ое апреля в Фузан (Пусан.— *Г. Т.*) прибыло 16 транспортных судов и одно парусное военное судно, на этих судах частных грузов не было, а были подвезены в Фузан только одежда и провизия для войск... Японские солдаты квартировали в Фузане под видом частных людей у тамошнего японского населения. О таком

---

[1] Японский посланник Комура в беседе с министром иностранных дел Муцу указывал, что японское влияние в Корее может быть восстановлено только силою японского оружия (см. Номура. История русско-японских отношений (Ничиро гайко си). Токио, 1943, стр. 129.

[2] Соковнин. О современных корейских войсках.— «Сборник материалов по Азии», вып. 60, 1896.

способе увеличения численности войск приходилось слышать от корейцев, не только в Фузане, но в Сеуле и Чемульпо (Инчон.— *Г. Т.*)» [1]. Сосредоточив в Корее значительные военные силы, японские милитаристы все же не решались применить военную силу, опасаясь выступления России.

Колонизаторы считали теперь наиболее выгодным для сохранения японского влияния в Корее заключение соглашения с Россией по корейскому вопросу. Это соглашение должно было, по их планам, не только вернуть Японской империи так внезапно утраченную власть в Корее, но и предотвратить дальнейшее усиление там позиций России.

Поэтому японское правительство очень торопило Россию с началом переговоров. Русские исследователи правильно считали причиной такой поспешности то, что «японское дело в Корее оказалось окончательно проигранным, влияние России становилось направляющим... При подобных условиях у Японии оставался последний выход — немедленное соглашение с Россией» [2]. Царское правительство дало согласие на ведение переговоров для заключения соглашения по корейскому вопросу. В Петербурге были очень заинтересованы в получении незамерзающего порта в Корее. Однако опасение обострить отношения с Японией, а также с США и Англией и все возраставший интерес к Маньчжурии заставили царскую Россию пойти на заключение соглашения.

Русские экономические интересы в Корее были много слабее, чем в Маньчжурии, и рисковать ради этих сравнительно незначительных интересов своими позициями в Маньчжурии царское правительство не собиралось. 14 мая, после почти двух месяцев переговоров, между Вебером [3] и японским посланником Комура было заключено соглашение.

По Сеульскому протоколу японские колонизаторы отказались от своего доминирующего положения в Корее и уступили царизму почти по всем пунктам. Японское правительство признало существующий в Корее (после 11 февраля) порядок. Был оставлен у власти весь состав прорусского кабинета. Установившееся после перехода короля в русскую миссию положение дел японские захватчики вынуждены были признать полностью законным.

Особо важное значение имел 4-й пункт сеульского протокола. Царская Россия добилась ограничения числа японских

---

[1] «Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.».— «Сборник материалов по Азии», вып. 75, стр. 80.

[2] «Работа военно-исторической комиссии», СПб., 1906, стр. 6.

[3] Вебер временно заменял уехавшего в Токио Шпеера.

войск в Корее — две роты в Сеуле и по одной в Пусане и Вонсане, «причем численность каждой роты не должна превышать 200 человек». Кроме того, Россия также получала право содержать стражу, не превышающую число японских войск в тех же местностях. После заключения соглашения японские войска должны были быть выведены из Кореи, а без наличия значительных военных сил невозможно было и помышлять о восстановлении там политического господства.

Японские колонизаторы остались недовольны результатами переговоров с царизмом и настаивали на заключении нового соглашения. Царское правительство, хотя было вполне удовлетворено результатами соглашения, однако согласилось начать новые переговоры, не изменив своей традиционной политики в корейском вопросе, заключавшейся в стремлении не обострять отношений с Японией и стоявшими за ее спиной США и Англией.

9 июля 1896 г. в Москве было подписано Московское соглашение, состоявшее из гласной и секретной частей. Это соглашение устанавливало юридическое равенство сторон в Корее вместо монопольного господства Японии. Япония вынуждена была признать равными со своими права России в оказании финансовой помощи Корее и содержании телеграфных линий.

Однако царское правительство еще крепко держало в своих руках политическое влияние. В секретной части соглашения указывалось, что до сформирования в Корее нужных войск соглашение Вебер — Комура остается в силе, а что касается личной безопасности короля, то установленный для этой цели порядок будет равным образом сохранен впредь до сформирования отряда туземных войск, специально предназначенного для охраны короля.

Таким образом, в результате русско-японских договоров японская агрессия в Корее была временно приостановлена. С другой стороны, заключение договоров на короткий период создавало равновесие сил империалистов в Корее, что в последующие годы должно было еще более усилить борьбу держав за этот «лакомый кусок».

* * *

Изучение короткого отрезка корейской истории (1893—1896 гг.) ясно и убедительно показывает, что корейский трудовой народ, поднявшийся на героическую борьбу за независимость своего отечества, стал преградой для осуществления захватнических планов японских колонизаторов и их иностранных пособников.

Корейский народ с давних времен боролся против феодального и иноземного ига. Он отразил нашествия маньчжурских феодалов, монгольских ханов. Славная освободительная борьба народа Кореи заставила в XVI в. отступить орды японских самураев. В конце XIX в. японские капиталисты были вынуждены отступить перед грозной силой народного гнева.

Японский империализм только при поддержке империалистических держав добился в результате войны 1904—1905 гг. против России установления в 1905 г. протектората над Кореей. В 1910 г. Корея была аннексирована Японией. Установление власти японских колонизаторов вызвало новый мощный подъем антияпонского национально-освободительного движения корейского народа. Даже по неполным данным, в Армии справедливости в 1907 г. насчитывалось 45 тыс. человек, в 1908 г.— около 70 тыс. [1]

В эти годы идеи русской революции 1905 г. оказали огромное влияние на борьбу народных масс Кореи, звали к активному сопротивлению, указывали путь к освобождению. В. И. Ленин в статье «Пробуждение Азии» писал: «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [2].

Несмотря на японский полицейский режим, кровавый террор в стране, действия партизанских отрядов Армии справедливости не затихали и после аннексии Кореи, вплоть до 1915 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эпоху в истории человечества, вызвала могучий подъем освободительных движений во всем мире, волну выступлений против империалистического гнета в колониальных и зависимых странах.

После Октябрьской революции национально-освободительная борьба корейского народа вступила в новую полосу мощного подъема. Народное восстание, начавшееся в марте 1919 г. и охватившее всю Корею, явилось яркой демонстрацией силы влияния идей Октябрьской революции, глубины ненависти народных масс к японским милитаристам. Жесточайшее подавление народного восстания 1919 г. не ослабило волю народа к сопротивлению иноземным колонизаторам.

Рабочее и крестьянское национально-освободительное движение в Корее из года в год крепло и ширилось. Передовые

---

[1] См. Ф. И. Шабшина. Народное восстание 1919 г. в Корее. М., 1952, стр. 24.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

революционные идеи марксизма-ленинизма сплачивали и революционизировали народные массы Кореи. Марксизм-ленинизм постепенно становился теоретической основой тактики и стратегии корейского национально-освободительного движения.

В 1925 г. в Корее на базе революционных марксистских групп была создана Коммунистическая партия. Создание Коммунистической партии Кореи означало коренной поворот в освободительном движении, означало невиданный ранее в стране размах рабочего и крестьянского движения, рост и укрепление профсоюзных, демократических, крестьянских и других прогрессивных организаций.

Мужественные корейские коммунисты активно боролись за создание единого антиимпериалистического фронта и консолидацию сил корейского народа для дальнейшей освободительной борьбы против японских колонизаторов.

Японские колониальные власти и корейская реакция прилагали все силы, чтобы подорвать, разложить революционные организации.

Путем непрекращающихся арестов они стремились обезглавить Компартию Кореи, лишить ее стойких, марксистски подготовленных кадров. Но мужественные борцы за свободу своего народа стойко боролись против японского империализма.

Однако «Коммунистическая партия в тот период,— пишет Ким Ир Сен,— не смогла обеспечить подлинно революционного большевистского руководства борьбой народных масс против японских захватчиков и сотрудничавших с ними корейских феодалов и буржуазии. Жестокие репрессии, подрывные действия японской охранки, неустойчивость мелкобуржуазной интеллигенции, составлявшей в то время ядро Компартии, ослабили ее ряды и привели к тому, что в 1928 г. Компартия Кореи, как организованная сила, прекратила свое существование» [1].

Лучшие сыны корейского народа — наиболее закаленные коммунисты в глубоком подполье собирали, сплачивали силы для воссоздания Компартии. Они продолжали самоотверженно бороться за освобождение своей родины.

Самой активной формой освободительной, антиимпериалистической борьбы явилось партизанское движение под руководством Ким Ир Сена. В 1931 г. японская военщина захватила Маньчжурию и грозила поработить весь Китай. В этот период героическая корейская партизанская армия в братском единении с великим китайским народом развернула герои-

---

[1] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

скую борьбу против японских империалистов. В партизанскую армию вступали лучшие сыны и дочери корейского народа. Японские колонизаторы очень быстро почувствовали, какую грозную силу представляет организованное сопротивление корейского народа.

В этот период в стране антиимпериалистическая борьба выражалась в росте забастовочного движения, в крестьянских восстаниях, арендных конфликтах. Эта борьба проходила под непосредственным руководством корейских коммунистов, действовавших в глубоком подполье.

В период второй мировой войны японские колонизаторы еще более усилили военно-полицейский режим в стране. Но корейские революционеры не прекращали борьбы, они срывали военные мероприятия японского империализма.

Корейский народ писал И. В. Сталину, что его лучшие сыны падали под ударом меча японских захватчиков, умирали в тюрьмах, но оставались непреклонными в борьбе за свободу и независимость своей родины [1].

В августе 1945 г. советские войска, разгромив отборные военные силы японских империалистов, освободили корейский народ от многолетнего колониального гнета. Началась новая эра в истории корейского народа — эра осуществления его заветных чаяний.

Освобождение от ига колониального рабства пробудило огромную творческую энергию корейского народа. В северной части страны — зоне ответственности Советской Армии — начались грандиозные демократические преобразования. Ким Ир Сен писал: «Советский Союз, освободивший Корею, оказывал и оказывает огромную, дружественную, бескорыстную помощь нашему народу. Советское командование в 1945—1948 гг. сделало все от него зависящее, чтобы корейский народ мог самостоятельно, по собственному усмотрению строить свое национальное демократическое государство. Советское командование на деле признало суверенитет корейского народа, полностью передав управление Северной Кореей в руки народных комитетов, созданных самим населением [2].

Это способствовало росту небывалого энтузиазма корейского народа, приступившего к осуществлению в Северной Корее грандиозных демократических преобразований. Главой народного правительства единодушно был избран товарищ

---

[1] См. письмо корейского народа товарищу Сталину. «Правда», 16 февраля 1949 г.

[2] Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.

Ким Ир Сен. Корейскими коммунистами была разработана политическая платформа народной власти, опирающаяся на марксистско-ленинское учение, на опыт государственного строительства в СССР. Неуклонное осуществление этой платформы под руководством Трудовой партии Кореи получило горячую поддержку всего населения, что привело к сплочению всех прогрессивных сил корейского народа в деле строительства независимого демократического корейского государства и к изоляции реакционных националистических элементов, превратившихся в жалких агентов американских империалистов.

Народная власть Северной Кореи уже в марте 1946 г. осуществила аграрную реформу, тем самым воплотив в жизнь многовековую мечту корейского крестьянина, провела национализацию промышленности, транспорта, связи и банков, принадлежавших японцам и изменникам корейского народа. Коренным образом изменились условия труда рабочих, положение женщины, бывшей бесправной рабыней. Были проведены радикальные мероприятия по социальному обеспечению, осуществлены реформы, способствовавшие возрождению и развитию корейской национальной культуры и искусства.

Трудовая партия Кореи творчески применяет богатейший опыт великой Коммунистической партии Советского Союза и сплачивает народ на борьбу за независимость и демократическое развитие страны.

В то время как на севере осуществлялись грандиозные преобразования «благодаря бескорыстной дружеской помощи великого Советского Союза, оказанной им корейскому народу» [1], в южной части Кореи американские империалисты решили использовать временное разделение страны на две зоны для осуществления своих давних колонизаторских замыслов.

Здесь жестоко подавлялось демократическое движение, во главе марионеточного правительства была поставлена клика предателя корейского народа Ли Сын Мана. Американские империалисты, опираясь на корейскую реакцию, лихорадочно готовили вооруженную агрессию против корейского народа.

Но преследования и террор не сломили воли свободолюбивого народа к сопротивлению. По всей Корее росло и ширилось движение за свободу и национальную независимость. Несмотря на полицейский террор и репрессии, вся Южная Корея была объята пламенем партизанской войны.

Образование в сентябре 1948 г. Корейской Народно-демократической республики ознаменовало начало нового этапа борьбы корейского народа за независимость.

---

[1] Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1951, стр. 52.

Единый демократический отечественный фронт, объединявший патриотические партии и организации Северной и Южной Кореи и правительство КНДР прилагали все усилия, чтобы добиться мирного объединения страны, чтобы предотвратить войну, подготавливаемую империалистами США. Но американские империалисты и их южнокорейские марионетки сорвали все попытки единого демократического отечественного фронта осуществить мирное объединение страны. Американские империалисты, используя предательскую клику Ли Сын Мана, развязали преступную кровавую войну против корейского народа.

Но никакие зверства и разбойничьи методы ведения войны не смогли сломить мужественный корейский народ, прошедший суровую школу революционной освободительной борьбы. Несмотря на огромное техническое превосходство противника и массовое уничтожение им мирного населения, корейский народ выстоял и сорвал планы врага. Сознание справедливости своей борьбы, неоспоримое превосходство народно-демократического строя, единство фронта и тыла придали непреоборимую силу корейскому народу и пришедшим ему на помощь китайским народным добровольцам.

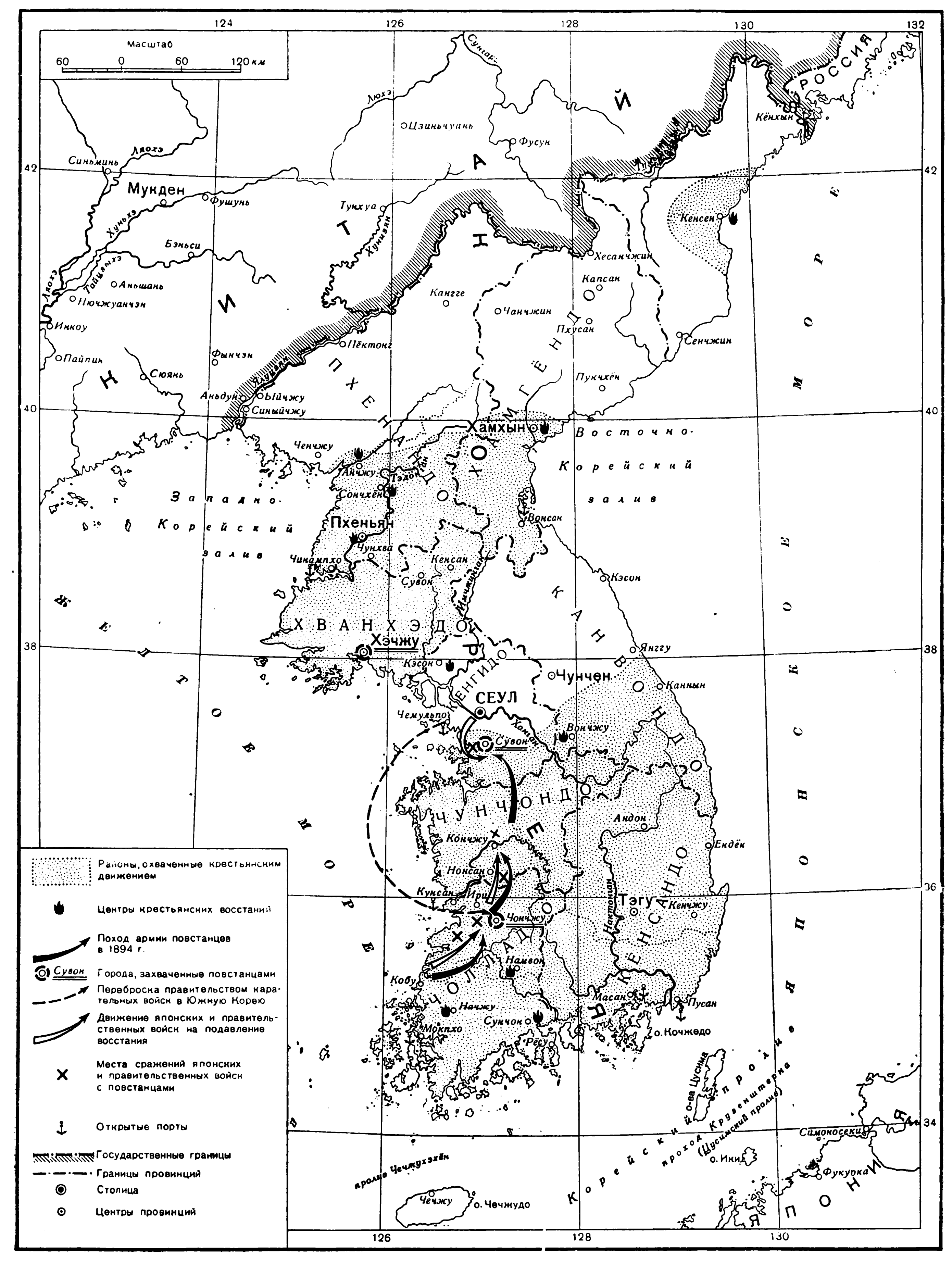
Корейский народ не одинок в своей героической борьбе. В эти трудные годы народ Кореи особенно почувствовал значение солидарности свободолюбивых народов, основанной на принципах пролетарского интернационализма.

Огромно значение победы героического корейского народа. Все «миролюбивые народы,— отмечал Г. М. Маленков,— с благодарностью признают историческую заслугу корейского народа и китайских народных добровольцев, которые отстояли дело мира на Востоке и в немалой мере охладили пыл агрессоров, стремящихся развязать новую мировую войну» [1].

Корейский народ, опирающийся на поддержку всего прогрессивного человечества, на поддержку всего лагеря мира во главе с Советским Союзом, непобедим.

---

[1] Речь председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова на обеде в Кремле 19 сентября 1953 г. «Правда», 20 сентября 1953 г.

Крестьянское восстание в Корее в 1893 — 1895 гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. VIII. Крестьянская война в Германии.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX. Революция в Китае и Европе, стр. 311—318.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX. Британское владычество в Индии, стр. 346—352.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч. I. Персия и Китай, стр. 131—209. Восстание в Индии, стр. 211—341. Китай. Торговля опиумом. Продвижение России в Восточной Азии, стр. 343—372.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XI, ч. II. Новая китайская война, стр. 260—276. Торговля с Китаем, стр. 291—294.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XII, ч. II. Китайские дела, стр. 360—362.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. I. Роль насилия в истории, стр. 495.

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. II. Внешняя политика русского царизма, стр. 3—40.

Маркс К. Капитал, т. I, III, 1952.

Ленин В. И. Соч., т. 3. Развитие капитализма в России, стр. 1—528.

Ленин В. И. Соч., т. 4. Китайская война, стр. 347—352.

Ленин В. И. Соч., т. 4. Проект программы нашей партии, стр. 223.

Ленин В. И. Соч., т. 5. Уроки кризиса, стр. 74.

Ленин В. И. Соч., т. 6. Новые события и старые вопросы, стр. 247—252

Ленин В. И. Соч., т. 12. Сила и слабость русской революции, стр. 317.

Ленин В. И. Соч., т. 15. Горючий материал в мировой политике, стр. 162.

Ленин В. И. Соч., т. 19. Пробуждение Азии, стр. 65—66.

Ленин В. И. Соч., т. 21. Социализм и война, стр. 274.

Ленин В. И. Соч., т. 22. Империализм, как высшая стадия капитализма, стр. 173—290.

Ленин В. И. Соч., т. 23. Доклад о революции 1905 г., стр. 244.

Ленин В. И. Соч., т. 23. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», стр. 31—32.

Ленин В. И. Соч., т. 25. Первый всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г., стр. 22.

Ленин В. И. Соч., т. 28. Письмо к американским рабочим, стр. 44.

Ленин В. И. Соч., т. 28. Ценные признания Питирима Сорокина, стр. 166.

Ленин В. И. Соч., т. 31. Речь на собрании актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г., стр. 415.

Ленин В. И. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 618, 620.
Ленин В. И. Письма к Инессе Арманд. Неопубликованные документы, «Большевик», 1949, № 1, стр. 40.
Сталин И. В. Соч., т. 1. Маркс и Энгельс о восстании, стр. 241—246.
Сталин И. В. Соч., т. 2. Марксизм и национальный вопрос, стр. 290—367.
Сталин И. В. Соч., т. 4. Не забывайте Востока, стр. 171—172.
Сталин И. В. Соч., т. 4. О политическом положении республики, стр. 378.
Сталин И. В. Соч., т. 4. Октябрьский переворот и национальный вопрос, стр. 166—167.
Сталин И. В. Соч., т. 8. О перспективах революции в Китае. Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г., стр. 361.
Сталин И. В. Соч., т. 9. Речь на собрании рабочих Сталинских ж.-д. мастерских Октябрьской дороги, стр. 173.
Сталин И. В. Соч., т. 9. Беседа со студентами университета имени Сун Ят-сена 13 мая 1927 г., стр. 240.
Сталин И. В. Соч., т. 13. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г., стр. 112—113.
Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 11.
Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5.
Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1952.
Сталин И. В. Беседа с корреспондентом «Правды», М., 1951.
Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952.
«История ВКП(б). Краткий курс».

Маленков Г. М. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). М., 1952.
Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. 1—3, М.
Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1951.
Ким Ир Сен. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба корейского народа. «За прочный мир, за народную демократию!», 2 ноября 1951 г.
Ким Ир Сен. Пролетарский интернационализм и борьба корейского народа, «За прочный мир, за народную демократию!», 25 апреля 1952 г.
Ким Ир Сен. Сталинские идеи вдохновляют народы, борющиеся за свою свободу и независимость. «Правда», 11 марта 1953 г.

Опубликованные документы, сборники договоров

Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), сост. Гримм Э. Д., М., 1927.
«Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг.». «Красный архив», 1932, т. 50—51.
«Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917. Серия II.
«Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г. СПб., Министерство иностранных дел, 1906.
«Описание Кореи», т. 1, 2, 3. Изд. министерства финансов. СПб., 1900.
«Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке». (Материалы особого совещания для обсуждения вопросов дальневосточной политики 1888—1903 гг.) «Красный архив», т. 52, 1932.
«Сборник договоров России с Китаем 1689—1881 гг.» — СПб., 1889, Министерство иностранных дел.

«Свод международных постановлений, определяющих взаимные отношения между Россией и Китаем. 1689—1897». СПб., 1900.
«Словесные переговоры о мире в Симоносеки в 1895 г.». «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 71, СПб., 1897.
«Советский Союз и Корейский вопрос. Документы». М., 1948.
«Korean-american Relations. Documents pertaining to the Far Eastern diplomacy of the United States», т. I. 1883—1886. Вашингтон, 1950.
M. C. Murray J. V. A. (ed.). Treaties and agreements with and corcerning China, 1894—1919, т. 1—2, Нью-Йорк, 1921.
«Papers relating to the Foreign Relations of the United States — Publication of the Departament of State». Вашингтон, 1888—1895 гг.
«Treaties and conventions between China and Foreign States». Шанхай, 1917.
«Treaties and conventions between United States and other Powers 1876—1889». 1889.

Справочные издания, мемуары, дневники, автобиографии

Афанасьев. Современное состояние вооруженных сил Кореи. СПб., 1902.
Афанасьев и Грудзинский. Русские инструктора в Корее. Хабаровск, 1898.
Вебель. Поездка в северную Корею в 1889 г.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 41, СПб., 1890.
Витте С. Ю. Воспоминания, т. I. Берлин, 1922.
Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия. М., 1950.
Дадешкалиани. Краткий очерк современного состояния Кореи.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 22, СПб., 1884.
«Дипломатический словарь», т. 1—2. М., 1948—1950.
«Дневник П. М. Делоткевича по пути пешком из Сеула в Посьет».— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 38, СПб., 1888.
«Записки японского переводчика Отано Кигоро», перевод П. А. Дмитревского, «Записки по общей географии имп. Русского географического общества», т. XII, ч. IV. СПб., 1884.
Звягинцев А. И. Поездка в Северную Корею, «Известия имп. Русского географического общества», т. XXXVI, СПб., 1900, вып. V.
«Извлечение из донесений ген. штаба полковника Вогака».— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 60, СПб., 1895.
Извольский А. П. Воспоминания. Пг.— М., 1924.
Иссии К. Дипломатические комментарии. Пер. с англ. М., 1942.
Ламсдорф. Дневник, «Красный архив», т. 46.
Лубенцов А. Г. Хамкенская и Пхиенанская провинции Кореи. Хабаровск, 1897.
Матюнин. Об отношении Кореи к иностранным государствам.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 58. СПб., 1894.
Надаров И. П. Путешествие по Корее с декабря 1885 г. по март 1886 г., «Известия Русского географического общества», т. 15, 1889.
«Поездка в Корею генштаба подполковника Альфтана в декабре 1895 и январе 1896 г.» — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 69, СПб., 1896.

«Поездка генштаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895—1896 гг.» — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 75, СПб., 1901.
Попов. Корейский вопрос.—«Наблюдатель», 1886, № 5, стр. 68.
Путята Д. В. Корейская торговля в 1893 г.— «Сборник географических топографических и статистических материалов по Азии», вып. 58, 1895.
Соковнин. О современных корейских войсках.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 58. СПб., 1896.
Стрельбицкий И. И. Дополнительные таблицы о торговле Кореи.— «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 73, СПб., 1898.
Bishop J. B. Korea and her neighbours, т. I—II, Лондон, 1898.
Hamilton A. Korea. Лондон, 1904.
MacKenzie F. A. The tragedy of Korea, Лондон, 1908.
MacKenzie F. A. Korea's fight for freedom. Нью-Йорк, 1920.
MacKenzie F. A. The unfeiled East. Лондон, 1907.
Pooley A. M. The Secret memoirs of count Tadasu Hayashi. Нью-Йорк, 1915.
Wilkinson W. H. The Korean Government constitutional changes. July 1894 to October 1895. Шанхай, 1897.

Исторические исследования, монографии и другие работы

Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. М., 1952.
Азбелов И. Япония и Корея. М., 1895.
Астафьев Г. В. Колониальная политика США на Гаваях в доимпериалистический период (1790—1890 гг.), «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. I, 1950.
Белоконский. Корея. СПб., 1902. «Война между Китаем и Японией в 1894—1895 гг.», Новгород, 1896.
Гальперин А. Л. Англо-японский союз. Госполитиздат, М., 1947.
Гальперин А. Л. Обзор международных отношений на Дальнем Востоке 1830—1931 гг. «Историк-марксист», М., 1940, № 4—5.
Гамильтон А. Корея. СПб., 1904.
Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866—1871). «Вестник ЛГУ», 1951, № 8.
Губер А. А. Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904). «Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР», т. I, 1947.
Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. Госполитиздат, 1952.
Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904—1905), «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 4.
Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
Жуков Е. М. История Японии. М., 1939.
Ждан-Пушкин. Корея. СПб., 1875.
Зайчиков В. Г. Корея. М., 1951.
Кара-Мурза Г. С. Тайпины. Учпедгиз, 1950.
Колокольников. Корея. М., 1909.
Кюнер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Владивосток, 1910.
Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. Пер. с корейского. М., 1952.

Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. Перевод с китайского. М., 1951.
Лян Ци-чао. Ли Хун-чжан, или политическая история Китая за 40 лет. СПб., 1905.
«Международные отношения на Дальнем Востоке» (1870—1945). Госполитиздат. М., 1951.
Нарочницкий А. Л. Англия, Китай и Япония накануне японо-китайской войны 1894—1895 гг. «Исторические записки АН СССР», т. 12.
Нарочницкий А. Л. Англия, Россия и корейский вопрос летом 1894 г. «Исторические записки АН СССР», т. 24, 1947.
Нарочницкий А. Л. Соединенные Штаты Америки и японская агрессия в Корее и Китае в 1894—1895 гг., «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 3, 1950.
Нарочницкий А. Л. К вопросу о японской агрессии в Корее и причинах японо-китайской войны 1894—1895 гг., «Вопросы истории», 1950, № 5.
Нарочницкий А. Л. Корейско-американские отношения. Документы, относящиеся к дальневосточной дипломатии США, т. I. «Вопросы истории», 1952, № 2.
Нозиков Н. Н. Японо-китайская война. Воениздат. М., 1939.
«Новая и новейшая история Китая». Пер. с китайского. М., 1950.
Нихамин В. П. Русско-японские отношения и Корея 1894—1898 гг., М., 1948 (Диссертация).
Пак М. Н. Очерки из политической истории Кореи во второй половине XIX в., «Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета», вып. 8, 1948.
Пак М. Н. К характеристике социально-экономических отношений в Корее в конце XIX в.— «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.
Пак М. Н. Главы по Корее.— «Новая история стран зарубежного Востока». М., 1952.
Поджио. Очерки Кореи. СПб., 1898.
Покотилов Д. Корея и японо-китайское столкновение. СПб., 1895.
Попов А. Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в.— «Против антимарксистской концепции Покровского», т. 2.
«Работа военно-исторической комиссии», СПб., 1906.
Ржевусский. Японо-китайская война 1894—1895 гг. СПб., 1896.
Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928.
Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. М.— Л., 1947.
Россов П. Национальное самосознание корейцев. СПб., 1906.
Серошевский В. Корея. СПб., 1909.
Симанский П. Н. Японо-китайская война 1894—1895 гг. СПб., 1896.
Сувиров А. М. Корея. СПб., 1904.
Стэд А. Японцы о Японии. СПб., 1905.
Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. Пер. с китайского. М., 1951.
Хуа Ган. История революционной войны Тайпинского государства. Пер. с китайского. М., 1952.
Цинь Бень-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. Пер. с китайского. М., 1951.
Шабшина Ф. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и крестьянское движение в Корее, «Вопросы истории», 1949, № 6.
Шабшина Ф. И. Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952.

Лим Кван Чоль. Тёсэн рекиси токухон (Учебник по истории Кореи). Токио, 1949.

Ли Чен Вон. Чосон кындэса ёнгу (Исследования по новой истории Кореи). Пхеньян, 1947.

Ли Чен Вон. Чосон э тэхан миче'ы чхим'як ёкса (История агрессии американских империалистов в Корее). Пхеньян, 1951.

«Чосон минчжок хэбан тучженса» («История освободительной борьбы корейского народа»). Изд. Университета им. Ким Ир Сена, Пхеньян, 1949.

«Чосон хэбан ква самиль ундон» («Освобождение Кореи и первомартовское движение»). Сборник союза ученых. Сеул, 1946.

«Чосон э тэхан миче'ы чхим'як ква чве'як ы ёкса». («История агрессии и преступлений американских империалистов в Корее»). Издание трудовой партии, Пхеньян, 1951.

Ван Юнь-шен. Ниси гайкороку дзю нэн си (История японо-китайской дипломатии за 60 лет). Токио, 1933.

«Ито Хиробуми дэн» («Биография Ито»), т. 3, б. м., б. г.

Кикути Кэндзё. Киндай Тёсэн си (Современная история Кореи), т. 2, Сеул, 1936.

Кикути Кэндзё. Киндай Тёсэн римэн си (Закулисная история современной Кореи), Сеул, 1940.

Номура. Нитиро гайко си (История русско-японских отношений). Токио, 1943.

Сидэхара Хироси. Тёсэн сива (Очерки истории Кореи), Токио, 1938.

Синобу. Муцу гайко (Дипломатия Муцу). Токио, 1940.

Синобу Сэйсабуро. Киндай ниппон гайко си (История японской современной дипломатии). Токио, 1942.

Akagi R. H. Japan's foreign relations 1542—1936, a short history. Токио, 1936.

Asakawa Kanichi. The russo-japanese conflict. Бостон, 1904.

«The American Secretaries of State and their diplomacy», ed. by S. T. Bemis and oth., т. 1—10, Нью-Йорк, 1927—1929.

Brandt M. Drei Jahre ostasiatische Politik. 1894—1897. Берлин.

Brown A. P. The mastery of the Far East. Нью-Йорк, 1921.

Curzon G. N. The problems of the Far East. Лондон, 1894.

Dennett T. Seward's Far Eastern Policy. «American Historical Review», XXXVII, 1922, № 1.

Dennett T. American good offices in Asia. «American journal of International Law», т. XVI (1922).

Dennett T. American choices in the Far East in 1882. «American Historical Review», т. XXX, № 1, дек. 1924.

Dennett T. Early american policy in Korea, 1883—1887. «Political Science Quarterly», No. XXXVIII, 1923.

Dennett T. Theodore Roosevelt and the russo-japanese war. Нью-Йорк, 1925.

Dennett T. Americans in Eastern Asia. Нью-Йорк, 1941.

Dulles F. R. America in the Pacific. Нью-Йорк — Бостон, 1932.

Foster J. W. American diplomacy in the Orient. Бостон — Нью-Йорк, 1926.

Harrington F. H. God Mammon and the japanese; Horace N. Allen and Korean-American relations, 1884—1905, Мэдисон, 1944.

Hayashi T. Korean affairs. «Asiatic Quarterly Review». Окт., 1894.

Hulbert H. B. The history of Korea, т. 1—2. Сеул, 1905.
Hulbert H. B. The passing of Korea. Нью-Йорк, 1906.
Griffis W. Corea the Hermit Nation. Нью-Йорк, 1911.
Longford J. H. The story of Korea. Нью-Йорк, 1911.
Mac Nair. Modern Chinese history; selected readings, Шанхай, 1923.
Morse H. B. The International relations of the Chinese empire, т. 3, Нью-Йорк, 1918.
Nelson M. F. Korea and the old orders in Eastern Asia. Baton Rouge, 1946.
Norman H. The peoples and politics of the Far East, Нью-Йорк, 1895.
Oppert E. A forbidden Land. Лондон, 1880.
Pollard. American relations with Korea 1882—1895. «Chinese Social and Political Science Review», XVI, 1932—1933.
Pooley A. The secret memoirs of count Tadasu Hayashi. Нью-Йорк, 1915.
Remer Ch. F. The foreign trade of China. Шанхай, 1917.
Ross J. History of Korea, ancient and modern. Лондон, 1879.
Treat P. J. United States and Sino-japanese war. Political Science Quarterly. XLII, 1932.
Treat P. J. The good offices of the United States during the Sino-japanese war. «Political Science Quarterly», XLVII, N 4, 1934.
Treat P. J. International relations between Japan and United States 1895—1905. Stanford univ., 1938.
Treat P. J. Japan and United States 1853—1921. Stanford Univ., 1928.

Периодические издания:
Журналы. Газеты

«Дальний Восток» за 1893, 1894, 1895, 1896 гг.
«Новое время» за 1893, 1894, 1895, 1896 гг.
«Неделя» за 1893, 1894, 1895, 1896 гг.
«Разведчик» за 1893, 1894, 1895, 1896 гг.
«Русский вестник» за 1893, 1894, 1895, 1896 гг.
«Новая Корея» за 1950, 1951, 1952, 1953 гг.
«The Korean Repository» за 1892, 1895, 1896, 1897, 1898 гг.
«The Korea review», 1903 г.
«North China Herald», 1893 г.
«The Japan Weekly Mail», 1896 г.
«Times» за 1894, 1895 гг.
«Transactions of the Korean branch of the Royal Asiatic Society» т. XXVIII, Сеул, 1938; т. XVIII, Сеул, 1929.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии Наук СССР

Редактор издательства *М. Н. Пак*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *Е. А. Васильева*

РИСО АН СССР № 63—51В. Т-07649. Издат. № 2.
Тип. заказ № 1497. Подп. к печ. 21/X 1953 г.
Формат бум. $60 \times 92^1/_{16}$. Бум. л. 6,5. Печ. л. 13.
Уч.-издат. 13,8 + 1 вкл. (0,1 уч.-изд. л.). Тираж 8000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 9 р. 40 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
48	4 сн.	чхим'якёкса	чхим'як ёкса
53	2 сн.	чве'як ёкса	чве'якы ёкса
80	3 св.	Чончжу Пексан	Чончжу,
141	3 сн.	1893—1894 гг	1893—1895 гг.
172	9 сн.	договора	заговора

Г. Д. Тягай

2-я ТИПОГРАФИЯ
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

КОНТРОЛЕР № 25

При обнаружении недостатков
в книге просим возвратить книгу
вместе с этим ярлыком для обмена

9 р. 40 к.

Г. Д. ТЯГАЙ · КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КОРЕЕ